

ХИРИНСКИЙ ХРОНОГРАФ

М. А. Ляпин

Очерки истории
села Хирина,
что под Арзамасом,
XVI - XXI веков

Благотворительный фонд
по восстановлению храма Усекновения главы Иоанна Предтечи

М. А. Ляпин

ХИРИНСКИЙ ХРОНОГРАФ

*Очерки истории села Хирина,
что под Арзамасом,
XVI–XXI веков*

Москва

2014

УДК 904
ББК 63.3(2Рос)
ББК Л 97

Издание осуществлено при поддержке Благотворительного фонда по восстановлению храма Усекновения главы Иоанна Предтечи в селе Хирина и лично И. Р. Ашурбейли.

Ляпин М.А.

Хиринский хронограф. Очерки истории села Хирина, что под Арзамасом, XVI–XXI веков.
М.: ИД «Кодекс», – 2014. – 200 с.
ISBN 978-5-904-280-49-9

Эта книга посвящена более чем 430-летней истории села Хирина Шатковского района Нижегородской области начиная со времен царствования Иоанна Грозного и до наших дней, ознаменовавшихся возрождением в селе уникальной каменной церкви, построенной в середине XVIII века.

Автор стремится проследить связь жизни села и его обитателей с событиями как регионального, так и общегосударственного значения на примере судеб отдельных людей и целых семей.

Безусловного внимания заслуживает историко-культурологическая реконструкция, раскрывающая тайны хиринского храма и его создателя. Возможно, предположение о том, что автором архитектурного проекта мог быть А. А. Путятин, если в дальнейшем эта гипотеза подтвердится, станет открытием нового имени в истории русского церковного зодчества.

Несомненное достоинство книги – привлечение большого количества малоизвестных документов и неопубликованных архивных материалов, в том числе повествующих о ярких и драматичных судьбах хиринских помещиков и землевладельцев: Г. В. Львова, П. И. Горчакова, Адагуровых, Пуятиных, М. А. Головина, Балашевых и других, оказавшихся в водовороте грандиозных событий своего времени.

Не менее любопытны документальные зарисовки из жизни нескольких поколений хиринских каменщиков, которые, сделав своим главным доходным занятием отхожие промыслы по строительным специальностям, преодолевали в поисках заработков и лучшей жизни огромные расстояния и оставили следы своей деятельности в самых разных уголках Российской империи.

Издание вызовет интерес не только специалистов, но и широкого круга читателей – знатоков и любителей отечественной и местной истории.

© Ляпин Михаил Александрович, 2014
© Дизайн макета выполнен по заказу холдинга «Социум»
рекламно-издательской фирмой ООО «Рекламный проспект», 2014

УДК 904
ББК 63.3(2Рос)

ISBN 978-5-904-280-49-9

Оглавление

Вступительное слово автора идеи книги, издателя и ктитора храма Иоанна Предтечи в Хирине И. Р. Ашурбейли	5
Приветственное слово губернатора Нижегородской области Валерия Павлиновича Шанцева	7
Приветственное слово митрополита Нижегородского и Арзамасского Георгия	9
От автора	10
Глава I. С чего начинается Родина	13
1. Хиринская смысловая география	14
2. «Что в имени тебе моем?»	22
3. Неисповедимы пути Господни, ведущие в Хирино	26
4. Мысли у околицы	31
5. «Мары»	32
Глава II. Начальная история Хирина в лицах	35
1. Пролог	36
2. Три поколения Хириных – владельцев поместья в арзамасской Тиши . . . 37	
1583 (7091) год, 28 января. Отдельные книги поместий Григория Львова и вдовы и детей Ивана Болобанова	40
3. Господню Предтече тезоименитый: князь Иван Семенович Путятин . . . 42	
Еще один арзамасский помещик	42
Русский страх при лжецарях. Московское государство в годы Смуты начала XVII века	43
Спасители Отечества: два земских ополчения и участие в них И. С. Путятин	48
Год 1613-й	50
«Жилец московский»	52
Завещание И. С. Путятин	53
Исторический двойник: завязка наследственной драмы конца XVIII века	54
4. По следам первых хиринских помещиков	56
В поисках Ивана Болобанова	57
Григорий Васильевич Львов – бывший опричник у руля российской дипломатии?	58
Одиссея Петра Ивановича Горчакова	60
«Жильда на правду»: история хиринского поместья Ададуриных	70
Несостоявшийся покоритель Сибири стрелецкий голова Воин Аничков	72
Глава III. Барская воля. Очерки владельческой истории села Хирина XVII–XVIII веков	75
1. Поместья и вотчины	76
2. Хроники хиринского поместно-вотчинного землевладения XVII–XVIII веков (из записных книг Поместного приказа и Вотчинной коллегии)	77

3. Три очерка о тех, «кому на Руси жить хорошо»	81
«По имени и житие»: Несмеянов сын Зловидов, а звали Григорием	81
«Отлынил»: эпизод из служебной биографии Александра Дмитриевича Волынского.	83
«Без вины виноватый». Стольник Матвей Алексеевич Головин	85
4. Под гербом князей Путятиных. Хирино в XVIII столетии	89
Нижегородский вице-губернатор Степан Иванович Путятин и его сыновья	89
Строительство каменной церкви и благоустройство усадьбы при Алексее Алексеевиче Путятине	92
Храм – икона. Символ – история – судьба	95
Путятинский род, да не тот: странная история с наследством	105
5. Господа Балашевы	110
Знакомство с новыми владельцами.	110
Наследники промышленной империи Твердышевых и Мясникова	111
Горные заводы против села Хирина с деревнями	114
Жребий, который был предreshен	118
Итальянский мор продолжается. Сироты и опекуны.	119
Глава IV. Земля и неволя. Взаимоотношения хиринских помещиков и крестьян до и после отмены крепостного права	121
1. О свободе и рабстве. Уроки крепостного права.	122
2. Хиринская вотчина как доходное место	124
3. Земельный вопрос: ребус господина Зендера	129
4. Крестьянский ответ: миссия унтера Безсонова.	134
5. С землей, но без земли. Жизнь хиринцев после крестьянской реформы .	139
Глава V. Дорогами хиринских каменщиков	141
1. От сохи и плуга к кирке и лопатке. Начало истории хиринских каменщиков	142
2. Этапы развития отхожих промыслов в селе Хирине	149
3. Специализация внутри промысла.	150
4. Некоторые обобщения.	153
5. Миграции хиринских строителей-отходников	155
6. Хиринские печники в Баку	161
Постскриптум	168
О памяти и связи поколений (вместо заключения)	169
Фотолетопись хиринского возрождения.	173
Список использованных источников и литературы	190
Список сокращений, использованных в подписях к иллюстрациям и в библиографии	199

*Вступительное слово автора идеи книги,
издателя и ктитора храма Иоанна Предтечи в Хиризине
И. Р. Ашурбейли*

Уважаемые соотечественники, дорогие земляки!

Два года назад на средства учрежденного мною целевого благотворительного фонда в селе Хиризине Шатковского района Нижегородской области начались работы по восстановлению храма в честь Усекновения честной главы Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна.

С Божьей помощью и благодаря усилиям многих людей эти работы, наконец, успешно подошли к своему завершению. Хиридцам и Нижегородской митрополии Русской Православной Церкви возвращен прекрасный храм, а России – уникальный, не имеющий аналогов памятник архитектуры 2-й половины XVIII столетия. Пусть он снова несет людям радость богообщения и духовного единения, душевный мир и утешение в скорбях, на которые, увы, так щедре наша земная жизнь.

Развалины Предтеченской церкви я увидел в 2010 году, сначала на фотографиях, а потом и собственными глазами, когда в 2011 году впервые посетил Хирино – родину своих предков по материнской линии. Мой прадед Григорий Степанович Резанов покинул эти места в начале XX века и перебрался в Баку, где родились моя бабушка, потом мама и, наконец, я. Застать в живых своего прадеда мне не довелось, но в нашей семье никогда не терялась эта ниточка памяти, связывавшая нас с далекой и незнакомой мне малой родиной. Поэтому я с детства знал, что где-то недалеко от Арзамаса есть русское село под названием Хирино, откуда идут наши корни.

Состоявшаяся, наконец, долгожданная встреча оставила в моей душе противоречивые чувства. Вместе с радостью от возвращения к истокам, от прикосновения к земле предков, помню, я был потрясен тем, что хирицкая святыня – вернее, то, что от нее осталось, – стоит посреди села в столь плачевном виде. Решение о необходимости восстановить храм родилось мгновенно, без всякого обдумывания, хотя внешние обстоятельства никак не благоприятствовали тогда реализации столь масштабного проекта.

Обратный путь из Хирина прошел в размышлениях о величии и трагизме российской истории, о превратностях человеческих судеб и о том, что ввергает людей в состояние дикого варварства, когда они, словно в помешательстве, готовы уничтожать свои святыни, культуру, память о прошлом и даже друг друга. Знаю, что в этом искании я не одинок – подобными вопросами задаются многие мои соотечественники, особенно когда видят руины сельских храмов, которые часто встречаются в российской глубинке.

Появление этой книги продиктовано в том числе стремлением найти ответы на эти неудобные вопросы.

Мы знаем, что в XX веке наша страна пережила тяжелейший период своей истории, начало которому было положено революцией и братоубийственной гражданской войной. Под властью большевиков родилось новое советское общество, расколотое идеологией классовой ненависти. Революционное настоящее с его «враждебными вихрями» разделило нашу историю на «темное прошлое» и «светлое будущее», а общество – на тех, кто имеет право носить звание человека, и на «бывших людей», которым их прошлое, по мнению идеологов новой формации, не позволяло считаться полноценными гражданами ставшей уже не своей страны.

Сегодня общество, которое на собственном горьком опыте познало все эти тяготы, должно – просто обязано – научиться ценить и беречь свою свободу. Однако истинная свобода в действительности далека от того, что давно и широко проповедуется во всем мире как либерально-демократические ценности, так же чуждые нашей стране, как и диктатура пролетариата.

В основе настоящей свободы для человека лежит свобода его духа, которая ни при каких обстоятельствах уже не позволит ему сделаться рабом – ни власти, ни обстоятельств, ни собственных страстей. А для того чтобы стать по-настоящему свободными, нам важно твердо знать, кто мы, откуда идем и куда держим путь.

Одним из малых ответов на вопрос «куда?» является возрождение Предтеченского храма, ибо все мы, по слову Священного Писания, странники на этой земле и тернистой дорогой возвращаемся к Богу, к своему Небесному Отцу, с Которым нас разлучает господствующий в мире грех. А ответ на вопрос «откуда?» отчасти призвана дать эта книга, посвященная реконструкции истории села Хирина в контексте истории России. Именно знание и понимание прошлого позволяет нам всегда помнить о том, кто мы, откуда идем и какой путь уже прошли.

Восстановление исторической памяти и преемственности поколений чрезвычайно важно и необходимо как для каждого отдельного гражданина, так и для общества в целом, если мы хотим, чтобы у нас и наших потомков было достойное будущее в сильной и независимой стране.

Это должно начинаться с семьи, с воспитания в детях и внуках послушания и уважения к старшим, к семейным традициям и праздникам, с любви к альбому с пожелтевшими фотографиями и трепетного сохранения старых семейных писем.

Мы должны знать и понимать свою историю, постоянно расширять свой исторический кругозор и ощущать себя полноценными участниками исторического процесса, принимая на свой счет и собственную долю коллективной ответственности за наше общее прошлое, настоящее и будущее.

И. Р. Ашурбейли

Приветственное слово губернатора Нижегородской области Валерия Павлиновича Шанцева

Уважаемые друзья!

Возрождение российского села – одна из первоочередных задач, стоящих сегодня перед нашим обществом и властью. Много усилий в этом направлении предпринимаем и мы в Нижегородской области.

С чувством глубокой радости и гордости за своих земляков я внимательно наблюдаю за тем, как возрождается в Шатковском районе село Хирино и как воодушевляют его жителей те позитивные перемены, которые происходят здесь последние два года по инициативе Игоря Рауфовича Ашурбейли и генерального директора «Арзамасского приборостроительного завода» Олега Вениаминовича Лавричева.

Особенно значимо, что это движение к созиданию, духовным символом которого стал поднятый из руин удивительный по красоте православный храм, основывается на истинной любви к отечественной истории и родному краю, на уважении к памяти и традициям предков, на глубоком понимании нашего прошлого и вдумчивом отношении к нему.

В этом смысле очень важным считаю появление этой замечательной книги, созданной на основе весьма серьезного исследования и изучения большого количества архивных источников.

В «Хиринском хронографе» не только рассказывается история Предтеченской церкви и самого села с момента его первого упоминания в документах, но и прослеживаются биографии людей, живших на этой земле в разные времена. Исключительно интересно и то, что повествование о Хирине вплетено в историю всей России – читатели буквально ощущают, как различные события государственного масштаба накладывают свой отпечаток на судьбы отдельных семей.

Вообще наша глубинка всегда была источником культуры и духовности, хранительницей народных традиций, которые передавались из поколения в поколение.

Я знаю это не понаслышке, потому что родился в селе Сусанине Костромской области, где все пропитано памятью о нашем великом соотечественнике русском крестьянине Иване Сусанине. Его бессмертный подвиг воодушевлял не одно поколение россиян на ревностное служение Отчизне.

А мы, мальчишки послевоенной поры, росли на примерах русских полководцев, советских солдат и офицеров, сражавшихся на фронтах Великой Отечественной, самоотверженных тружеников тыла, выдающихся изобретателей, новаторов, первооткрывателей.

Кстати, свое имя я получил в честь нашего прославленного земляка Валерия Павловича Чкалова. И поэтому старался стать в чем-то на него похожим: после школы поступил в авиационный техникум, потом служил в войсках ПВО, готовил самолеты к полетам. Получается, что сама история, ее герои и известные предшественники были для нас школой жизни.

Очень важно, что сейчас все больше людей приходит к пониманию того, что нужно любить родную землю, на преданности которой основаны патриотизм и уважение к нашему Отечеству. И я счастлив, что в Нижегородской области есть достойный подражания пример того, как следует беречь то малое, из чего рождается великое.

Выражаю слова глубокой признательности всем, кто вносит свою лепту в развитие села Хирина. Именно в таком стремлении сохранить многовековые духовные традиции и восстановить историческую правду я вижу будущее российской деревни.

Верю, что обновленное Хирино станет ярким тому подтверждением.

Со своей стороны как глава региона и как гражданин великой страны сделаю все от меня зависящее, чтобы этот мощный созидательный импульс был поддержан нижегородцами. Тогда наша глубинка будет возрождаться, способствуя укреплению и приумножению славы и величия всей России.

В. П. Шанцев

Приветственное слово митрополита Нижегородского и Арзамасского Георгия

Дорогие братья и сестры!

Вы держите в руках книгу, посвященную истории села Хирина и его церкви, восстановленной из руин трудами и попечением Игоря Рауфовича Ашурбейли. От лица всех православных христиан Нижегородской митрополии я приношу сердечную благодарность ему и всем, кто принимал в этом богоугодном деле посильное участие.

Весьма знаменательно, что хиринский храм посвящен Иоанну Предтече, Крестителю Господню, который в православной традиции символизирует собой связь времен и преемственность духовных традиций, что особенно актуально для современной России, где эта преемственность в XX веке была жестоко нарушена.

Нашему обществу необходимо понять, что после всего пережитого в прошедшем столетии духовно-нравственное возрождение может наступить, только если мы изменим свое отношение к прошлому, найдем в себе силы примириться с ним и усвоить его уроки. А для этого мы должны не только знать и помнить свою историю, но и постоянно чувствовать ее биение в своем сердце, сознавая свою ответственность перед Богом и людьми за каждый наш шаг, за каждое слово и каждый поступок.

Важной вехой на этом пути является выход в свет «Хиринского хронографа».

Я от души поздравляю читателей с появлением этой глубокой, с любовью написанной книги, которая не только освещает ранее неизвестные страницы прошлого села Хирина, его удивительного храма, непростых взаимоотношений местных помещиков и крестьян, но и в полной мере позволяет хиринцам ощутить себя частью великой страны с ее славной и очень трагической историей.

С полным правом сегодня можно сказать, что Хирино становится не только центром духовного возрождения, но и примером правильного отношения к нашему прошлому, культурно-историческому наследию и памяти предков.

Неустанно призывая всех посещать храмы Божии и строить свою жизнь по заповедям Господним в духе любви и уважения к ближним, я также напоминаю о необходимости читать хорошие книги, приучать к этому своих детей, интересоваться историей Отечества и жизнью предков, чтобы учиться на опыте ушедших поколений не повторять их трагических ошибок.

Благословение Божие и Покров Его Пречистой Матери
да пребывают со всеми вами!

**Митрополит Нижегородский и Арзамасский
Георгий**

От автора

История этой книги начиналась с короткого рассказа о бакинском рабочем Григории Степановиче Резанове, родившимся в Хиринах в конце XIX века, и с нескольких страниц скромного краеведческого альбома местной жительницы Веры Александровны Ваняшевой, долгое время заведовавшей здесь сельской библиотекой.

За годы поисков, прошедших с тех пор, было выявлено более сотни уникальных архивных документов, повествующих о прошлом села Хирина и удивительных судьбах людей с ним связанных.

Из-за большого объема собранной информации лишь часть найденных материалов вошла в эту книгу. Некоторые сведения уже были опубликованы в 2013 году на страницах юбилейного буклета «Хиринский хронограф: События. Люди. Судьбы», посвященного 430-летию села Хирина. Но исследовательская работа в этом направлении обязательно будет продолжена, в том числе, хочется верить, с помощью неравнодушных читателей, которым, надеюсь, дорога история нашей страны и память о своих предках, словом и делом эту историю создававших.

Главная заслуга в появлении на свет настоящего издания принадлежит правнуку вышеупомянутого бакинского рабочего Резанова Игорю Рауфовичу Ашурбейли, который с юных лет бережно хранит в своем сердце семейную память и любовь к отечественной истории.

В одном из стихотворений Осипа Мандельштама есть такие слова: «Мы живем, под собою не чуя страны». Как бы в продолжение этой мысли И. Р. Ашурбейли была предложена идея создания такой книги по истории своей малой родины, которая позволила бы как раз «почувать» страну, увидеть в приближении, как великие события нашего прошлого раскрывали себя в частных подробностях и жизненных обстоятельствах отдельных людей, и дать возможность читателям окунуться в культурную среду ушедших эпох.

От всей души я приношу ему огромную благодарность за всестороннюю помощь и поддержку, за его живой интерес к моим исследовательским изысканиям, вдохновляющие слова, советы и ту удивительную атмосферу полной творческой свободы, которой я был предоставлен в период работы над этой книгой. А особенно за дарованную мне возможность оказаться причастным к возрождению действительно уникального хиринского храма в честь Усекновения честной главы Иоанна Пророка, Предтечи и Крестителя Господня и Живоносного Источника Божией Матери, восстановление которого шло интенсивными темпами параллельно с написанием этой книги и раскрытием его удивительной истории.

Хочу поблагодарить всех тех, кто помогал мне и создавал благоприятные условия для работы на разных этапах этого долгого, но чрезвычайно интересного

пути: руководство и коллективы Центрального архива Нижегородской области (г. Нижний Новгород), Государственных архивов Нижегородской области в г. Арзамасе и г. Балахне, Российского государственного архива социально-политической истории (г. Москва) и лично заместителя директора Валерия Николаевича Шепелева, Российского государственного архива древних актов (г. Москва) и лично старшего научного сотрудника Сергея Васильевича Сироткина, Российского государственного исторического архива (г. Санкт-Петербург), Государственного исторического архива Азербайджанской Республики (г. Баку) и лично Олейникову Светлану Трофимовну, Архива политической документации при Управлении делами Президента Азербайджанской Республики (г. Баку) и лично его директора Багирова Маиса Беюк Ага оглы, а также старшего научного сотрудника Эмму Михайловну Филимонову, руководителя Церковно-археологического музея Нижегородской Епархии Русской Православной Церкви архимандрита Тихона (Затёкина), директора Шатковского районного историко-краеведческого музея Александра Алексеевича Инжутова, сотрудников Российской Государственной Библиотеки им. В. И. Ленина (г. Москва), Нижегородской государственной областной универсальной научной библиотеки и Центральной городской библиотеки г. Нижнего Новгорода. Огромное им спасибо и низкий поклон за их ежедневный труд по сохранению нашей документально-исторической памяти и ценные рекомендации, которыми я имел возможность пользоваться во время своих изысканий.

Также я очень благодарен моим коллегам – исследователям, которые помогали советами и любезно делились со мной своими архивными и библиографическими находками: Дегтевой Ольге Владимировне, к.и.н. Давыдовой Анне Алексеевне, Андронову Сергею Борисовичу (г. Арзамас), Молочникову Александру Михайловичу (г. Санкт-Петербург), д.и.н., профессору Солодкину Якову Григорьевичу (г. Нижневартовск), Григорову Александру Игоревичу (г. Рязань).

Выражаю глубокую признательность всем тем, кто оказывал организационную помощь, создавая благоприятные условия для моей работы на местах, а именно: генеральному директору ОАО «Арзамасский приборостроительный завод» Олегу Вениаминовичу Лавричеву и его заместителю – директору по персоналу и административным вопросам Владимиру Альбертовичу Смирнову (г. Арзамас), исполнительному директору Благотворительного фонда возрождения храма Усекновения главы Иоанна Предтечи Михаилу Ивановичу Тихонову (г. Арзамас), председателю Русской общины Азербайджана депутату Милли Меджлиса Республики Михаилу Юрьевичу Забелину и его заместителю Борису Петровичу Воронину, а также Рамизу Сулеймановичу Ашурли. Особо хочу отметить Махмуда Мамедова и Фикрета Казымова, благодаря которым Баку для меня, как когда-то для многих хиринцев, стал по-настоящему родным городом, куда всегда хочется вернуться.

Наконец, считаю своим долгом сказать огромное спасибо всей издательской группе и лично руководителю проекта Щербаковой Елене Анатольевне, которым пришлось проявить выдающееся терпение в работе со мной на этапе подготовки материалов к изданию.

Буду рад, если эта книга найдет живой отклик у читателей и послужит им стимулом для более глубокого изучения истории Отечества и родного края.

С благодарностью приму отзывы, замечания, пожелания, предложения, а также копии сохранившихся документов и фотографий из семейных архивов, имеющих отношение к истории села Хирина, которые можно присылать в дирекцию Фонда по восстановлению храма Иоанна Предтечи по адресу: 607220, г. Арзамас, ул. 50 лет ВЛКСМ, д. 28, оф. 6, с пометкой «для М. А. Ляпина», или на электронную почту лично автору hronograph@inbox.ru.

Спасибо всем, кто в наш практичный и прагматичный век сохраняет в своем сердце любовь и уважение к нашей истории, к памяти наших предков, стараясь передать это сокровище по наследству своим детям и внукам.

М. А. Ляпин

Справка

Ляпин Михаил Александрович, уроженец и житель г. Нижнего Новгорода.

В 2002 году окончил магистратуру факультета международных отношений Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского по специальности «политология», в 2005 – аспирантуру при кафедре философии и политологии Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета.

В 2006–2008 годах работал ведущим специалистом информационно-аналитического отдела Нижегородской Епархии Русской Православной Церкви (Московский Патриархат).

С 2008 года занимается самостоятельной архивно-исследовательской деятельностью по нижегородской краеведческой тематике, церковной и военной истории, генеалогии.

В качестве исследователя истории Нижегородского края публикуется впервые.

Глава I

С чего начинается Родина

1. Хиринская смысловая география

Два чувства дивно близки нам –
В них обретает сердце пищу –
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

А. С. Пушкин

Дорога в старинное село Хирино нынешнего Шатковского района Нижегородской области ведет через Арзамас – бывший уездный город Нижегородской губернии, расположенный на высоком берегу реки Тёши.

Вернее, дорог туда много разных – и больших, и малых, но в те времена, о которых преимущественно идет речь в этой книге, любой путешественник – русский или иностранец, будь он знатен или худороден, богат или беден, – какой бы надобностью он ни был призван в путь, в Хирино должен был ехать именно через Арзамас. Потому что понять судьбу этого села – столь же великую, сколь и трагическую, с ее взлетами и падениями – невозможно, не постигнув красоты и величия истории Арзамаса, который, в свою очередь, неразрывно связан с судьбой всего Российского государства, раскинувшего свои могучие державные крылья «от восток солнца до запад».

Нынешний Арзамас – это крупный районный центр Нижегородской области, промышленно развитый город с чрезвычайно богатыми культурно-историческими традициями. А когда-то на его месте среди глухих лесов возвышалось Арзамасово мордовское городище, о котором упоминает в своих работах признанный знаток нижегородской старины П. И. Мельников, ассоциируя его со столицей мордовского племени эрзя – коренного населения этих мест [1].

Перестроенный заново по личному указанию царя Иоанна Васильевича Грозного и укрепленный по всем канонам тогдашнего фортификационного искусства, Арзамас-городок во 2-й половине XVI в. становится одним из важных опорных пунктов южной оборонительной линии Московского государства, призванной

Царь Иоанн IV (Грозный)

Герб уездного города
Арзамаса

защитить Русь от продолжающихся разорительных набегов степных кочевников со стороны Дикого Поля. Это противостояние Москвы и Орды в лице, прежде всего, Казанского царства, получило, как считают некоторые исследователи, отражение на древнем гербе Арзамаса, где на золотом поле геральдического щита изображены смыкающиеся в центре два стропила: сверху – красное, символизирующее победившую в этом противостоянии Москву, а снизу – зеленое, символизирующее поверженное Иоанном Грозным могучее исламское государство.

Однако по мере того как граница Московии все далее отодвигалась на юг и восток, Арзамас постепенно утрачивал свои военно-оборонитель-

ные функции, приобретая все большее значение в качестве экономического центра, удачно оказавшегося на пересечении важнейших торговых трактов из Москвы и Нижнего Новгорода в южные и юго-восточные регионы страны – в Симбирск, Саранск, Пензу, Казань, Тамбов, Саратов – и большой дороги на Макарьев, где разместилась знаменитая на всю Россию и даже за ее пределами Макарьевская – впоследствии Нижегородская – ярмарка.

Благодаря этому обстоятельству Арзамас, заявив о себе как о городе купцов и мастеровых, с 1770-х годов вступает в эпоху своего расцвета, продолжавшуюся до середины XIX столетия. Об этом «золотом веке» его истории и сегодня зримо напоминают изящные фасады многочисленных каменных домов купеческой застройки да возвышающиеся над городом главы полутора десятков церквей, милостью Божией уцелевших в XX в., несмотря на яростную антирелигиозную борьбу большевистской власти. Той власти уж нет, а храмы по-прежнему стоят, устремляясь в небеса и призывая нас помнить о неизбежной встрече с Вечностью...

Уездный город Арзамас XVIII-XIX вв. для крестьян окрестных селений служил своеобразными воротами в Россию. Был он и административным центром, где тянулась разная бумажная волокита, на которой, однако ж, держался государственный порядок, и центром торговли, куда сельские обыватели свозили на базары продукты сельхозпроизводства (зерно, муку, масло, овощи), разные кустарные изделия и прочие домашние рукоделья. Через Арзамас крестьяне уходили на заработки, держа путь к Лысковской пристани, а призванные на военную службу новобранцы, пройдя в уездном городе положенные смотры и освидетельствования, отправлялись в далекий путь к местам службы. Через Арзамас же и отходники, и военные возвращались потом к своим домам. Наконец, отсюда, из Арзамаса, развозились и разносились по округе всякие новости и сплетни, составлявшие наряду с редкими в то время проповедями сельского духовенства главную пищу для крестьянского ума в провинциальной русской глубинке.

От Арзамаса, как считалось, рукой подать до «губернии», т. е. до Нижнего Новгорода.

Вслед за Макарьевской ярмаркой, после большого пожара 1816 года переехавшей в Нижний, в губернский город стали регулярно наведываться сотни, а то и тысячи крестьян из разных селений Арзамасского уезда – по торговым делам своих помещиков, для найма на работы или за своим торговым барышом. Это крупнейшее в Европе гигантское торжище было в то же время ярмаркой тщеславия, хитрости и алчности, навеяв великому Пушкину один из сюжетов путешествия Евгения Онегина в девятой, неопубликованной, главе его бессмертного романа: *«Всяк суетится, лжет за двух / И всюду меркантиль-*

Опиц Г. Э. Макарьевская ярмарка

ный дух». С этим «духом», несомненно, часто приходилось встречаться и многим из хиринских мужиков, которые еще в крепостнические времена не раз видывали это чудо света, регулярно бывая на ярмарке по нуждам помещичьей экономики и своим собственным.

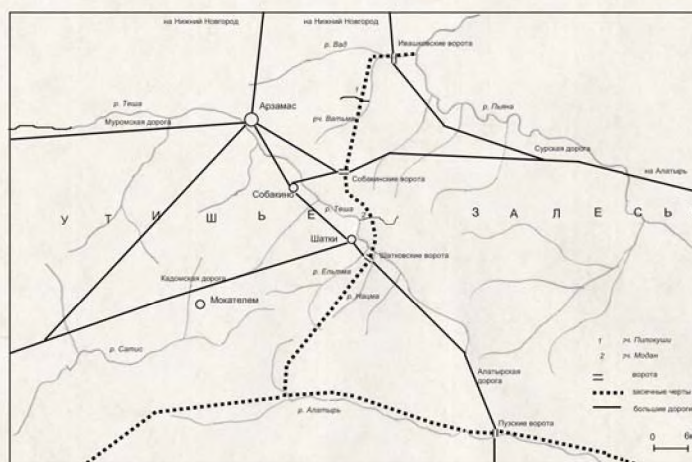
Макарьев после перенесения большого торгового в Нижний утратил свое бывшее значение. Тогда как знаменитая Лысковская пристань на противоположном от «святого Макария» берегу оставалась важным транспортным узлом, а с развитием парового судоходства на Волге в 60-е годы XIX в. ее значение даже многократно возросло. Именно сюда, к Лыскову, транзитом через Арзамас шли вереницы крестьян, направлявшихся в низовые губернии на отхожие промыслы.

С развитием волжского судоходства, а затем и сети железных дорог, все плотнее опутывавших Россию, купеческий Арзамас стал постепенно угасать. К началу XX в. он как-то затих и стал *похожим на монастырь*, – именно таким его описал Аркадий Гайдар (Голиков) в своей знаменитой повести «Школа». Теперь этот городок оживал лишь по случаю больших церковных праздников, царских дней, сезонных ярмарок или же по весне, когда крестьянские мужики отправлялись в отхожий промысел за длинным рублем, как, например, в 1897 году, когда это движение запечатлел анонимный корреспондент «Нижегородских губернских ведомостей»: «С начала весны потянулись к Арзамасу толпы крестьян-каменичников из окрестных деревень (Хирина, Пасьянова и др.), идущих на заработки. Идут в Самару, в Астрахань, в Саратов, идут на Сибирскую дорогу, в Закаспийский край. 24 апреля было самое сильное оживление, шло больше всего народу, так что обыкновенно сонный наш город в этот день оживился, как в большие праздники или в подторжье» [2].

В стародавние времена Хирино от Арзамаса отделял путь длиною в 30 верст по проезжей дороге на Лукоянов, далее идущей в сторону Пензы, а сейчас это 40 километров по благоустроенной трассе Р158 Нижний Новгород – Саранск.

Хиринские окрестности начинаются с бывшего села Собакина (ныне Красный Бор), возникновение которого, судя по всему, связано с боярским родом новгородцев Собакиных, многие представители которого входили в опричный разряд царя Иоанна Грозного [3]. Кому-то из них, судя по всему, обязаны своим названием и Собакинские ворота в составе Арзамасской засечной черты.

Виновником появления этих названий на Арзамасской земле является один из трех сыновей царского воеводы Степана Васильевича Собакина – все трое они носили одинаковое имя Василий. Дочь старшего из них Марфа Васильевна Собакина в 1571 году стала, как известно, третьей женой Иоанна IV. А документальным подтверждением присутствия и преобразо-

*Засечные черты Арзамасского уезда XVI–XVII веков
(по версии А. Инжутова)*

вательной деятельности этих ближайших родственников царя на Арзамасской земле служит, в частности, упоминание в «Арзамасских поместных актах» некоего Василия Собакина, межевавшего земли в здешних краях несколько ранее 1578 года [4].

С тех далеких времен и на протяжении почти трех последующих столетий Собакино – это очень значительное и богатое село, с известной на всю округу Собакинской ярмаркой. Большинство крестьянского населения его в XVIII-XIX вв. крепко держалось «старого церковного обряда», и потому многих здесь называли раскольниками.

Оставив позади Красный Бор, далее проезжаем Озерки, с красивой церковью красного кирпича, построенной перед самой революцией. Когда-то в этом селении была часть имения князей Путятиных, поэтому кое-кто из их крепостных хиринских крестьян, будучи переселен в Озерки во 2-й половине XVIII в., пустил здесь свои корни и оставил потомков, пахавших озерские земли.

Далее по трассе деревня Пасьяново, тоже, кстати, одно время входившая в число путятинских деревень. Значительная часть местного мужского населения, как и в Хирине, предпочитала занятию земледелием отхожие промыслы по строительным специальностям. И так же, как в Собакине, многие здесь состояли в церковном расколе.

Вслед за Пасьяновым, немного в стороне от трассы, раскинулось огромное ныне село Архангельское, расположенное на левом берегу реки Тёши. К его сельсовету теперь относится Хирино. Его нынешние административно-территориальные границы сложились в советские времена при объединении двух крупных населенных пунктов с «лошадиными» названиями – сел Никольского Кобылина, в старину известного также как Мисюрево, и Архангельского Кобылина. Достопримечательностью нынешнего Архангельского является храм Святой Живоначальной Троицы 1810 года постройки, который никогда, даже в безбожные советские времена, не закрывался. Другая достопримечательность – бывший социалистический колхоз-ударник, а ныне успешное сельхозпредприятие (СПК) «Власть Советов», за которым даже при переходе на рыночные рельсы – в знак уважения к его прежним заслугам – было решено оставить столь нехарактерное для новой России название.

И вот, наконец, вырастает у дороги огромный поклонный крест, встречающий путешественника при въезде в рабочий поселок Шатки. С 1930 года это районный центр, а в крепостнические времена – крупное помещичье село, вотчина Аргамаковых. На рубеже XVII-XVIII вв. Шатки большей частью принадлежали одному из ближайших сподвижников Петра I стольнику Михаилу Михайловичу Аргамакову, у которого хиринский землевладелец Степан Иванович Путятин оспаривал в негласном споре право называться первым помещиком в округе. Но часто их интересы тесно переплетались, и тогда они действовали сообща, как, например, в делах о присоединении к своим владениям новых земель. Тогда и появлялись в делопроизводстве Поместного приказа разного рода челобитные, подобные этой, относящейся к 1696 году: «Великим Государем Царем и Великим Князем Иоанну Алексеевичу [и] Петру

*Поклонный крест
на въезде в Шатки*

Добро пожаловать в Шатки!

Мемориал в Шатках

Алексеевичу всеа Великия и Малыя и Белья России Самодержцем, бьют челом холопи Ваши Мишка Аргамаков [и] Степка князь Иванов сын Путятин. Вотчины за нами, холопи вашими, земли в Арзамаском уезде в Ычаловском и в Теишском станех смежны, антех наших вотчин в угодьях крестьянишка наши, холопей ваших, росчистили под пашню и под сенные покосы росчисти: мои холопа вашего мишкины крестьяне в Ычаловском стану росчистили в урочищах на Озерских и на Сатинских вершинах и вверх Миролая озера за поляною Сосновою и на верхах Большаго озера по Мазинской дороге и в погорях, а мои холопа вашего степкины крестьяне росчистили в писцовых дачах по обе стороны реки Велтмы от поляны Услон до полян Маргужу и Пинетаевки и засеки и меж инех своих полян и приполянок в урочищах, а меж тех наших, холопей ваших, вотчинных росчистей, что росчистили крестьянишки наши, вышеописанных вотчинных же урочищах Ичаловскаго и Теишскаго станов ничьи иных помещиков дачи не розошли. Милосердые Великие Государи Цари и Великие Князи Иоанн Алексеевич [и] Петр Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белья России Самодержцы, пожалуйста нас, холопей своих, велите Государи те наши холопей ваших вотчинные росчисти вышеописанных наших урочищах измерять и положить в немалые четверти и по своему Великих Государей указам дать нам холопам вашим в вотчину, а лес непашенной в угодье. Великие Государи смилуйтесь» [5].

С конца XIX в. в Шатках разместились станция Московско-Казанской железной дороги, строительство которой дало мощнейший толчок развитию экономики огромного региона.

Именно в Шатках провела свои последние дни эвакуированная из города-героя на Неве 12-летняя Таня Савичева. Тот эшелон с детьми из блокадного Ленинграда многим жителям района врезался в память на всю оставшуюся жизнь. Как позднее вспоминала местная жительница, преподаватель истории Ирина Николаева, подойдя к станции, «поезд остановился, однако из открывшейся двери большого вагона так никто и не вышел. Большая часть ребятишек попросту не могла встать с кроватей. Те, кто решился заглянуть внутрь, долго не могли прийти в себя. Вид детей был страшен – кости, кожа и дикая тоска в огромных глазах. Женщины подняли невероятный крик. «Они же живые еще!» – успокаивали их сотрудники НКВД, сопровождавшие поезд. Практически сразу люди стали нести к тому вагону продукты, отдавали последнее. В результате в помещение, подготовленное для детского дома, детей отправили под конвоем. Человеческая доброта и самый маленький кусок хлеба с голодухи могли убить их» [6].

Могила и мемориал Тани Савичевой в Шатках

Выхаживали и выкармливали этих деток всем районом, много сделали для них и жители Хирина. Лишь Таню Савичеву, обессиленную и истощенную, окончательно сломленную туберкулезом, не удалось спасти. Однако дневники ее поведали стране, победившей фашизм, и всему цивилизованному миру, пристально следившему в 1946 году за ходом Нюрнбергского процесса, об ужасах Ленинградской блокады, заставив плакать от душевной боли и сострадания миллионы людей.

А во 2-й половине XVI в. по линии Шатков проходила Арзамасская засечная черта, бывшая одним из звеньев в цепи оборонительных укреплений Московского государства, защищавшего свои земли от угроз степняков со стороны Дикого Поля. Укрепленные Шатковские ворота, наряду с уже упоминавшимися Собакинскими, служили своего рода контрольно-пропускными пунктами на главных дорогах и охранялись усиленными нарядами засечных сторожей. Много любопытного об истории Арзамасской засечной черты может поведать шатковский краевед, директор местного краеведческого музея Александр Инжутов, к работам которого [7] мы и переадресуем заинтересованного читателя.

История Арзамасской засеки увлекательна сама по себе, но для историка она важна еще и тем, что соседство с ней накладывало своеобразный отпечаток на образ жизни не только помещиков, но и крестьян приграничных селений, в том числе и Хирина. Описывая земельные владения арзамасских служилых людей в XV-XVI вв., разрядные дьяки часто пользовались словесным клише: «в тишии» и «за лесом», указывая тем самым, что поместные владения дворянина располагались по обе стороны Арзамасской засеки, которая внутри уезда долгое время служила также

Знак, установленный в память об Арзамасской засечной черте XVI-XVII веков, проходившей через Шатковский лес. Фото А. Инжутова

условной административной границей, отделявшей Утишье, или Тишь, от Залесья. Хирино, таким образом, располагалось в Тиши, что по сравнению с Залесьем, не защищенным засекой, считалось более привилегированным положением поместья, поскольку вероятность его разорения при набегах степняков была значительно ниже. Заметим, верстание (наделение) служилых людей поместьями в Арзамасском уезде обычно производилось так, чтобы их поместный оклад составлялся из земель (жеребьев), находившихся по обе стороны засеки. Делалось это, очевидно, из государственных соображений: дворян вынуждали усерднее защищать свои залесные поместья от разграбления, но если оно все-таки происходило, у помещика оставались еще вполне благополучные утишные поместья, гарантировавшие ему минимальный доход, чтобы он и впредь мог нести государеву военную службу.

... Но продолжив свой путь, ни до шатковских ворот, которых давно нет и в помине, ни до знаменитых дубрав, которые с тех пор заметно поредели, ни до мемориала Великой Отечественной войны, что в центре рабочего поселка, мы так и не доедем. Чтобы попасть в Хирино, через несколько сотен метров мы сворачиваем направо и, миновав железнодорожный переезд, оказываемся на пустынной трассе местного значения.

Похоже, именно этой дорогой летом 1903 года шли от станции Шатки бесконечные вереницы богомольцев, направлявшихся в Саров на общероссийские торжества, посвященные обретению мощей преподобного Серафима, Саровского чудотворца. В числе этих паломников был тогда и Владимир Григорьевич Короленко, писавший с пути своей матери 14 июля: *«Мы едем до Шатков под Арзамасом, откуда идем на Понетаевку, Дивеев, Саров»*, а на следующий день: *«... Вчера мы прошли 18 верст со станции Шатки на Хирино, Корино (иначе называемое Вонячкой) и Понетаевку. С нами за нами, перед нами тянулись массы народа. Между прочим, много лукояновских мужиков. На наши вопросы они объяснили, что они охрана, идут к Сарову держать пикеты и кордоны [...] Много, и очень интересного, останется просто в памяти. Теперь меня интересует тот момент, когда мы, вместе с другими богомольцами, подойдем к Сарову»* [8]. Если бы не досадное недоразумение, заставившее Короленко, немного спутав, соединить Корино и Вонячку в одно селение, то маршрут паломников от станции Шатки можно было бы определить гораздо точнее. Но в любом случае их взору открывался тот же самый вид, который может созерцать и современный путешественник, направляясь в Хирино на своей автоколяснице.

*На торжества в Саров, 1903 год.
Фото М. Дмитриева*

Поскольку за последние сто лет преобразовательной деятельности человека характер здешней местности мало изменился, то по-прежнему актуальным остается описание более чем вековой давности: *«Вся местность вокруг Хирина носит степной вид. Всюду тянутся распаханые поля, изредка видоизменяясь оврагами или небольшими группами кустиков, служащих жалкими остатками некогда бывших здесь лесов. Некоторые старожилы еще помнят то счастливое время, когда Хирино было окружено лесом. В настоящее время ближайший к Хирину лес находится не ближе 8 верст»*.

Окрестности Хирина. Фото А. Инжутова

К югу от села в расстоянии не более 100 саженьей, местность, доселе ровная, круто опускается, образуя долину, которая с запада на восток пересекается речкой, известной под именем Вонячки (свое начало она берет около села того же названия). В весеннее водополье она иногда может с усилием вести борьбу с мостами, но в остальное время года от нее остается только сухое русло. Осенью, когда благодаря частым дождям в ней появляется вода, хиринцы мочат в ней конопли и лен. Для почвы эта речка не приносит почти никакой пользы. Окруженная с обеих сторон возвышенными берегами Вонячка не имеет разлива даже при высокой воде. Но в свое время и эта речонка играла небольшую роль. В шестидесятых годах (XIX в. – Л. М.), когда Хирино окружали леса, на Вонячке около села существовала водяная мельница. Но с течением времени леса уничтожались, и Вонячка, лишившись лесных источников, обратилась в ничтожный ручей ...».

Автор этого эссе, скрывший свое имя под псевдонимом Н-ков, пишет далее о местных погодных реалиях и аномалиях, также оставивших свой след в истории Хирина и его церкви. Тем временем шоссе делает плавный поворот, и взору открывается панорама на все село, над вереницей домов которого торжественно возвышается обновленный храм в честь Усекновения честной главы Иоанна Пророка, Предтечи и Крестителя Господня – один из главных героев нашего повествования.

«... Ровная, довольно возвышенная поверхность хиринской территории сравнительно редко подвергалась атмосферным осадкам, которые так вредно действуют на растительность в низменных сырых местностях. Туманы, морозы-утренники, необходимые явления во всех низменностях, здесь не имеют сильного влияния.

Редко подвергаясь вредным атмосферным осадкам, Хирино занимает довольно выгодное положение в отношении грозовых явлений. В течение последнего пятидесятилетия было несколько ударов молний, из которых один остался памятным для хиринцев.

В 1882 году 27 июля над Хириным разразилась страшная гроза. В самый разгар грозы молния ударила в карниз церковной главы, отбив от него небольшую часть, затем прошла чрез окно в алтарь нижней церкви; здесь вышибло около престола камень пола, отсюда прошла через царские двери вовнутрь церкви и вылетела в окно северной части храма. Весь этот процесс молнии, к счастью, ограничился для церковного здания только порчей оконных стекол и незначительным повреждением

каменного пола. Из церкви молния в виде огненного шара полетала над одним порядком и ударилась в дом крестьянина Столярова. Произошел пожар, уничтоживший четыре дома. Другие случаи грозových ударов имели место в липовой роице, где молния не раз расщепала и зажигала высокие липы» [9].

Примеры разрушительной деятельности стихии в этих местах до сих пор прекрасно сохранились в памяти старожилов. Но, конечно, никак не громы и молнии и не «слепые силы природы» повинны в том, что еще несколько лет назад хиринский пейзаж с разрушенной церковью посреди села, сиротливо приютившейся на берегу почти высохшего пруда, производил совершенно унылое впечатление на любого случайного человека, впервые оказавшегося в этих благодатных краях.

2. «Что в имени тебе моем?»

Среди названий населенных пунктов встречается немало таких, которые с первого знакомства с ними, независимо от намерений тех, кто эти названия присваивал, сразу рождают в сознании какие-то устойчивые ассоциации, вызывают определенные чувства и эмоции.

В старину о Нижнем Новгороде сложилась поговорка, записанная как-то Н. А. Добролюбовым: «Нижний – Москве сосед ближний; дома каменные, люди железные». Любил ее повторять и Алексей Максимович Горький, потому что он познал правдивость этих слов на собственном опыте. В 1932 году имя (точнее, литературный псевдоним) нашего выдающегося земляка и писателя, считавшегося тогда «великим пролетарским», по решению партии и правительства увековечили: Нижний Новгород стал отныне городом Горьким. Но большинству его жителей название категорически не нравилось, поскольку многие не без оснований полагали: «Как корабль назовешь, так он и поплывет». К счастью, в 1990 году городу было возвращено его историческое название.

Известно также, что в 1940-х годах жители соседнего с Хириным села, с незапамятных времен именовавшегося Вонячкой (или даже Вонючкой, как обычно писали его в документах XVII–XIX вв.), единодушно приняли решение о переименовании своего селения в Елховку, а заодно переименовали и одноименную речушку, подарившую селению столь неблагозвучное название. Позднее и жители села Собакина, поддавшись общей тенденции, решили именовать свою малую родину «Красным Бором»: старое название показалось слишком обидным и не соответствующим духу эпохи.

В названии Хирина тоже есть это довлеющее «бремя смысла». Ведь «хирь» в старину – это болезнь, хворь (В. И. Даль), а прозвище «хиря» на Руси давали человеку болезненному, слабому здоровьем или телосложением [10], что, впрочем, в глазах наших предков считалось почти равнозначным.

Так, уже к концу 2-го десятилетия XVII в., не успев окрепнуть и дать жизнеспособное потомство, захирел и совершенно угас род арзамасских служилых землевладельцев Хириных, передавших еще во времена Иоанна Грозного свое родовое имя новопоселенной деревне в арзамасском Утишье.

Однако вопреки своему имени Хирино долгое время процветало, чему способствовали не только выгодные природные условия и географическое положение селения (богатые черноземные почвы, достаток строевого и дровяного леса, близость к основным дорогам), но и грамотная хозяйственно-экономическая деятельность хиринских помещиков: в XVIII в. – князей Путятиных, затем – Балашевых.

*Речка Елховка (Вонячка) в окрестностях
Хирина. Фото А. Инжутова*

Еще в середине XIX в. Хирино было довольно значительным (156 дворов и 553 ревизские души, по данным 10-й народной переписи) и вполне благополучным по тогдашним меркам селом, которое в ходе земской реформы 1860-х годов по праву стало административным и экономическим центром одноименной волости.

Но как это ни парадоксально, именно те социально-экономические и правовые изменения, которые привнесла в жизнь хиринских крестьян так называемая отмена крепостного права, подарившая им, наконец, дол-

гожданную личную свободу, положили начало медленному угасанию Хирина, продолжавшемуся фактически в течение последующих полутора столетий.

Способствовали этому и экономический упадок уездного Арзамаса к середине XIX в., и хитрость прагматичного помещика с его управляющим, которые ловко, но, увы, по закону «обидели» крестьян землею, и массовый отток населения из Хирина во 2-й половине XIX в., вызванный неспособностью значительной части крестьянства прокормить свои семьи за счет земледельческого труда. Затем, в XX в., это и катастрофическая убыль мужского населения, «перемолотого в жерновах» Первой мировой, братоубийственной Гражданской и Великой Отечественной войн; и губительная политика советской власти в отношении деревни в 1930–1960-е годы, и бурное развитие в XX в. отечественной промышленности, оттягивавшей на протяжении нескольких десятилетий перспективную молодежь в города – на заводы и в учебные заведения, по окончании которых практически никто в село уже не возвращался. Да и пресловутый зеленый змий – чего греха таить – добавил своих ядовитых паров в эту всеобщую алхимию распада.

Впрочем, это относилось к советской деревне как явлению в целом. К середине XX в. она попросту грозила исчезнуть «на полпути к коммунизму» под ударами сумасбродных хрущевских сельскохозяйственных экспериментов. В окрестностях Хирина памятниками той безблагодатной эпохи служат «живописные развалины» Казанской и Троицкой церквей, стоящие посреди голого поля, вокруг которых несколько столетий жили своей интересной жизнью два огромных села – Измайлово и Тоузаково. Но в пылу хрущевских преобразований они были признаны «неперспективными» и потому безжалостно стерты с лица земли. Часть жителей нашли пристанище в окрестных селениях, перевезя туда свои дома, многие подались в города, а земли, освобожденные от строений, были распаханы и превратились в сельхозугодья.

Для многих думающих людей это умирание села в 1960–1970-е годы было очевидным фактом, но признать его значило подвергнуть сомнению политику партии и правительства. Поэтому говорить об этом открыто в условиях советской демократии никто не решался.

Судьбу Измайлова, Тоузакова и других подобных населенных пунктов (хотя об этом сегодня мало кто знает) могло разделить и Хирино. Вопрос о его расселении и распахе высвободившихся площадей, говорят, выносился на обсуждение шат-

*Казанская церковь бывшего села
Измайлова. Фото В. Бакулина*

*Троицкая церковь бывшего села
Тоузакова. Фото В. Бакулина*

ковских советских и партийных органов в 1960-е годы. Однако принципиальная позиция по этому вопросу уроженца села Хирина Ивана Павловича Ванышева (1937–2007), занимавшего в то время должность заведующего колхозным участком и выступившего главным противником предложенных преобразований, позволила переубедить местные власти в целесообразности ликвидации села. Право на будущее за Хириным было сохранено.

А центром волости, напомним, оно перестало быть еще в 1924 году, когда по новому административно-территориальному делению его решено было включить в состав укрупненной Пановской волости Арзамасского уезда. Когда в 1929 году большевики упразднили уезды и губернии, Хирино стало центром одноименного сельсовета в составе Шатковского района Нижегородского, а затем Горьковского края, с 1936 года преобразованного в область.

В 1954 году в связи с сокращением численности сельского населения Хиринский сельсовет укрупнили, включив в его состав Тоузаково и Елховку, когда-то бывшую Вонячкой, а в 1960 году его переименовали в Елховский. С 1980-х годов и до сегодняшнего дня Хирино входит в состав Архангельского сельсовета Шатковского района.

Потеря административного статуса была в какой-то степени следствием постепенного экономического угасания села. Вызванный к жизни сталинской коллективизацией хиринский колхоз «Искра Ленина» будто назло местной партийной номенклатуре никак не желал «возгореться пламенем». Он так и «тлел» несколько де-

*Вид на село Архангельское со стороны
Кипячего ключа. Фото А. Инжутова*

сятителей, пока его, наконец, не включили на правах участка (1960) в состав колхоза «Власть Советов» села Архангельского, к которому и отошли богатые хиринские чернотемы, вся колхозная инфраструктура и техника. На этой расширенной материально-производственной базе колхоз «Власть Советов» под руководством Константина Дмитриевича Лазарева, будущего Героя Социалистического Труда (1986), еще быстрее пошел в гору и за выдающиеся успехи в социалистическом производстве в 1970–80-е годы неоднократно удостоивался высоких государственных наград.

А Хирино тем временем продолжало таять.

Вряд ли стоит подробно говорить о горбачевской перестройке и последовавшем за нею безвременье – «лихих 90-х», когда после предательства советской партийной верхушки великая страна, потерпевшая поражение в холодной войне, подверглась тотальному разграблению, разорению и унижению [11], горькие плоды которого мы пожинаем до сих пор. Удивительно уже то, что российское село, раздавленное безработицей, безденежьем, пьянством от безысходности и кажущейся бессмысленностью происходящего, в эти страшные годы вообще выжило. За одно это честь ему и хвала! И великое спасибо тем людям, местным руководителям и простым труженикам, которые терпеливо и самоотверженно несли и вынесли на своих плечах это тяжелое бремя!

Одним из памятников гибельной для всего российского села горбачевско-ельцинской эпохи стала заметка в «Нижегородских новостях», появившаяся в 1999 году под говорящим названием: «Хирино захирело» [12]. Заголовок статьи звучал как приговор.

Хотя, когда по всей стране начали возвращаться к жизни многие православные храмы и монастыри, появились надежды и на возрождение Хирина, причем связывалось это с восстановлением Предтеченской церкви – уникального памятника архитектуры федерального значения, авторство проекта которого многие местные жители приписывают прославленному русскому архитектору В. И. Баженову.

Но поздней весной 2004 года во время очередной грозы случилось то, что должно было случиться: то ли от удара молнии, то ли из-за человеческого невнимания и безразличия к судьбе поруганной святыни, Божиим попущением дрогнул и с неимоверным грохотом обрушился центральный свод храма. Это напоминало то «светопреставление в миниатюре», которое описал Л. Н. Толстой в «Отрочестве» – второй части своей знаменитой трилогии, когда ослепительные вспышки молний сопровождаются *«таким оглушительным треском грома, что, кажется, весь свод небес рушится над нами»*, набожные крестьяне *«при каждом ударе грома снимают шапки и крестятся»*, заставляя автора воскликнуть: *«Гнев Божий! как много поэзии в этой простонародной мысли!»*

Такое поистине бесславное «усекновение» главы Предтеченской церкви стало настоящим шоком для местных жителей и представителей культурного сообщества. Но именно такими, увы, обычно и бывают неизбежные плоды человеческого равнодушия, которое тем страшнее и опаснее, что при нем всякое умирание, разрушение и вырождение – как в духовной, так и в материальной сфере – успешно маскируется под «естественный и неизбежный ход вещей».

В 2008 году снова затеплилась надежда: сперва прошел по округе слух, что кем-то выделены какие-то деньги на восстановление хиринского храма – все-таки памятник федерального значения. А вскоре в селе появились представительные люди, что-то замеряли, смекали, спорили. Наконец, приехали лукояновские мужики, которые возвели вокруг церкви строительные леса, что-то поделали немного, а

Хиринская церковь. Фото начала XXI века

потом... все стихло так же внезапно, как и началось. Выделенные деньги «освоили» (их, разумеется, оказалось мало) и работы свернули. Так говорят местные.

В дальнейшем были, по слухам, даже какие-то судебные тяжбы по этому делу. Но суд в России – дело нескорое и не всегда, увы, справедливое. Чем закончилась та история, мы не знаем, да и знать не хотим, потому что в Хирине от этого ровным счетом ничего не изменилось: как стояла над прудом обезглавленная и поруганная Предтеченская церковь, так и продолжила стоять, являя собой упрек нам в равнодушии и бездействии...

3. Неисповедимы пути Господни, ведущие в Хирино

Лодки делают люди, но ветер в паруса посылает Господь...

Протоиерей Георгий Болгарский (наш современник)

Жизнь в Хирине стала заметно меняться после того, как здесь появился Игорь Рауфович Ашурбейли, известный российский ученый, предприниматель и общественный деятель, возглавлявший до недавнего времени одно из крупнейших предприятий российского оборонно-промышленного комплекса – Головное системное конструкторское бюро «Алмаз-Антей» имени академика А.А. Расплетина, входившее в состав одноименного концерна.

На его официальном интернет-сайте <http://www.ashurbeyli.ru> можно узнать, что родился он 9 сентября 1963 года в Баку. В 1980 году окончил с золотой медалью среднюю специальную школу № 27 с преподаванием ряда предметов на английском языке.

В 1985 году получил диплом по специальности «инженер-системотехник» на кафедре автоматизированных систем управления факультета автоматизации производственных процессов Азербайджанского института нефти и химии. В период обучения в очной аспирантуре в 1988 году создал в Баку и возглавил кооперативное координационно-производственное объединение «Социум», занимавшееся разработкой специального программного обеспечения, обучением компьютерной грамотности, реализацией компьютерной техники и консалтингом.

В 1990 году переехал в Москву, где создал и возглавил Всесоюзное научно-производственное объединение «Социум» при Союзе предприятий потребительской кооперации Центросоюза СССР, занимавшееся разработкой, производством и реализацией информационных баз данных. В 1991 году совместно с НПО «Алмаз» и рядом других известных государственных и частных структур выступил соучредителем и возглавил ОАО «Международное бюро информации и телекоммуникаций», занимавшееся разработкой, производством и реализацией широкой номенклатуры информационных и телекоммуникационных продуктов.

В 1992 году защитил кандидатскую диссертацию по теме «Вопросы построения децентрализованных систем автоматического регулирования технологических процессов».

В 1994 году перешел на постоянную работу в НПО «Алмаз», где последовательно занимал должности заместителя генерального директора, финансового директора, первого заместителя генерального директора, председателя совета директоров. В 2000 году был назначен генеральным директором ОАО «НПО «Алмаз» имени академика А. А. Расплетина. В этой должности он проработал до 2011 года. Также с 2002 по 2003 год – заместитель генерального директора ОАО «Концерн ПВО «Алмаз-Антей», созданного при его непосредственном участии. С 2002 по 2011 год – член правления ОАО «Концерн ПВО «Алмаз-Антей».

С 2011 года по настоящее время – председатель совета директоров и научный руководитель ОАО «Конструкторское бюро-1».

Доктор технических наук – в 2011 году первым в России защитил докторскую диссертацию по тематике воздушно-космической обороны. Автор более 100 научных трудов, в том числе четырех монографий. Ведет большую общественную и благотворительную работу.

Имеет многочисленные государственные, ведомственные и общественные награды.

Входит в кадровый резерв президента Российской Федерации с момента его основания по настоящее время.

Большую часть своей трудовой профессиональной жизни этот достаточно молодой пятидесятилетний человек посвятил разработке и организации производства самого мирного оружия на планете – зенитных ракетных систем ПВО-ПРО, в том числе С-300, С-400 и С-500, призванных обеспечить надежную защиту России от любых военных угроз с неба.

Будучи прямым потомком бакинских беков, ведущих свой именитый род от Ашур-хана Афшара, в XIX веке получивших от российских императоров дворянство, впоследствии успешных предпринимателей-нефтепромышленников и благотворителей, И. Р. Ашурбейли всегда помнил также о том, что материнская ветвь его родословной связана с традиционной русской глубинкой под названием «где-то под Арзамасом».

В 2007 году в состав холдинга «Социум», образованного И. Р. Ашурбейли еще в далеком 1988 году, вошел ОАО «Арзамасский приборостроительный завод» (АПЗ). Тогда-то главный акционер завода И. Р. Ашурбейли, помнивший, что с этой землей его связывают не только деловые отношения, решил начать поиски своих корней в окрестностях Арзамаса. Весной 2011 года ему впервые удалось посетить родину своих предков, покинувших эти земли почти 100 лет назад и обосновавшихся накануне Первой мировой войны в тогдашней нефтяной столице Российской империи – городе Баку.

Первое, что он увидел в родовом селе, была практически полностью разрушенная церковь с пасущимися в алтаре коровами. Именно этот остов Предтеченского храма на берегу обмелевшего пруда олицетворял собой настоящее села Хирина.

Игорь Рауфович сразу принял решение заняться возрождением святыни.

В мае того же года на это богоугодное дело уже было получено благословение Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, а с сентября начал свою деятельность целевой благотворительный фонд, зарегистрированный 2 ноября 2011 года в Министерстве юстиции по Нижегородской области.

Оставалось лишь согласовать свои действия с Нижегородской митрополией, подыскать подрядчиков и с Божией помощью начать. Несмотря на то что к этому моменту он уже покинул пост генерального директора ГСКБ, а в экономике начинался очередной международный кризис, Ашурбейли без колебаний решает направить на финансирование этих работ личные средства.

Перед тем как приступить непосредственно к восстановительным работам, по традиции служится молебен на начало доброго дела, который, учитывая статус мероприятия, согласился совершить митрополит Нижегородский и Арзамасский Георгий. Получив его благословение, организаторы принялись за подготовку мероприятия, которое изначально планировалось приурочить к 6 мая – дню памяти святого великомученика Георгия Победоносца – небесного покровителя православного воинства.

Однако оргкомитету, возглавляемому генеральным директором ОАО «АПЗ» Олегом Вениаминовичем Лавричевым, никак не удавалось согласовать дату, которая бы устроила всех участников, поскольку рабочий график каждого из них был расписан на месяцы вперед: поездки по стране и за ее пределы, важные встречи, неотложные мероприятия. В итоге дата встречи в Хирине переносилась несколько раз, прежде чем все согласились приехать **27 мая 2012 года**.

Тот воскресный день выдался хмурым и прохладным, почти не переставая шел дождь. Погода словно испытывала волю и твердость намерения людей идти по начатому пути до конца. Тем не менее многие жители окрестных селений пришли-таки

Встреча 27 мая 2012 года

к стенам хиринского храма, чтобы помолиться вместе о возвращении святыни, хотя, скорее всего, мало кто верил, что дело будет доведено до конца.

В до отказа заполненном людьми остве Предтеченского храма нижегородский архипастырь с шатковским духовенством и множеством мирян соборно молились Господу, «о еже благословити доброе намерение рабов Своих Игоря, Олега

и иже с ними и благоизволити благополучно начати и спешно, кроме всякаго препятія, в славу Свою скончати» и «о еже труждающимся делателем благопоспешество в сем подати и дела рук их исправить и в совершение силою, действием и благодатию Пресвятаго Своего Духа спешно произвести» и т.д. и т.д. На глазах у многих выступили слезы.

Завершился молебен пасхальными песнопениями, напоминающими о Воскресении Спасителя, победившего смерть и разрушение. В заключительном архипастырском слове с церковного амвона высокопреосвященнейший Георгий, митрополит Нижегородский и Арзамасский, объяснил это просто: подобно воскресшему Христу, храм сей отныне возрождается к новой жизни, чтобы и людям, которые придут в него, помочь победить грех и смерть и возродиться для вечной жизни с Богом. Да будет так!

По окончании молебна в программе мероприятия была предусмотрена традиционная «неофициальная часть». Поэтому, простившись с владыкой Георгием, спешившим по неотложным епархиальным делам, организаторы и приглашенные гости проследовали в армейскую брезентовую палатку, разбитую неподалеку прямо на земле, где всех ожидало небольшое угощение по случаю этого знаменательного события.

Здесь помимо И. Р. Ашурбейли были руководители районных и местных органов власти (А. И. Нестеров, М. В. Межевов и др.), генеральный директор Арзамасского приборостроительного завода О. В. Лавричев с заместителями, известные арзамасские предприниматели, а также несколько почетных столичных гостей, возвращавшихся через Хирино из паломничества в Свято-Троицкий Серафимо-Дивеевский женский монастырь.

С хлебом-солью по поручению жителей села пришла Вера Александровна Ваняшева, вручившая его И. Р. Ашурбейли со словами: «Я молилась, мы все молились: вразуми, Господи, нужного человека вернуть наш храм. И пошли ты его к нам! И вот услышал, видать, Господь молитвы-то наши».

Естественно, за столом завязалась оживленная беседа – говорили о судьбах России, о состоянии современного общества, о политике (куда ж без нее!), о развитии оборонной промышленности и, само собой, о восстановлении Предтеченского храма и дальнейших перспективах села. И когда перед очередным тостом возникла

небольшая пауза, Вера Александровна вдруг обронила: *«А я вам знаете, что скажу? Купол-то в грозу упал как раз 27 мая»...*

...От услышанного все присутствующие на какое-то время словно потеряли дар речи, и в воздухе повисла пауза, смысл которой, наверное, невозможно передать словами. Собравшиеся в армейской палатке люди несколько секунд молча переводили глаза друг на друга, словно каждый желал удостовериться, что не он один слышал это, что ему не показалось. И никто не решался прервать эту тишину, осмысливая услышанное. Все понимали, что якобы случайно выбранная дата – 27 мая – оказалась отнюдь не случайной.

Наконец, взял слово единственный среди собравшихся священник: «Лодки делают люди, но ветер в паруса посылает Господь...», – так начал свою речь протоиерей Георгий Болгарский, настоятель прихода Никольского храма подмосковного города Мытищи, что в поселке Дружба. Он был как раз одним из тех богомольцев, которые через Хирино возвращались из паломничества в Дивеево.

*Протоиерей Георгий
Болгарский*

Автору этих строк, по милости Божией, довелось быть участником той трапезы. Точное содержание проповеди память моя, увы, не сохранила да, наверное, и не могла. Ибо в такие моменты ко времени и к месту сказанные слова, навеянные свыше, попадают сразу в сердце и мгновенно преобразуются в какие-то сокровенные, интуитивно постигаемые смыслы, которые затем питают душу человека в течение всей его последующей жизни.

Зато мне хорошо запомнились растерянные, совершенно по-детски удивленные глаза этих уважаемых людей, каждый из которых в повседневной жизни являлся успешным руководителем, генератором идей, умеющим воплощать их в жизнь и отвечать за плоды своего труда, распоряжаться своим временем и своей судьбой. Однако в тот момент все они, потрясенные услышанным, волей-неволей вдруг ощутили себя «кисточкой в Божьих руках», по выражению из одноименной песни-притчи Светланы Копыловой. Пусть это было всего лишь короткое мгновение, только здесь и сейчас, но это – было!

Конечно, у каждого из тех, кто оказался в тот памятный день в этой армейской палатке, была своя предыстория появления в Хирино, как, впрочем, и обращения к вере и Церкви. Предыстория эта, казалось, складывалась из отдельных случайных событий и совпадений, а здесь между ними вдруг обнаружились четкие причинно-следственные взаимосвязи, за которыми любой христианин без труда различит неисповедимые пути Промысла Божия. Поэтому из палатки все выходили немного другими – обновленными, в чем-то изменившимися.

После проповеди отца Георгия мы опять пережили те волнующие минуты богослужения, когда архиерейский хор исполнял радостные пасхальные песнопения, напоминающие о Воскресении Христовом и о победе Спасителя над смертью и разрушением. Всего пару часов назад мы стояли и плакали, слушая в исполнении того же архиерейского хора духовный кант «Русь называют святою» со словами торжествующей надежды: «... и светлым облаком покрыта, Россия все-таки жива»...

Таким получился этот памятный воскресный день **27 мая 2012 года**, когда в еще разрушенном, но уже пробудившемся к новой жизни хиринском храме впервые за

долгие 75 лет с момента его разрушения зазвучала соборная церковная молитва. Это было лишь самое начало пути. Но с того дня возрождением святыни занимались люди, которые, получив явное знамение свыше, уже тогда твердо знали, что, несмотря на все возможные трудности – отсутствие всей суммы необходимых средств для дорогостоящего ремонта, глобальные экономические кризисы, человеческие слабости, «злые происки врагов» и прочее – ХРАМУ В ХИРИНЕ БЫТЬ!

4. Мысли у околицы

Лето 2014 года. Все та же дорога из Шатков в Хирино, с середины которой снова открывается широкая панорама на село и храм, в золоте куполов которого радостно и торжественно играет солнечный свет. Церковь уже свободна от строительных лесов, она уже год как живет полноценной самостоятельной жизнью: дышит молитвой, регулярно благовестит колокольным звоном и дарит людям радость встречи с Богом.

На въезде в Хирино всех проезжающих по-прежнему встречает огромный баннер, сообщающий о том, что в селе ведутся ремонтно-реставрационные работы по восстановлению православного храма в честь Усекновения честной главы Иоанна Предтечи. Главная идея этого послания выражена одной-единственной фразой: «СПАСИБО, ЧТО ВАМ НЕ ВСЕ РАВНО!», которая на самом деле обращена к каждому из нас, живущих в современной России и за ее пределами, но глубоко и неразрывно связанных невидимыми нитями с великой судьбой этой великой страны.

В этих словах не только и не столько призыв не проходить мимо и принять посильное участие в восстановлении храма, но в гораздо большей степени признание организаторов в том, что само возрождение этой православной святыни стало возможным благодаря объединению усилий многих людей, которым – слава Богу! – оказалось «не все равно», что происходит вокруг нас, в нашей стране и в мире.

А между тем современный русский язык, как, пожалуй, никакой другой, к началу XXI века оказался перенасыщен количеством гнилых фраз и выражений-паразитов, призванных показать подчеркнуто безразличное, индифферентное отношение говорящего к происходящему: «все по фигу», «до фени», «по барабану», «наплевать», «чихать» и т.д. Причем, это лишь самые приличные из подобных оборотов речи, а много таких, которые «срамно есть и глаголати».

Но равнодушие и безразличие людей к тому, что происходит вокруг, являются, по словам Священного Писания, главным признаком омертвения общества, или *обуморенности*, как называет это состояние церковнославянский перевод Апокалипсиса: *«Знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден, или горяч! Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих»* (Откр. 3:15-16).

В этом великая Божественная мудрость, сохранившаяся в лоне христианской традиции. Не только возрождение храма, но и любое возрождение в принципе – страны, общества или отдельной личности – возможно лишь там и тогда, где и когда человеческой воле с Божией помощью удастся преодолеть это нарастающее в современном мире вселенское зло – равнодушие, индифферентность, теплостудность, обуморенность – как не назови, за всем этим стоит одно: некроз совести и, как следствие, смерть человеческой души.

Причем, что характерно, даже в безбожные, казалось бы, советские времена понимание этой взаимосвязи в нашем обществе было на должной нравственной высоте – вспомнить хотя бы фразу из неоконченного романа польского писателя Бруно Ясенского «Заговор равнодушных», повторенную героем кинофильма «Афоня»: *«Не так страшны предатели и убийцы, потому что они могут только предать или убить, а страшны равнодушные – это с их молчаливого согласия происходят все преступления».*

Но Православная Церковь устами своих святых учителей не устает повторять, что даже предатели и убийцы, подобно разбойнику благоразумному, распятому на Голгофе одесную Христа, могут принести покаяние и получить от Бога прощение. Лишь равнодушию, убивающему в человеке совесть, покаяние недоступно.

Поэтому, дорогие братья и сестры: СПАСИБО, ЧТО ВАМ НЕ ВСЕ РАВНО! Ведь если эти слова можно отнести к нам самим, значит, мы еще, слава Богу, живы...

5. «Мары»

... А ровно 100 лет назад, в 1914 году, члену Нижегородской губернской ученой архивной комиссии (НГУАК) помещику села Корина А. А. Богодурову Императорской археологической комиссией было поручено произвести пробные раскопки курганов, расположенных невдалеке от сел Хирина и Корина, что рядом со станцией Шатки Ромодановской ветви Московско-Казанской железной дороги.

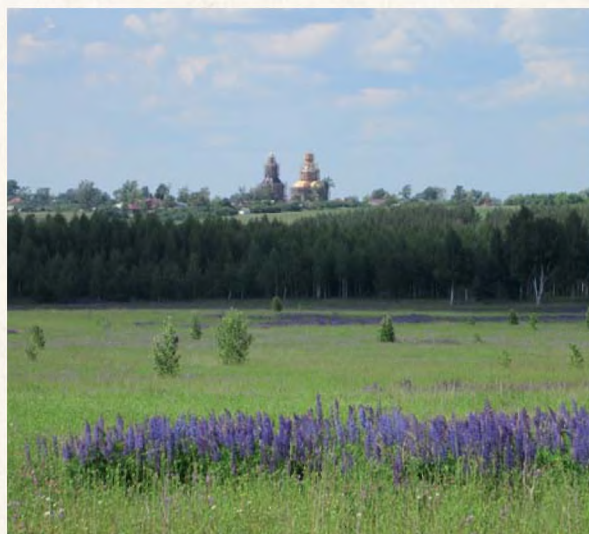
15 июня того же года Богодуров в сопровождении действительного члена Императорского русского военно-исторического общества А. П. Мельникова и члена НГУАК ученого-археолога А. В. Богородского прибыл на место и, включив в группу 8 местных крестьян, вооруженных лопатами, приступил к работе.

В своем отчете Андрей Павлович Мельников так описал этот объект, привлекая внимание археологов: *«Близ села Хирина, расположенного на возвышенном склоне горного берега речки Вонючки, теперь окончательно пересохшей и превратившейся в ничтожный, еле заметный ручеек, по другую сторону широкого лога, служившего, очевидно, когда-то руслом этой речки, на низменной луговой равнине, пологом скатом сбегаящей к упомянутому логу, если подъезжать со стороны с. Хирина, издали бросается в глаза кучка невысоких бугров, еще далее в стороне одиноко возвышается более крупный курган, а за ним вдали виднеются еще два таких же, остальных не видно, они удалены по направлению к с. Корину, откуда равнина начинает склоняться в противоположную сторону»* [13].

Долгое время возникновение курганов близ Хирина

*Местность вокруг Коринского могильника.
Фото А. Инжутова*

связывалось с пребыванием в этих краях войска Иоанна Грозного. Уже упоминавшийся нами П. И. Мельников в 1845 году опубликовал очерк, посвященный прохождению по Нижегородской земле царева войска во время победоносного похода на Казань в 1552 году [14].

Однако исторический миф, созданный на основе устных народных преданий П. И. Мельниковым и поддержанный другим авторитетным исследователем нижегородской старины архимандритом Макарием (Миролюбовым) в его «Памятниках церковных древностей Нижегородской губернии», подтверждения у археологов в дальнейшем, увы, не нашел. И вышло так, что Мельникову-сыну спустя полвека пришлось опровергать заблуждения своего именитого отца.

«Мары», что рядом с Хириным, таили в себе, как оказалось, совсем иную загадку. По результатам пробных раскопок в июне 1914 года ученые пришли к однозначному выводу: мелкие курганы представляют собой остатки мордовских могил, а крупные, по всей видимости, являются погребениями с трупосожжением [15].

Обследование археологического памятника было прервано начавшейся Первой мировой войной, переросшей затем в Гражданскую, а возобновлено уже советскими учеными, подтвердившими выводы комиссии 1914 года о принадлежности курганов мордовской погребальной культуре. «Мары» и впоследствии неоднократно удостаивалась внимания археологов [16], в терминологии которых объект этот хорошо известен под названием «Коринского могильника», датируемого, по последним данным, XII-XVIII вв.

По сведениям исследователя арзамасских древностей В. Н. Мартыанова, жители Корина (мордва-эрзя) на территории могильника проводили так называемые «моляны» – общественные моления, обычно по случаю стихийных бедствий [17]. Но в ходе осмотра археологического памятника в начале 1980-х годов были выявлены следы несанкционированных раскопок, о чем ученый незамедлительно поставил в известность научную общественность.

Между тем автору этих строк летом 2010 года во время первого посещения Хирина, расположенного в километре к северо-западу от Коринского могильника, довелось познакомиться и пообщаться с той самой Верой Александровной Ванияшевой, многолетней хранительницей местной библиотеки, которая и поведала начальные сведения о прошлом села.

Шишкин И.И. Дубовая роща

Мы стояли у калитки и беседовали. Я, конечно же, расспрашивал, что знают и говорят о могильнике местные. В ответ она обратилась к своему сыну (он приехал из соседних Шатков помочь матери по хозяйству): «Сань, помнишь ли, когда ты в школе учился, мальчишки ваши все на курганы бегали. Ты с ними тогда на раскопки-то ходил?». Не отрываясь от своего занятия и продолжая что-то мастерить

руками, Александр посмотрел в нашу сторону, как мне показалось, с некоторым недоумением – его иронически-укоризненный взгляд из-под бровей словно говорил матери: «Чего ты глупости-то спрашиваешь, сама что ли не знаешь?!». И затем после «мхатовской» паузы по-мужски сурово ответил: «Я что, ненормальный что ли?! Конечно, ходил»...

Действительно, те хиринские подростки – свидетели застойных лет советской власти – буквально впитывали в себя многовековую историю этих мест. Кладоискательство было еще чистой романтикой, основанной на мальчишеском стремлении к подвигам и приключениям и находившей питательную почву в богатом героическом прошлом нашей страны. Прагматизм в кладоискательство пришел позже, когда с Запада подул «ветер перемен» с его культом наживы и произвел в сознании многих наших соотечественников тотальную переоценку всего и вся.

Но, к счастью, не всех и не сразу. Поэтому тем, кому по-прежнему близка память ушедших времен и поколений, хочется напомнить слова немецкого философа и мыслителя Мартина Хайдеггера, который, проходя однажды мимо гигантского дуба, удивительно точно выразил идею органичного и гармоничного развития, справедливую как по отношению к отдельному человеку, так и ко всему обществу в целом: «... твердость и запах дуба начинали внятнее твердить о медлительности и постепенности, с которой растет дерево. Сам же дуб говорил о том, что единственно на таком росте зиждется все долговечное и плодотворное, о том, что **расти означает – раскрываться навстречу широте небес, а вместе корениться в непроглядной темени земли**; он говорил о том, что самородно-подлинное рождается лишь тогда, когда человек одинаково и по-настоящему готов исполнять веления превышних небес, и хорониться под защитой несущей его на себе земли» [18].

Собственно об этом и повествует мудрая наука история, которая, по выражению героя Вячеслава Тихонова из киноповести «Доживем до понедельника», делает человека гражданином.

Глава II

Начальная история Хирина в лицах

Дела давно минувших дней,
Преданья старины глубокой.
А. С. Пушкин

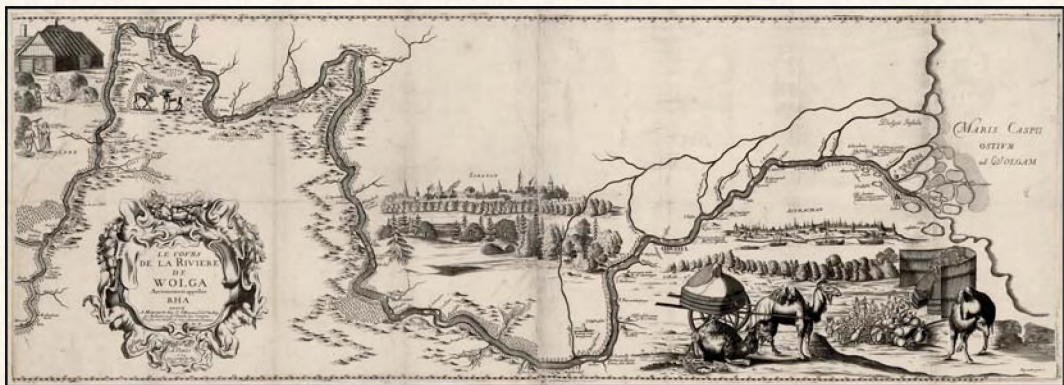
1. Пролог

Населенные мордвой обширные земли, составившие в конце XVI в. административную территорию Арзамасского уезда в составе централизованного Московского государства, долгое время находились в подчинении могущественной Золотой Орде, обособившейся в середине XIII в. от созданной Чингизханом и его преемниками Великой Монгольской империи.

Великое княжество Московское, несмотря на одержанную Дмитрием Донским в 1380 году историческую победу на Куликовом поле, было вынуждено по-прежнему признавать над собой власть золотоордынских ханов, регулярно выплачивая им тяжелую дань.

Распад Золотой Орды во 2-й половине XV в. привел к образованию на ее бывшей территории самостоятельных Сибирского, Казахского, Узбекского, Казанского и Крымского ханств, а также Большой и Ногайской Орды. Правители этих государств, увязнув в междоусобных войнах и политических интригах, еще несколько десятилетий продолжали делить между собой имперское наследство Чингизидов.

Этим умело воспользовался великий князь Московский Иоанн III (1440–1505), который, подготовившись к решающему военному столкновению, с 1476 года окончательно прекратил выплату дани Большой Орде. Усмирительный поход на Русь хана Ахмата в 1480 году закончился тем, что два огромных войска, простояв тогда около трех месяцев лицом к лицу по разным берегам реки Угры, в итоге разошлись по своим столицам, так и не вступив в решающее сражение. Но Иоанн III вернулся

Карта Волги. Франция, середина XVII века

Кившенко А. Д. Покорение Казани – татарские старшины и воины перед Иоанном IV

в Москву спасителем Отечества, а хан Ахмат, чей авторитет был сильно подорван, в скором времени был убит в результате заговора. Так Московская Русь окончательно освободилась от чужеземного ига, тяготевшего над ней долгих два с половиной столетия.

В этом споре нарождающихся и умирающих великих держав мордовские земли, управляемые вассальными князьями, с середины XV в. сделали ареной борьбы за сферы влияния между Москвой

и Казанью, где чаша весов, колеблясь то в одну, то в другую сторону, постепенно склонялась все-таки в пользу первой. Завершением этого драматического противостояния стало взятие Казани в июле 1552 года войсками 19-летнего Иоанна IV Грозного (1533–1584), первого венчанного царя на московском великокняжеском престоле. Спустя еще четыре года – в 1556 году – Москве покорилась Астрахань. С этого времени Волга, названная так в «Повести временных лет», но в средние века более известная под тюркским названием «Итиль», стала великой русской рекой от самых своих истоков до Каспийского моря. А с вхождением территорий бывших Казанского и Астраханского ханств в состав Московского государства для русских открылись судьбоносные пути в Сибирь и Среднюю Азию.

Военно-политические успехи Иоанна Грозного на восточных и юго-восточных рубежах страны положили начало собиранию евразийских земель теперь уже под властью православных царей московских, ознаменовав рождение во 2-й половине XVI в. новой великой державы – Московского самодержавного царства и впоследствии пришедшей ему на смену Российской империи.

2. Три поколения Хириных – владельцев поместья в арзамасской Тиши

Начальная история Хирина имеет много общего с прошлым других подобных ему сел и деревень древнего Арзамасского уезда, земли которого после Казанского похода Иоанна Грозного щедро раздавались из казны в поместное владение служилым людям, составлявшим государево войско. Но уникальной и исключительной историей Хирина, как и историю любой другой «малой родины», всегда делают люди, которые живут и трудятся на этой земле изо дня в день, меняя и преобразуя ее.

И в этом смысле прав был американский философ XIX в. Ральф Уолдо Эмерсон, сказавший однажды: «Нет настоящей истории, кроме биографии».

Поэтому вполне резонно начать наше исследование с попытки собрать сведения о тех государевых служилых людях, благодаря которым Хирино начиная с последней четверти XVI в. открывает свою страницу в российской истории.

Иванов С. В. *Смотр служилых людей*

Точной даты основания селения в древних актах мы не найдем; как нет в них и прямого указания на имя человека, первым распахавшего здесь землю и поставившего жилое строение. Но если нет точных данных о времени основания населенного пункта, отсчет его истории, согласно общим правилам, ведется с момента первого упоминания в письменных источниках.

Следовательно, началом летописной истории Хирина надо считать 28 января, а по нынешнему григорианскому календарю – **8 февраля – 1583 года**, когда служилый человек по имени Томило Денисьев сын Хирин *«по государеве цареve и великова князя Ивана Васильевича всея Руси грамоте и по наказу воеводы князя Ондreja Петровича Солнцева-Зесекина да Никиты Яковлева сына Румянова и по выписе с писцовых книг»* ездил в деревню Хирину для того, чтобы отделить там поместья вдове и детям Ивана Болобанова, а также Григорию Васильеву сыну Львову То есть отдельщик и новоявленные помещики приехали в уже существующую обжитую деревню, значит, возникла она несколько ранее указанной в документе даты.

Напомним, в середине 1550-х годов правительством Иоанна Грозного была проведена в Московском государстве земельная и военная реформы, в результате которых была значительно усовершенствована и упорядочена поместная система, существовавшая на Руси еще со времен его деда великого князя Иоанна III. Завершающим этапом этих масштабных преобразований стало принятие в 1555/56 году так называемого «Уложения о службе», главной целью которого были регламентация и приведение в соответствие размеров поместных окладов и разрядных чинов служилого дворянства. Основной замысел царя-реформатора состоял в том, чтобы тех, *«которые вельможи и дети боярские многими землями завладели, а службою оскудели [...]»*, в поместьях землемерием уверстать и учинить коeмуждо что достойно, а излишки разделить неимующим» [19].

Итогом реформ стало появление на Руси регулярного дворянского войска, где служилые люди обязаны были нести государеву службу, а платой за нее был регламентированный поместный оклад, измеряемый в четвертях. С этого дохода дворянин должен был полностью оснастить себя и своих боевых холопов для военной службы, как ему было предписано на смотрах.

Параллельно с военной реформой была начата огромная работа по описанию земель Московского государства, которая продолжалась до конца 1560-х годов. Первое описание Арзамасского уезда было сделано Григорием Сукиным с товарищами в 1561/62 году, но труды их не сохранились: время и пожары сделали свое дело. В 1585 году этот край описывал Игнатий Зубов с товарищами, и часть тех сведений дошла до нас в виде позднейших выписок, делавшихся отдельными помещиками по разным случаям в Арзамасской приказной избе и в Поместном приказе.

*Крепость на засечной черте
Эскиз В. Колесника*

там поселения. Так что, если деревня «Хирина», то и первый помещик, получивший право кормиться с этой земли в обмен на исправное несение им государственной службы, очевидно, носил фамилию Хиринов.

На сегодняшний день благодаря большой работе рязанских историков А. И. Цепкова, А. В. Антонова, А. И. Григорова известно, что Хирины – это древний род служилых людей Московского государства, имеющий, судя по всему, рязанские корни. Самое раннее упоминание этой фамилии в письменных источниках встречается в заемной кабале рязанца Василия Федоровича Хирина и относится к 1518 году [20]. Большинство Хириных, известных по материалам XVI-XVII вв., несли военную службу и были верстаны поместьями именно по Переславлю-Рязанскому (так в то время именовалась Рязань), однако известны также ряжская, вяземская и тульская ветви этого рода, что, впрочем, весьма недалеко от Рязани. Об арзамасцах Хириных конца XVI – начала XVII в. (скорее всего, тоже выходцах из рязанских мест) в работах и публикациях современных исследователей истории и генеалогии русских служилых родов места пока не нашлось, хотя некоторые сведения о них все же имеются.

Массовая раздача в поместное владение земель южнее Арзамаса проводилась царским правительством в период между двумя этими описаниями, т.е. в 1560–1570-е годы. А среди тех, кто получил здесь поместье, был некто из государевых ратных людей по фамилии Хиринов, от которого и пошло название деревни, отвечающее на вопрос «чья?».

Действительно, в XVI-XVII вв. новообразованным населенным местам обычно присваивались названия по имени или фамилии (родовому имени) помещика, ставшего инициатором первого межевания земель, передаваемых ему из казны в поместное владение. Соответственно, в отказные и межевые книги заносилось имя того из служилых людей, кто первым приобретал право обозначить свою грань или провести свою межу на порожней (т.е. свободной, ничейной) земле, предварительно получив на то государеву грамоту. Затем, будучи многократно переписано из документа в документ, оно де-факто сохранялось в качестве названия возникшего

*Русские воины, середина XV века.
Рисунок О. Федорова*

Так, в писцовых книгах Арзамасского уезда 1621–1623 годов говорится, что поместные земли в селе Хиризне, оказавшиеся к моменту переписи во владении князя Ивана Семеновича Путятина, прежде были за Федором и Томилой Хириными [21]. Вероятнее всего, речь здесь, судя по использованному переписчиком обороту речи, идет о родных братьях. Поэтому, зная уже, что Томило (а значит, и Федор) был «Денисьевым сыном», мы можем предположить, что именно их отец Денис Хириин, хоть он ни разу прямо и не упоминается в источниках, первым получил в здешних местах поместную землю, перевез сюда крестьян и тем самым положил начало деревне. Кстати, своеобразным отголоском этой предыстории, вполне вероятно, является сохранившаяся в Хиризне до сего дня крестьянская фамилия Резановых (Рязановых), носители которой проживали на этой земле еще в 1-й половине XVII в.

Потом с отцова (Денисьева) поместья государеву службу стали служить его сыновья Федор и Томило Хирины, каждому из которых был назначен соответствующий его разряду поместный оклад. Судя по реконструкции арзамасской десятины 1597 года, произведенной М. В. Кротовым, оклад Томилы Хирина составлял к тому времени 200 четвертей [22]. К 1613 году, когда поместье Томилы Хирина перешло к князю Ивану Семеновичу Путятину, первого, очевидно, уже не было в живых, а брата его Федора, видимо, – и того раньше.

Из тех же земель в деревне Хириной был верстан поместьем и Богдан Томилов сын Хириин – представитель третьего поколения служилой династии. Имя его встречается в документах Разрядного приказа дважды: в 1613 году он записан в десятом списке дворян и детей боярских по Арзамасу в числе «городовых» с довольно большим поместным окладом в 600 (550) четвертей [23], а в 1615 году он являлся в Серпухов для получения денег: *«По окладчикове скаске оклад ему денежно жалованья з городом 14 рублев. Дано сполна. [...] Богдан деньги взял и руку приложил»* [24].

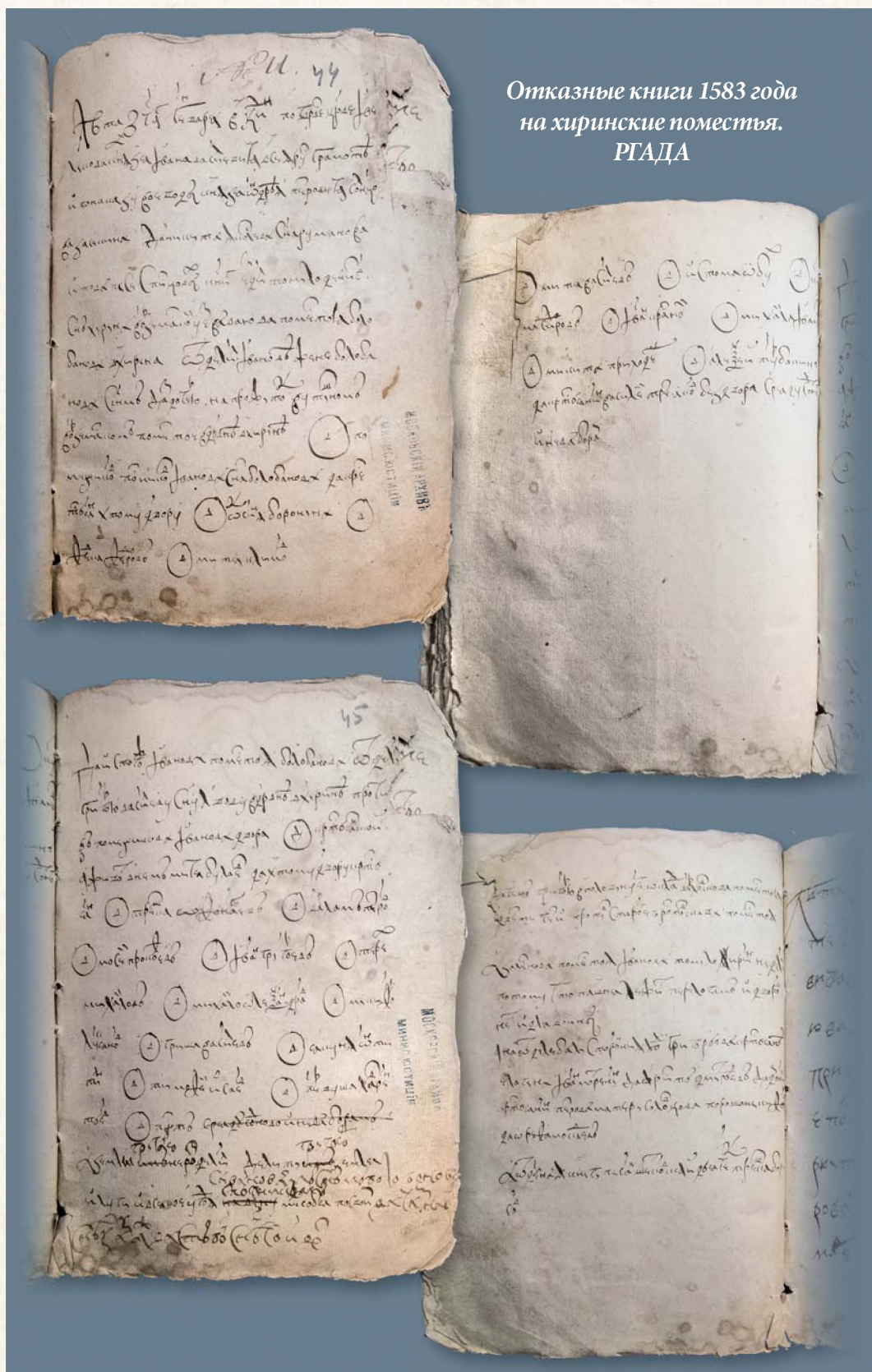
Дальнейшая судьба Богдана, последнего из арзамасцев Хириных, нам неизвестна, однако можно с уверенностью сказать, что к моменту проведения переписи 1621–1623 годов его уже не было в живых. Вдове его Пелагее, как видно из писцовых материалов, был выделен «прожиточный жеребей» в селе Хиризне: *«всего д[вор] помещиков, да два двора крестьянских, два двора бобыльских, а людей во дворах шесть человек. Пашни паханные помещиковы 15 чети, да крестьянские пашни чет, да перелогу 14 чети. И всего 30 чети в поле, и в дву потому ж. Земля добра. Сена 15 копен»* [25]. Жребий этот по смерти Пелагеи или в случае ее поступления в монастырь подлежал отказу в пользу помещика Ивана Путятина, старшего из трех сыновей князя Ивана Семеновича Путятина, что впоследствии и произошло.

1583 (7091) год, 28 января.

***Отдельные книги поместий Григория Львова
и вдовы и детей Ивана Болобанова***

Лета 7091-го генваря в 28 день по государеве цареве и великова князя Ивана Васильевича всея Руси грамоте и по наказу воеводы князя Ондreja Петровича Солнцева-Зесекина да Никиты Яковлева сына Румянова и по выписе с писцовых книг, ездил Томило Денисьев сын Хириин в Орземаской уезд в-Быванова поместья Болобанова в Хирина, отделил Иванове жене Болобанова с сыном да з дочерью на прожиток в утишном орземаском поместье в деревне Хиризне д[вор] помещиков Посников Иванова сына Болобанова, да крестьян к тому двору: в[о дворе] Оксинья Боронина, в[о дворе] Федька Федоров, в[о дворе] Митя Климов, в[о дворе] Истома

Отказные книги 1583 года
на хиринские поместья.
РГАДА

Обух, в[о дворе] Кузьма Сидоров, в[о дворе] Иван Красной, в[о дворе] Михайла Иванов, в[о дворе] Микита приходец, в[о дворе] Алексей Турбакин, да крестьянин Василий Третьяков без двора, сряду, с одного и по выборам.

Да ис того-ж Иванова поместья Болобанова отделил Григорью Васильеву сыну Львову в деревне в Хирина против помещикова Иванова двора д[вор] крестьянской, а живет в нем Митя Булаев, да х тому двору крестьян: в[о дворе] Трешка Офонасьев, в[о дворе] Варлам Петров, в[о дворе] Мосей Прокофьев, в[о дворе] Иван Григорьев, в[о дворе] Терех Михайлов, в[о дворе] Михайло Александров, в[о дворе] Микифор Лукьянов, в[о дворе] Гриша Васильев, в[о дворе] Якуня Онтипин, в[о дворе] Тимофей Исаев, в[о дворе] Первуша Лаврентьев, д[вор] пуст. А земли Григорью не отделил, делити Григорью земля и луги и всякое угодыя с-Ывановым сыном Болобанова с Посником меж собя по своим дачам на весне, как, аж даст Бог, снег сойдет, Григорью в половину окладу верховскова поместья, в 200 чети, против старого его ростовско-го поместья.

А залеснова поместья Иванова Томило Хирин не делил, потому что пашня лежит перелогам и дворов нет, и для войны.

А на отделе были сторонния люди: Григорьевы крестьяне Елагина Иван Мотренин да Арист Дмитриев, да Домнин крестьянин Петровы матери Соловцова Пороша Никифоров, да Орефа Макарьев.

А отдельные книги писал шетковский дьячек Трешка Борисов.

Текст печатается по изданию:

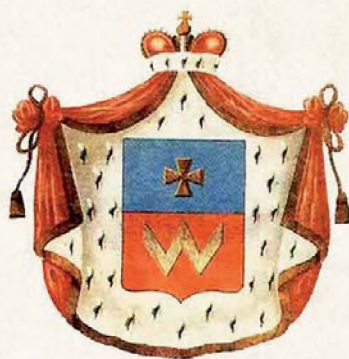
*Веселовский С. Б. Арзамасские поместные акты.
М., 1915. С. 11-12.*

3. Господню Предтече тезоименитый: князь Иван Семенович Путятин

Еще один арзамасский помещик

Князь Иван Семенович Путятин, с именем и потомками которого неразрывно будет связана история села Хирина XVII-XVIII столетий, в 1590-е годы состоял в числе тех разрядных чинов, кто нес государеву службу по Арзамасу, и, как полагалось, был удовлетворен соответствующим поместным окладом из близлежащих земель «с пашней, и с лесы, и с сенными покосы, и со всеми угодыи».

Хиринские земли он получит только в 1613 году, а самые первые сведения о нем как арзамасском помещике относятся к 1592 году. Источник свидетельствует о выделении Ивану Путятину поместного оклада на 50 четвертей в селе Сергеевском, что на реке Ирже, в поместье Степана Силина сына Сычова* [26]. Следовательно, его служебная деятельность, связанная с Арзамасом, началась никак не позднее указанного 1592 года.

Герб князей Путятиных

* Место, о котором идет речь, – это нынешнее село Силино Шатковского района. В те далекие времена в нем уже были две церкви: прп. Сергия Радонежского и вмч. Димитрия Солунского, поэтому в

Во времена Смуты начала XVII в. Путятин становится одним из довольно заметных действующих лиц в военно-политической жизни не одного только уездного города Арзамаса, но и всей Московской Руси. Краткие биографические сведения о нем можно найти в некоторых справочниках, а также в приложении к известной монографии П. Г. Любомирова «Очерки истории Нижегородского ополчения». Дополнив эти материалы сведениями из других источников, мы можем поближе присмотреться к личности и судьбе этого человека, жившего в чрезвычайно сложное и необычайно интересное для историка время.

**Русский страх при лжецарях.
Московское государство в годы Смуты начала XVII века**

Расхожее представление о Смутном времени связано, прежде всего, с подвигом нижегородского земского ополчения, которое спасло в начале XVII в. российскую государственность и отстояло на века право русского народа быть самим собой.

Однако за чередой героических образов и событий тех дней, за нашим благодарным восхищением подвигом спасителей Отечества – разных «осадных сидельцев», героев обороны Смоленска и Троице-Сергиевой лавры – мы забываем, что это было поистине страшное время. Люди, независимо от сословных и служебных различий, уровня благосостояния и «книжности» (грамотности), перестали понимать, где правда, где ложь, кто друзья, а кто враги.

Неслучайно ту эпоху называли «смутой» – от глаголов «мутить», «мутнеть», «смущать», а квинтэссенцией Смуты стала фигура лжецаря, личины которого при-
мерили на себя сразу несколько самозванцев.

Осознание духовных причин Смуты проникновенно выражено в знаменитой грамоте («отписке») нижегородцев, направленной ими в Вологду в период подготовки к освободительному походу на Москву земского ополчения Минина и Пожарского (1612): *«За умножение греха всего православнаго христианства воздви-
жется на нас праведный гнев Божий, в долгое время не преста, даже и до нынешняго
времени: по Христову словеси, восстали мнози лжехристи, и в их прелести смятятся
вся земля наша, и бысть в разорении явлю мерзостию и пуста злохитрою кознию
вселукаваго дьявола, врага и супостата рода человеческого [...]. Сами убо весте, что
по общему греху всех нас православных христиан, учинилася межусобная брань в
Российском государстве ...»* [27].

А началась эта «межусобная брань» в последние годы правления царя Бориса Годунова, после смерти которого в апреле 1605 года на Руси наступили хаос и анархия. Один за другим стали приходить к Москве самозванцы и всевозможные лже-царевичи, которые при поддержке влиятельных иноземных держав (прежде всего, Речи Посполитой и Швеции), а также разного воровского сброда, всегда поднимающего голову в моменты слабости и шаткости центральной власти, объявляют себя

поместных актах оно называется то селом Сергеевским, то Дмитриевским, то Силиным.

Вышеназванный Степан, Силин сын, Сычов – первый из здешних помещиков, упоминаемый в «Арзамасских поместных актах». Однако он, судя по названию села, получил это поместье после своего отца – Силы [Четвертакова сына] Сычова, о котором в опубликованных Веселовским актах нет сведений. Его отчество случайно стало нам известно благодаря его «рукоприкладству» в качестве «послуха» под купчей 7080 (1572/73) года, опубликованной в «Актах, относящихся до истории юридического быта Древней Руси» (Т. I. № 147. XIV. Стлб. 365). Учитывая важность этих сведений для истории села Силина, находящегося весьма недалеко от хиринских мест, мы посчитали уместным поместить здесь это примечание.

Царь Борис Годунов

родственник Рюриковичей, но фигура противоречивая и в народе непопулярная: *«многие города ему (Шуйскому. – Л. М.) служити не похотели, и всех православных христиан грехом во всех людех Московского государства была рознь и межусобство»* [28]. Народ продолжал смущаться разными слухами о скрывающемся где-то царевиче Димитрии. «Брожение мозгов» набирало силу...

И вот осенью 1606 года к югу от Москвы внезапно появляется армия «воеводы царя Димитрия» – некоего Ивана Исаевича Болотникова (†1608), бывшего холопа, хлебнувшего на своем веку и казачьей вольницы, и татарского плена, и турецкого рабства на галерах, а после освобождения из неволи пожившего в Венеции и, наконец, после многолетних странствий возвратившегося в Россию через германские и польские *Лжедмитрий I* земли [29].

В городе Самборе на территории Польши, где плелись в то время главные интриги против Московии, происходит роковая встреча Болотникова со сбежавшим из России политическим авантюристом и негодяем Михаилом Молчановым. Хитроумно выдав себя за царя Димитрия Ивановича, якобы чудом спасшегося из Москвы во время майского бунта 1606 года, Молчанов вербует Болотникова к себе на «царскую» службу и отправляет его «большим воеводой» в Путивль, где строит свои козни другой крупный интриган и авантюрист периода Смуты – изменник и польский агент Г. П. Шаховской.

И вот за Болотниковым уже охотно идут вороватые казаки и стрельцы, холопы и крепостные крестьяне. Даже многие дворяне и дети боярские из «украинных городов», недовольные Шуйским, без тени сомнения присоединяются к внезапно явившейся на просторах Руси повстанческой армии. По стране быстрее ветра разлетаются слухи о том, что Димитрий жив и идет на Москву, порождая в городах

перед народом «царями» и рвутся на московский престол.

Первым оказался польский ставленник расстрига Гришка Отрепьев, выдававший себя за «чудом спасшегося царевича Димитрия» – младшего сына царя Иоанна Грозного, убитого в Угличе в 1591 году, как принято считать, по заданию Годунова.

Судьба Лжедмитрия I, как известно, сложилась печально: хотя сначала ему и удалось «сесть на Москве» и даже повенчаться на царство, но через несколько месяцев в ходе восстания 17 (27) мая 1606 года самозванец был убит, а сожженные останки его, смешанные с «зельем» (порохом), были выстрелены из пушки в сторону Польши, откуда этот несчастный имел дерзость появиться.

После низложения Лжедмитрия I царский престол занял боярин Василий Шуйский (1552–1612),

один за другим бунты и возмущения против Шуйского в пользу «настоящего царя» и «законного наследника» московского престола.

*Русский воевода и знаменосец
в парадном облачении, XVII век.*

Рисунок О. Федорова

Главными центрами брожения – тогдашнего «болотного процесса» – на годы вперед становятся Тула и Калуга, причем последнюю Болотников избрал своей резиденцией. В числе городов и земель, «от царя Василия отложившихся и бывших в измене», к ноябрю 1606 года оказываются Арзамас и Алатырь. На усмирение их царем Василием были «*посланы воеводы Григорий Григорьевич Пушкин [по прозвищу] Сулемша, да Сергей Григорьев сын Одогуров*» [30].

Экспедиция их более чем удалась. Образумив сперва Арзамас, а затем Алатырь и приведя их жителей к крестному целованию на верность царю Василию, Пушкин и Ададуров, как выяснилось позже, одним лишь своим появлением в здешних местах оказали великую услугу Нижнему Новгороду, находившемуся в те дни в жестокой осаде «от воров, и русских людей, и бортников, и мордвы». Но «как они уведали, что царя Василья московские люди идут на Орземаские и на Олатырские места, ис под Нижнева воры розбежались» [31].

После усмирения Арзамаса и Алатыря Пушкину и Ададурову было велено идти к острогу с романтическим названием Серебряные Пруды, где правительственные войска в это время безуспешно осаждали засевшие там шайки болотниковцев. С подходом подкрепления начался решающий штурм крепости: «к острогу ратные люди приступали с щитами день до полуночи, и из Прудов воровские люди многих ратных людей переранили, а иных побили». Однако перевес был на стороне войска Шуйского, и крепость в итоге капитулировала: «воровские люди, как повествует летописец, видя свою погибель, что им не отсидетца, сдалися и в острог пустили царя Василевых людей и крест целовали царю Василию» [32].

Оказалось, в составе отрядов Пушкина и Ададунова пришел биться с «ворами» под Серебряные Пруды и наш герой Иван Семенович Путятин, вероятно, примкнувший к ним в ходе арзамасско-алатырской экспедиции, а затем принимавший непосредственное участие в штурме крепости. Здесь, у Серебряных Прудов, князь Путятин, ранее известный нам лишь как рядовой арзамасский помещик, впервые появляется на арене российской истории в новом для себя качестве военно-политического деятеля.

Спустя несколько дней после взятия крепости он участвует в сражении с отрядами «воровских людей с украины», бывших под руководством князей Мосальского и Сторовского. Те спешили на помощь осажденным в остроге повстанцам, да не успели и «от Серебряных Прудов версты за четыре» были разбиты наголову царскими воеводами, которые «воровских многих людей побили, и языки многие поима-ли, и воровских воевод князя Ивана Мосолкова и Ивана Сторовского взяли».

После той славной победы у Серебряных Прудов именно арзамасец Иван Семенович Путятин по наказу воеводы Григория Пушкина отправляется в Москву к царю Василию Шуйскому с сеунчом («сеунч» по-татарски – радостная весть) о

разгроме повстанцев. Должно быть, выбор Пушкина был продиктован какими-то личными качествами князя Путятина, которые тот сумел проявить за время своего пребывания в отрядах.

Миссия предстояла сколь почетная, столь же и опасная: путь до столицы в период всеобщего разброда и шатанья, когда шайки вооруженных «воровских людей» бродили по дорогам, отнюдь не был для гонца приятной прогулкой. Тем не менее Путятин с поручением благополучно справился и вскоре явился с сеунчом к государеву двору царя Василия.

По обычаю того времени гонец, приносивший монарху благую весть, удостоивался особых царевых милостей и за свою добрую службу получал государево жалование в виде щедрых подарков – шуб, золотых и серебряных сосудов и т.п. [33]. Кроме того, успешно выполненное поручение было хорошей рекомендацией вестовщику для его дальнейшей службы. Возможно, этот случай и сыграл в последующей карьере Путятина определенную роль. Однако, как показали дальнейшие события, не только и не столько в карьере было дело...

Пока Путятин спешил с сеунчом в Москву, окрыленные победами Пушкин и Ададунов, желая развить свой военный успех и объединившись с отрядом воеводы А. В. Хилкова, *«того ж 115-го (1607) году в великой пост ис-под Прудов»*, двинулись в направлении Тулы, где окопался со своими шайками союзник Болотникова и по совместительству очередной самозванец Илейко Коровин по прозвищу Муромец, выдававший себя за вымышленного им «царевича Петра». Но по пути туда, под Деделовым, войско Шуйского было внезапно атаковано из засад воровскими ватагами и потерпело сокрушительное поражение, понеся значительные потери: *«воровские люди царя Василевых людей розогнали и на побеге убили воеводу Сергея Ододурова, а ратные многие люди потонули в реке в Шату»* [34].

Позднее Путятин, конечно же, узнал о печальной участи, постигшей многих его прежних соратников и сослуживцев, участи, которую мог бы разделить и он сам, не окажи ему Г. Г. Пушкин тогда столь великую милость. Наверняка, он осознал, что та почетная отсылка его из войска в Москву фактически спасла ему жизнь. Возможно, именно поэтому, когда впоследствии Путятину было пожаловано новое поместье, а затем и выслуженная вотчина в деревне Хириной, он распорядился соорудить в ней рубленую церковь в честь Усекновения честной главы Иоанна Предтечи, своего

Шварц В. Г. Гонец XVI века

Деревянная церковь, XVII век

небесного покровителя, по молитвам которого Бог избавил его «от толиких бед».

После истории с сеунчом след Путятина в документах на некоторое время теряется. Затем в декабре 1609 – январе 1610 года Путятин упоминается в числе «татарских сборщиков», посланных воеводой Ф. И. Шереметевым в Чебоксарский уезд для сбора там ратных людей и приведения к присяге татар и луговой черемисы, чтоб *«им быти под государевою Ц^аря и В^еликаго К^нзя Василья Ивановича в^сея Р^уси высокою рукою на веки неотступным* [35].

Видно по всему, что царю Василию Шуйскому И. С. Путятин служил очень исправно и ревностно, что и сам он впоследствии сумел доказать во время «большого сыску» при Михаиле Федоровиче Романове, когда его право на выслуженную хиринскую вотчину было подтверждено государевой жалованной грамотой 1619 года *«за царя Васильево осадное сиденье»*.

К чести князя Путятина нужно заметить, что не в пример ему подавляющее большинство арзамасских дворян и детей боярских в годы правления Шуйского (1606–1610) были далеки от лояльности законной власти в Москве, примыкая то к одному, то к другому лагерю антиправительственных сил.

Кто-то из них в 1606/7 году под Калугой, Тулой и Серебряными Прудами был в рядах «болотного войска». Другие Великим постом 1609 года во главе с «воровским воеводой» Ф. А. Киреевым разбойничали под Свяжском и Казанью. Третьи примерно в это же время в составе тушинских отрядов шли «воевать» Нижний Новгород, но 7 января 1609 года были разбиты А. С. Алябьевым близ села Богородского, после чего около 40 человек из них во главе с Ф. В. Левашовым, покаявшись и целовав крест царю Василию, примкнули к верным присяге нижегородцам. Одним словом, арзамасские служилые люди в большинстве своем в годы Смуты «упорствовали в воровстве».

Даже после того, как в июне 1610 года нижегородская рать взяла арзамасский посад боем, во время которого многие были убиты, в том числе местный воевода «воровской свияженин» Ф. А. Киреев (приверженец тушинского вора), Арзамас и недели не пробыл в покорности. Лишь только нижегородцы, казнившие «воров изменников стрельцов», от посада «супротивного города» отступили, не имея возможности задержаться и организовать осаду самой крепости, *«Арзамас своровал [и] отложился от царя Василья по-прежнему [к] Колужскому вору»* (т.е. Лжедмитрию II). *«А из Арзамаса дворяня и дети боярские с матерми и женами и с детми и священники пошли все в Муром, а иные в Нижней»* [36]. Таким, по словам летописца, было бегство тех, кто остался верен присяге царю Василию и, что называется, «арзамасскому воровству не приложися». Не исключено, что в числе беженцев, покинувших тогда мятежный Арзамас, мог быть и князь И. С. Путятин со своим семейством, поскольку следующее по хронологии упоминание его имени в документах Смутного времени заставляет предположить, что зимой 1610/11 года он находился именно в

Царь Василий IV Шуйский

Иванов С. В. В Смутное время. Лагерь в Тушино

*Лжедмитрий II
(тушинский вор)*

Нижнем Новгороде, где в то время собирались ратные люди со всего Поволжья для похода на Москву по призыву руководителей 1-го ополчения...

Пока разворачивались вышеописанные события вокруг Арзамаса, Шуйский был отрешен от престола в результате боярского заговора (июнь 1610 года) и насильственно пострижен в монастырь. В дальнейшем он был выдан московскими боярами гетману Станиславу Жолкевскому, увезен в Польшу, где «целовал крест Жигимонту» (Сигизмунду III) и, наконец, умер в заточении в Гостынинском замке под Варшавой 12 (22) сентября 1612 года.

После низложения царя Василия Шуйского Смута на Руси вошла в новую фазу своего развития...

Спасители Отечества:

два земских ополчения и участие в них И. С. Путятина

В июне 1610 года власть в Москве перешла в руки самопровозглашенного боярского правительства (так называемой семибоярщины), которое, опасаясь возможного вторжения в столицу тушинского вора, имевшего там немало сторонников, спешно начало переговоры с польским королем Сигизмундом III о приглашении на московский престол его сына королевича Владислава. Уже к сентябрю 1610 года вопрос был решен, и польские войска под началом гетмана Жолкевского по-хозяйски вошли в Москву, бояре стали присягать на верность польскому королевичу.

Однако если еще осенью 1610 года многие колебались и готовы были, скрепя сердце, следуя примеру московской аристократии, признать Владислава при условии перехода его в православие, то последующие бесчинства ляхов, их бесконечные насилиства, грабежи, расхищение царской казны, глумление над православными храмами и святынями заставили русских, наконец, очнуться и встать на защиту Отечества.

Патриарх Гермоген, первым возвысивший свой голос против польско-литовского беззакония, уже в декабре 1610 года был взят под стражу, насильно сведен с патриаршего престола и заключен в темницу в Чудовом монастыре Кремля. Но и из

заточения святейший продолжал рассылать грамоты по городам с призывом к православным, не щадя живота своего, подняться на борьбу с польско-литовскими захватчиками.

Вняв этим призывам, *«совокупишася всего Российского царствия всякие люди вместе, меж себя богосюзный совет учинили, и крестным целованием укрепились на том, что всем православным хрестьяном всего Российского царствия, от мала и до велика, за королевскую многую ко всему Московскому государству неправду, и за нашу истинную православную хрестьянскую веру греческого закона, и за святые Божии церкви, из многое бесчисленное крестьянское кроворозлитие, и разоренье Московского государства, стояти всем единомысленно; и сына его Владислава королевича на Московское государство государем никак не хотети и царствующий град Москву от полских и от литовских людей очищати, сколько милосердый Бог помочи подаст»* [37].

*Священномученик Гермоген,
Патриарх Московский*

Так возникло под Москвой 1-е земское ополчение под руководством рязанского дворянина воеводы Прокопия Ляпунова и присоединившихся к нему князя Дмитрия Трубецкого (бывшего сторонника тушинского вора, убитого в декабре 1610 года) и казацкого атамана Ивана Заруцкого. Вставшие под знамена ополчения люди учредили Совет всея земли, который приговором от 30 июля 1611 года всю полноту исполнительной власти возложил на вышеназванных вождей ополчения: Трубецкого, Ляпунова и Заруцкого. Так в ополченских «таборах» под Москвой, оккупированной поляками, сформировалось новое общероссийское правительство, которому в целом удалось восстановить нити управления страной.

И. С. Путятин был одним из тех, кто откликнулся на этот «зов всея Руси» и примкнул к общероссийскому освободительному движению. Уже зимой 1610/11 года он оказывается в составе нижегородского войска, шедшего под Москву на подмогу 1-му ополчению. Но до подмосковных таборов Путятин тогда не дошел, поскольку в марте жители Владимира послали его с грамотой к казанцам, призывая тех присоединиться к общему делу. А не позднее августа 1611 года он получает от подмосковного правительства новое назначение – на *воеводство в Арзамас*, в каковой должности ему довелось пробыть до сентября 1612 года. Но «времена лукави суть», и служение на этом поприще для нашего героя не обошлось без преткновений.

Историк П. Г. Любомиров не без оснований «упрекал» воеводу Путятину в том, что тот в феврале – сентябре 1612 года не исполнял приказов князя Дмитрия Пожарского и не оказывал никакого содействия нижегородцам в снаряжении земской рати. Даже наоборот, когда в нижегородское ополчение Минина и Пожарского из многих городов русских стекалось пополнение, Путятин своих арзамасских ратных людей в феврале 1612 года посылал во Владимир и под Москву – «в помощь Трубецкому и Заруцкому», хотя тогда уже было понятно, как подчеркивает Любомиров, что именно «второе ополчение было в то время главной силой на Руси» [38].

По тому же случаю в феврале 1612 года жители Казани, радевшие об успехе нижегородского ополчения, писали курмышскому воеводе Смирному Елагину о том,

что арзамасской «отписке» воеводы Путятина, мол, *«верить нечиму: потому что в Арзамасе стрельцы заворовали, дворян и детей боярских и жилецких всяких людей и животом побивают и вешают и на пытках пытаются и заводят воровство, и ворихе Маринке и ее Маринкину сыну хотели крест целовати»* [39].

Что это за история, о которой вели речь казанцы, и какова была роль в ней воеводы Путятина, пока не совсем ясно. Однако сохранилось еще одно документальное свидетельство, исходившее от некоего князя И. М. Барятинского: *«была в Арзамасе смута: целовали крест Сидору»* [40].

Возможно, в этих событиях, связанных с появлением на северо-западе Руси Лжедмитрия III (некоего Исидора), воевода Путятин оказался в ситуации, подобной той, что имела место в начале марта 1612 года в подмосковных таборах. Там казаки из состава ополчения, прослышав о новом появлении «царя Димитрия», на этот раз во Пскове, тайно вошли с ним в сношение, а затем учинили в станах возмущение, заставив подмосковных бояр и дворян под угрозой смерти присягать «псковскому вору». Среди тех, кто целовал крест новому самозванцу, был и Дм. Трубецкой, не пожелавший умирать за верность прежней присяге.

Можно предположить, что нечто подобное случилось и в Арзамасе, когда воевода Путятин в итоге оказался заложником взбунтовавшейся вооруженной толпы.

Но для полноты картины следует отметить, что вышеупомянутой смуте и присяге Исидору предшествовало в Арзамасе другое важное событие, которое никак не могло обойтись без участия воеводы Путятина. Поздней осенью 1611 года из подмосковных станов пришли под Арзамас смоленские дворяне числом около 2000 человек, которые, лишившись своих поместий, захваченных поляками на «литовской украине», были направлены из таборов для их «испомещения» в дворцовые села Арзамасского уезда. Но смоленских дворян арзамасцы не приняли. Как писано в той же грамоте по делу о поместье Барятинского (бывшего одним из тех, кого в поместья «не пустили»): *«князь деи Путятин по недружбе грамоты боярской не послушал и крестьяном слушать не велел»*.

Как бы то ни было, дело обернулось, действительно, не слишком красиво: «В Арзамасе – пишет историк С. Ф. Платонов, – дворцовые мужики смольнян *«не слушали, делить себя не дали, чтоб им быть за ними в поместьях»*. Долго стояли смольняне под Арзамасом (в Выездной Слободе. – Л. М.), и у них *«бои с мужиками были, только мужиков не осилили; помогали мужикам арзамасские стрельцы триста человек»* [41]. Выручили, как обычно бывало в те годы, нижегородцы, которые, прознав про арзамасские страсти, пригласили смоленских дворян к себе и, «затянув потуже пояса», без обиды наделили их поместьями из земель Нижегородского уезда.

Не позднее октября 1612 года Путятин на должности арзамасского воеводы (вероятно, по настоянию самого князя Дмитрия Пожарского, которого Путятин «не слушал») сменил Петр Михайлович Львов.

Год 1613-й

В начале января 1613 года в Москве начал свою деятельность знаменитый Земский собор, делегатам которого предстояло избрать нового царя на российский престол. Полтора зимних месяца шли в столице трудные дебаты о том, кому быть государем на Руси. Несмотря на споры и несогласия, к концу февраля судьбоносный выбор был сделан: *«Все православные хрестьяне всего Московского государства, от мала и до велика и до сущих младенец, яко едиными усты, вопияху и*

*Утвержденная грамота
об избрании на царство
Михаила Романова, 1613 год*

*Великое посольство. Призвание Михаила Федоровича
Романова на царство в 1613 году. Миниатюра XVII века*

взывают, глаголющи, что быти на Владимирском и на Московском и на Ноугородском государствах, и на царствах Казанском, и на Астороханском и на Сибирском, и на всех великих и преславных государствах Росийскаго царствия государем царем и великим князем, всеа Руси самодержцем [...] благоцветущие отрасли от благочестива корене родившися, Михайлу Федоровичу Романову-Юрьеву; да примет скипетр Росийскаго царствия, для утверждения истинные нашии православные веры, и чтоб Господь Бог его государским призрением во всем Московском государстве расточенные и разоренные исправил, и во едино благочестие совокупил, и межуsobье в Московском государстве утолил, и вся благая Московскому государству устроил» [42].

Под Утвержденной грамотой, текст которой в окончательной редакции был подготовлен к маю 1613 года, 207-м по списку «руку приложил» и Иван Семенович Путятин. Однако вопрос о том, был ли он делегатом самого Собора и принимал ли участие в зимних избирательных дебатах, остается пока без ответа, поскольку П. Г. Любомиров доказал, что не все подписанты этого исторического документа, поставившие под ним свои подписи, были непосредственными участниками самого процесса избрания царя.

В мае 1613 года, когда собирались подписи под Утвержденной грамотой, арзамасский выборный дворянин И. С. Путятин, действительно, находился в Москве и устраивал свои поместные дела, что подтверждается записями в книгах Печатного приказа. Оттуда мы узнаем, что 19-го числа он выправил отказную грамоту на новое поместье в Арзамасском уезде (хотя источник не указывает название селения, но мы знаем, что речь здесь идет именно о деревне Хириной), а спустя без малого две недели, 31 мая, «дано ему по прежней даче из его поместья в вотчину в Арзамаском уезде 140 чети. Поишин полполтины. Взято» [43].

Получение Пуятиним новых поместных «дач», вероятно, было связано с увеличением его поместного оклада, поскольку тогда же, весной-летом 1613 года, в Москве принимается решение о его новом назначении – на этот раз на должность городского воеводы в казанский пригород Уржум, где Пуятин и значился по боярским спискам 122 (1613/14) года [44].

К новому месту службы Пуятин, очевидно, поехал через Арзамас, через свои старые и новые арзамасские поместья и хиринскую вотчину, где ему необходимо

было устроить все дела, связанные с новыми «дачами»: новоприобретенные земли нужно было размежевать, отделить крестьянские и бобыльские дворы, раздать приказчику и дворовым хозяйственным распоряжения и т.д.

Снова в арзамасских краях он окажется по делам службы лишь в 1615 году, когда попытка правительства Михаила Романова увеличить сбор так называемых пятинных и запросных денег с инородцев спровоцировала мощное восстание в Поволжье: *«Казанские и Свияжские и иных многих Понизовых городов татаровя и луговая черемиса заворовали, Государю изменили, и собрався многие места повоевали, и села и деревни жгут, и многих людей в полон емлют и побивают, и к городом приходят и приступают, и дороги от Казани к Нижнему отняли, и тесноту Понизовым городам чинят многую, и собрався многими людьми хотят приходить к Нижнему, и к Орзамасу, и к Мурому и в иные места»* [45].

В связи с этими событиями в Поволжье князь Путятин упоминается в числе сборщиков, разосланных в разные города для сбора ратных людей, которых предписано было *«отвести на государеву службу в Нижней Новгород к боярину и [воеводе] ко князю Юрию Енишевичю Сулешеву да к столнику и воеводе ко князю Алексею Львову»* [46]. С этим поручением наш герой едет в ставший родным для него Арзамас, где его все хорошо знают и помнят по недавним событиям.

«Жилец московский»

Восстание было успешно подавлено, зачинщики и смутьяны казнены, а отличившиеся по службе государевы люди были отмечены новыми прибавками к жалованию и повышениями в разрядной иерархии. Так, именно в 1615/16 году Путятин из *выборных дворян* по Арзамасу переходит, наконец, в разряд *дворян московских* с включением его в «жилецкий» список [47] – с этого времени он обзаводится собственным жилым двором в столице.

С апреля 1618 года Путятин состоит в числе «объезжих голов для огней», т.е. занимается обеспечением противопожарной безопасности: в зоне его ответственности закреплён участок от Покровской до Неглинной улицы. Здесь же его и застаёт польское нашествие 1618 года, когда повзрослевший королевич Владислав IV Ваза с 25-тысячным войском подходит к стенам древней российской столицы. Одним из тех, кто накануне прихода польско-литовской армии был послан по государеву указу из Москвы для сбора ратных людей, был и князь Путятин, который в составе миссии боярина И. Б. Черкасского в сентябре 1618 года собирал подкрепление в Ярославле. По окончании военных действий, закончившихся подписанием Деулинского перемирия (декабрь 1618 года), всех московских осадных сидельцев в «королевичев приход» правительство наградило земельными пожалованиями: в частности, Путятину с каждых 100 четвертей его поместного оклада 20 четвертей были отказаны в вотчину [54], благодаря чему вотчинные его владения в Хирине несколько увеличились.

Там, отделив подходящий участок собственной своей земли, Путятин с разрешения церковных властей строит в хиринской вотчине деревянную церковь, посвященную его небесному покровителю Иоанну Предтече. Таким образом, Хирину к началу 1620-х годов становится селом, о чем в писцовых материалах, частично утративших свой текст, сказано так: *«Село, что была деревня Хирина, а в нем церковь Усекновение Честные Главы Иованна Предтечи, да церковных дворов во д[воре] <...>*

Васнецов А. М. В осадное сиденье. Москва, начало XVII века

Лытошка, во д[воре] пономар <...> места дворовых. Церковные пашины <...> перелогу пятнадцать чети в поле, а в дву потому ж. Сена тридцат копен» [49].

Еще одним «инфраструктурным преобразованием» тех лет, связанным в Хирине с деятельностью Путятина, становится появление там «двора вотчинникова», где с тех пор размещался приказчик, ведущий все хозяйственные дела владельца.

Но Ивану Семеновичу недолго довелось владеть своей вотчиной. Уже очень скоро здесь будут хозяйничать его наследники, которые, влезая в долги, растеряют значительную часть родовой собственности в Хирине, и лишь почти столетие спустя эти земли, сменив множество владельцев, снова возвратятся в род князей Путятиных.

Завещание И. С. Путятина

В 1621 году князь Путятин, по некоторым данным, состоял воеводой в Опочке [50], хотя эти сведения, вероятно, требуют проверки и уточнения.

А последние годы жизни (1622–1624) князь Иван Семенович Путятин провел на воеводстве в подмосковной Коломне, где (вероятно, будучи уже в преклонных годах) занемог и в конце мая – начале июня 1624 года предал Богу душу.

О времени его кончины можно судить по духовному завещанию, составленному им перед смертью и датированному 20 мая 132 (1624) года. Выписка из этого завещания во 2-й половине 1620-х была использована переписчиком Арзамасской приказной избы при изготовлении копии с арзамасских писцовых книг 1621–1623 годов.

В том духовном завещании Путятин говорил, что «после своего живота, вотчину свою отказал он, князь Иван, жене своей княгине Анне, да детям своим князю Ивану, да князю Федору, да князю Гаврилу по жереб[ь]ям. А будет жена ево княгиня Анна подет замуж и ей до вотчины дела нет, та вотчина детям его вся, а будет жена ево княгиня Анна похочет сидет[ь] вдовством или пострижется и ей тою вотчиною, что ей достанется, владеет[ь] до своей смерти и при своем животе жене его княгине Анне тое вотчины не продаст[ь] и не заложит[ь] [н]и роду своему ни племени и никому на сторону детям своим не отдать, ни в монастырь. А после жены его смерти то вотчина детям его князю Ивану, да князю Федору, да князю Гаврилу, а в род их детям и внучатом, а по их полюбовному разделу вотчина ей вдовы княгини Анны четвертой жеребей написан в селе Хирине на ее жеребей крестьяне и земля, а после ее смерти тою вотчиною ее княгини Анны четвертым жереб[ь]ем вледет[ь] князю Ивану з братею и по отказу отца своего и по духовной» [51].

Вот такой предстала перед нами судьба хиринского вотчинника князя Ивана Семеновича Путятин, первым из представителей именитых дворянских родов получившего законное право называть здешние земли своей собственностью и передать их своим потомкам.

Исторический двойник: завязка наследственной драмы конца XVIII века

Не часто случается в истории, когда в один короткий период времени на исторической арене действуют два крупных военно-политических деятеля, оказавшихся полными тезками друг другу. Причем не только по фамилии, имени и отчеству, но и социальному статусу. Однако именно так произошло на Руси в годы Смуты начала XVII в., в событиях которой принимали активное участие сразу два князя Ивана Семеновича Путятин: один – арзамасец, уже хорошо нам знакомый, а другой – новгородец, который тоже оказался причастен к истории Хирин, хотя и весьма странным образом.

Документы свидетельствуют, что в 1609/10 году тот «другой» князь Иван Семенович Путятин, известный по прозвищу Люль, совместно с Л. И. Милославским состоял воеводой в городе Орешке (будущем Шлиссельбурге), сохраняя, по-видимому, верность царю Василию Шуйскому. Но уже тогда земли Северо-Западной Руси находились под сильным военным и политическим давлением Швеции, чьи агрессивные намерения в отношении России сдерживал лишь Выборгский трактат 1609 года, по которому Швеция обязана была оказывать союзническую военную помощь Москве в обмен на передачу ей крепости Корела с уездом.

Свержение царя Василия с московского престола предсказуемо повлекло за собой шведскую оккупацию всех северо-западных территорий Руси, центром которых был, как и прежде, «господин Великий Новгород».

В тех обстоятельствах, когда на Москве хозяйничали поляки, а под Москвой и в Поволжье еще только собиралось 1-е ополчение, новгородцы, предоставленные самим себе и шведским оккупантам, 25 июля 1611 года подписали «приговор», по которому признали своим законным властителем шведского королевича Карла-Филиппа и прочили его впоследствии на московский престол. Одним из наиболее ярых сторонников шведского королевича был как раз новгородский князь И. С. Путятин – тот, который Люль.

Не углубляясь в детальное изучение фактов его биографии, ограничимся лишь небольшими выдержками из «Русского биографического словаря» А. А. Половцова (автор статьи В. Корсакова). Оттуда мы узнаем, что имя этого деятеля встречается в разных записях 1613-1614 годов в связи с новгородскими событиями, в которых И. С. Путятин принимал живое участие, будучи убежденным сторонником Карла-Филиппа. Эти записи, отмечает автор статьи, наглядно показывают настроение Новгорода Великого уже после избрания на московский престол Михаила Федоровича Романова. Большинство новгородцев, несмотря на решение Земского собора 1613 года, продолжало считать шведского королевича своим законным государем и относилось к людям, отъезжавшим из Новгорода в Москву или иные земли, как к изменникам. Так, например, 20 ноября 1613 года была составлена поручная запись по новгородским помещикам о неотъезде их из своих поместий за новгородский рубеж. Во главе поручителей находился тот самый князь Путятин, а заканчивалась запись так: *«И будучи в Новегороде учнут с ким какие в мире смутные речи говорити или вмещати, или из Новагорода без государева указу куды отъедут или изменят: и на нас на порутчиках пеня пресветлейшего и высокороженного государя королевича и великого князя Карлуса Филиппа Карлусовича, и наши порутчиковы головы в их голову место; а который нас порутчиков в лицев, на том государева пеня и порука»*.

Относительно же избрания на Московское царство Михаила Федоровича Романова в обход Карла-Филиппа новгородцы отзывались так: *«А Владимирского, государь, и Московского государства всяких чинов люди потому же учинили так не с нашего совету, мы с ними о таком непостоятельстве не ссыливались и вперед ни о каком неприятелственном деле ссылатися не учнем же, держимся во всем верно государя своего королевича, пресветлейшего и высокорож[д]енного великого князя Карлуса Филиппа Карлусовича»*.

В родословной князей Путятиных, составленной Руммелем, сказано, что «великий князь пожаловал кн. Ивана Семеновича Путятину городом Орешком» (жаль, не указывается год этого события. – Л. М.). А так как шведского королевича новгородцы величают «великим князем», то возможно, что Орешек был пожалован Карлом-Филиппом князю Путятину за его особенную преданность и какие-нибудь, неизвестные нам заслуги, – предполагает в заключение Корсакова [52].

Одним словом, в те суровые годы, когда в Москве и под Москвой решалась судьба России, новгородский И. С. Путятин и его единомышленники, оказавшись на захваченных шведами землях, по слову «Нового летописца», *«от Московского государства и ото всей земли отлучиися»*. И даже когда Земский собор *«яко едиными усты и едином сердцем»* постановил быть на Московском государстве Михаилу Федоровичу Романову, новгородцы этому решению не подчинились и еще в течение нескольких лет продолжали верой и правдой служить шведским оккупантам, считая их королевича своим законным государем. И тот князь И. С. Путятин-Люль по заданию шведской администрации ездил с «дозором» в августе 1615 года описывать Корельскую половину Водской пятины для нужд налогообложения – подлинник этой дозорной книги сохранился в Стокгольмском архиве [53].

Лишь в 1617 году Новгород с прилегающими к нему землями после нескольких лет изнурительной войны был, наконец, возвращен под «высокую руку» Москвы в результате подписания России со Швецией Столбовского мирного договора. Представители новгородской аристократии, еще недавно желавшие ходить под шведской короной, были прощены и снова приняты на московскую государеву

службу. Возможно, был в их числе и новгородец Иван Семенович Путятин, хотя судьба его после 1615 года нам неизвестна.

Как выяснилось, оба князя Ивана Семеновича Путятина оставили немало документальных свидетельств о себе за годы службы. Только один, арзамасец, – на юго-востоке, а другой, новгородец, – на северо-западе Руси. Причем, оказалось, что без должного изучения и тщательного сравнительного анализа источников эти следы легко перепутать. Даже такой авторитетный исследователь той эпохи, как П. Г. Любомиров, не избежал этого и «назначил» арзамасца Путятина вместо его новгородского тезки воеводой в Орешек в 1609/10 году.

Следует также с осторожностью отнестись и к сведениям большинства справочников о том, что арзамасец Путятин в 1621 году был воеводой в Опочке под Псковом – все-таки территориально это гораздо ближе к новгородским землям.

В заключение добавим, что у арзамасца И. С. Путятина было трое сыновей: Иван, Гавриил и Федор, а идущая от него родовая ветвь прервалась по мужской линии в конце XVIII века. У новгородца же Ивана Семеновича Путятина сыновей было четверо: Даниил, Юрий, Иван и Богдан, а в дальнейшем род новгородских князей Путятиных, получивший продолжение по линии одного лишь Богдана, был внесен в V часть Дворянской родословной книги по Тверской губернии. Потомки их живы до сих пор.

Для чего мы столько внимания уделили новгородскому тезке нашего хиринского помещика, читателю станет известно из последующих глав. Хотя... приоткроем немного завесу: речь пойдет о странном наследственном деле. Так сложилось, что деятельность, да и сам факт сосуществования «исторических двойников» Путятиных, стали своего рода прологом и завязкой позднейшей исторической драмы, коренным образом изменившей судьбу села Хирина и его крепостных крестьян. «Смутное время» даже и в этом частном вопросе вполне оправдало свое название спустя более чем полтора столетия...

4. По следам первых хиринских помещиков

В представленных ниже материалах собраны сведения о тех представителях служилого сословия Московского государства, имена которых в числе первых хиринских помещиков упоминаются в документах Арзамасской приказной избы и Поместного приказа конца XVI – начала XVII в., опубликованных С. Б. Веселовским в составе «Арзамасских поместных актов».

Иногда лишь вскользь и совсем ненадолго судьбы этих служилых землевладельцев прикоснулись к ранней истории Хирина, не оставив этой деревне ни имени на века вперед, как Хирины, ни результатов хозяйственных преобразований, связанных с устройством вотчины, как, например, князь Иван Семенович Путятин.

Однако эти люди, среди которых были поистине выдающиеся деятели своего времени, оставили память о себе и след в русской истории. Посему потомки первых хиринских хлебопашцев, безусловно, не только имеют право, но и должны знать, на кого и ради чего их далекие пращуры трудились от зари до зари в поте лица своего, внося свою крестьянскую лепту в становление державной мощи и величия государства Российского.

В поисках Ивана Болобанова

«... ездил Томило Денисьев сын Хирин в Орземаской уезд в-Ыванова поместья Болобанова в Хирина, отделил жене Болобанова с сыном да з дочерью на прожиток ...»

Из цитаты понятно, что помещика Ивана Болобанова, о котором упоминается в этой «отдельной» записи, к январю 1583 года уже не было в живых.

Кроме того, в «Арзамасских поместных актах» есть сведения о том, что за ним же, помимо хиринского, числилось когда-то и другое поместье – «селище Болобаново», что «за Шетковским лесом на реке на Пьяне», которое, лишившись своего хозяина, к 1587 году превратилось в «Ивановскую пустошь Болобанова», где «пашня лежит перелогом», т.е. не обработана и заросла сорняком.

Поиски в источниках и литературе следов этого исторического лица привели нас под Калугу, в Боровский район – туда, где сейчас находится город районного подчинения Балабаново, происхождение названия которого местные краеведы связывают с разновидностью большого сокола, именуемого «балабан», подтверждая эту версию распространенностью «соколиных» названий в этих краях [54].

Возможно и так. Однако известно, что в XVII в. на этом месте была крошечная монастырская деревенька. Из дошедших до нас древних актов можно установить, что среди селений Заячкова Стана тогдашнего Малоярославецкого уезда на месте бывшей здесь когда-то деревни Ерохиной в 1584 году значилась по описаниям «пустошь Болобанова» – вотчина Пафнутьева Боровского монастыря. В позднейших писцовых материалах это место часто обозначалось двойным названием: «Ерохино, Болобоново тож».

По этим данным мы можем попытаться восстановить последовательность и логику событий: примерно в середине XVI века на месте нынешнего города Балабаново Калужской области была деревенька Ерохина, где, должно быть, получил землю в поместное владение некий Болобанов (Болобонов). Однако в начале 1580-х годов помещик «преставился от живота» (помер или погиб в сражении), крестьяне его разбежались, поместье запустело и к 1584 году, уже в статусе пустоши Болобановой, оказалось во владении Пафнутьева Боровского монастыря. Позднее, во времена Смуты, калужские земли, как известно, стали центром «воровского брожения», принесшего с собой еще большую разруху и разорение в эти места. Лишь во 2-й половине 1620-х

Герб
города Балабаново

Всадник московского войска, XVI век

годов здесь снова появились пахотные крестьяне, деревня стала возрождаться. А началом истории города Балабаново, широко отметившего в 2013 году свой 400-летний юбилей, считается первая дата упоминания пустоши, *«что была деревня Болобоново, а в ней пашины перелогом три чети»*, как то записано в Дозорной книге 1613 года по Боровскому уезду [55].

Действительно, бросается в глаза синхронность запустения арзамасских и малоярославецких обжитых земель (поместий), получивших, кроме того, почти в одно время одинаковое название. Это наблюдение заставило нас предположить, что связующим звеном между ними может быть судьба одного и того же исторического деятеля – служилого человека, помещика, землевладельца – свидетеля и участника далеких событий времен царствования Иоанна Грозного.

И есть вероятность, что этим человеком был некий Иван (Иванец) Болобанов сын Губастов, который упоминается в «Дворовой тетради» 1550-х годов в числе дворовых детей боярских, служивших по городу Боровску [56].

Дальнейшая его судьба совсем неизвестна.

Однако списки имен из «Дворовой тетради» – это, как признают исследователи, ближний круг царя Иоанна Васильевича – те, кому он сугубо доверял и на кого опирался при реформировании Российского государства в 1550–1580-е годы. Причем некоторые деятели из этого ближнего круга, действительно, были верстаны поместьями в Арзамасском уезде и оставили следы своей деятельности на Арзамасской земле, как, например, ранее уже упоминавшийся нами Василий Собакин.

Косвенным подтверждением выдвинутой гипотезы о боровском происхождении хириных Болобановых в арзамасских материалах может служить, на наш взгляд, и то обстоятельство, что помещик Иван Болобанов ни разу в «Арзамасских поместных актах» не упоминается с полным своим именем – возможно, как раз потому, что «Болобанов» – это отчество, ставшее фамилией для его потомков.

Впоследствии нетитулованный дворянский род Болобановых был внесен в V часть Дворянской родословной книги по Нижегородской губернии, а родоначальником их, согласно официальному родословию, считается Ульян Постников сын Болобанов, поверстанный новичным поместным окладом в 1628 году.

По документам же легко прослеживается, что хиринский землевладелец Иван Болобанов и условный родоначальник нижегородских дворян Болобановых – это соответственно дед и внук, а связующее звено между ними – Постник Иванов сын Болобанов, известный нам хиринский помещик, упоминаемый все в той же отдельной книге Томилы Хирина 1583 года.

***Григорий Васильевич Львов – бывший опричник
у руля российской дипломатии?***

*«Да ис того ж Иванова поместья Болобанова отделил
Григорию Васильеву сыну Львову в деревне Хирине ...»*

Кроме единичного упоминания этого имени в отказе 1583 года, других сведений о Григории Васильевиче Львове в «Арзамасских поместных актах» мы не найдем. Судя по всему, хиринское поместье в скором времени вышло из его владения, подтверждением чему может служить, в частности, тот факт, что записанный в 1583 году за ним крестьянин Якуня (Яков) Онтипин в 1586 году пашет землю уже на другого помещика – Петра Горчакова (о нем речь пойдет далее).

Ерошкин С. Н. Опричник, XVI век

В документе 1583 года вскользь упоминаются верховское и старое ростовское поместья Григория Львова, что прямо указывает на нахождение их в Ярославском (Верховского стана) и Ростовском уездах. Эта деталь позволяет безошибочно идентифицировать нашего хиринского помещика с малолетним Гришей (недорослем), одним из детей Василька (Василия) Микифорова (Никифорова) сына Львова из уже знакомой нам «Дворовой тетради», записанного среди

«литвы дворовой в Ростове» с пометкой *«65-го году»*, т. е. 1557-го [57]. По этим записям можно предположить, что юноша этот родился примерно в 1550–1555 годы.

В 1578/79 году тот же Григорий Львов уже как царский опричник приезжал из Александровской слободы для «обыска» в Аргуновскую волость по спорному делу местных крестьян с Троице-Сергиевым монастырем, и дело тогда было решено им в пользу крестьян [58]. Потом мы встречаем его в Хирине в 1583 году при наделении его поместьем, а дальше след теряется.

Но был в российской истории XVI-XVII вв. еще один исторический деятель точно с таким же именем. Речь идет о Григории Васильевиче Львове, который стал известен как служилый дьяк при первых Романовых. Согласно справке Веселовского, в 1626-1627 годы он был подьячим Посольского приказа, с 8 марта 1637 года по 30 августа 1643 года – дьяком Посольского приказа в Новгородской чети; в 1638 году упоминался как дьяк Печатного приказа. А 1 сентября 1643 года был пожалован в думные дьяки и оставлен управлять Посольским приказом, в каковой должности этот старожил российской приказной бюрократии и встретил свою кончину в декабре 1646-го – январе 1647 года [59].

Установлено, что в подьячие Посольского приказа Г. В. Львов был переведен в 1616 году из Казани [60]. Об этом сказывал и сам Григорий Васильевич, когда в 1637 году ходатайствовал о повышении ему оклада, говоря, что служит в Посольском приказе 22 года и за это время *«во все окрестные государства к великим государем писал их государские тайны и о всяких делех грамоты в лист мелким почерком»* [61].

Именно упоминание о службе Г. В. Львова в Казани (а Арзамасский уезд, как известно, в XVI-XVII вв. в военно-административном и финансовом отношении состоял в ведении Приказа Казанского дворца) заставляет предположить, казалось бы, невозможное: а вдруг недоросль Гриша Васильев сын Львов из дворовой литвы в Ростове (1550-е), он же будущий опричник царя Иоанна Грозного (1579) и хиринский помещик (1583), «отстав» за преклонным возрастом от военной службы, переквалифицировался в приказного служителя? Но ведь никаких других представителей служилого сословия с такими же именем, отчеством и фамилией ни в разрядных документах, ни в актах служилых землевладельцев за указанный период не встречается.

Так что, быть может, убежденный сединами глава Посольского приказа в 1643–1647 годах, стоявший несколько лет у руля всей российской дипломатии, писавший мелким почерком «к великим государем их государские тайны» – это составивший на приказной государственной службе Гриша Львов, проживший невероятно долгую (более 90 лет) и чрезвычайно богатую событиями жизнь, короткий период которой был как-то связан с его службой в Арзамасе и небольшим поместьем в деревне Хириной.

Одиссея Петра Ивановича Горчакова

*«... а на отделе были ... из Хирина князя Петров
крестьянин Горчекова Моксим Офонасьев ... »*

В истории Арзамаса и его уезда XVI–XVII вв., как и в нижегородском краеведении вообще, имя Петра Ивановича Горчакова практически неизвестно. Военная и административная служба его проходила большей частью вдали от этих мест. Однако упоминание его имени в числе первых хиринских помещиков должно вызывать у нас особый интерес к судьбе этой необычайно яркой, как оказалось, личности, оставившей более чем заметный след в российской истории.

Самые ранние сведения о нем, согласно официальному родословию князей Горчаковых, относятся к 1570 году, когда Петр Иванович впервые упомянут в разрядных записях в числе детей боярских [62]. А завершающим эпизодом его биографии до недавнего времени многие ошибочно считали легендарную оборону Смоленска 1609–1611 годов, после падения которого в июне 1611 года Горчаков, бывший вторым воеводой города после Михаила Борисовича Шеина, оказался в польском плену, где якобы вскоре и умер, как указывается в большинстве энциклопедий и справочников.

Действительно, военная служба его в государственном войске началась еще в опричные годы, когда полным ходом шла Ливонская война, так что к концу 1570-х годов за плечами у него был уже немалый опыт ратных походов. Об этом можно судить даже по тем «трофейным» вкладам, что сделаны князем в Серпуховский Высоцкий монастырь в 7085 (1577) году, куда он пожертвовал «коня серого с седлом с бархатным, и с уздой, и с войлоки, и с попоною черкасскою», да «кобылу ногайскую» (курсив наш. – Л. М.) и проч. [63].

Ревность о сем «Доме Пречистой Богородицы» проходит красной нитью сквозь всю биографию Петра Ивановича. Монастырь этот был основан еще преподобным Сергием Радонежским и удельным князем Серпуховским Владимиром Андреевичем Храбрым (1353–1410), героем Куликовского сражения (это его засадный полк решил исход битвы), прозванным Донским, как и его двоюродный брат великий князь Московский Дмитрий Иванович.

Горчаков, видно по всему, заезжал в тот монастырь на богомолье в перерывах между походами и службами, неоднократно привозя щедрые вклады за себя и за членов своей семьи – покойных родителей, убиенного сына Алферия (Елферия) и младенца Григория. Причем, судя по вкладной книге, он был едва ли не главным благодетелем этой древней обители как минимум вплоть до середины 1590-х годов.

Герб Горчаковых

В том же 1577 году, которым датировано первое пожертвование Горчакова, он упоминается в боярском списке в числе дворян, служащих «из выбора» [64], куда он, как выясняется из позднейших источников, был выведен из «понизовых городов» [65]. Так что возможно, вышеупомянутый вклад его в монастырь был положен еще и в знак благодарности Богу за повышение в разрядной иерархии.

Соответственно, к 1586 году, когда мы впервые встречаем имя Горчакова среди помещиков Арзамасского уезда, он как выборный дворянин несет службу уже на командных военно-административных должностях, будучи далеко не рядовым ратником государева войска. Так, в 1585/86 году он состоит в должности *головой* в Тетюшах [66] – крепости недалеко от Казани на правом берегу Волги, входившей в оборонительную сторожевую линию Московского государства против ногайских татар.

В 1588 году он несет службу на Чусовой – там, где пролегал главный путь в Сибирь, чуть ранее проложенный Ермаком. О чусовской службе Горчакова стало известно благодаря «сказке» сибирских инородцев, сообщивших в 1623 году, что на Чусовую они платили ему ясак еще при царе Федоре Иоанновиче [67]. Вероятно, к началу 1589 года его сменил на этой должности Федор Хлопов, упоминаемый в том же источнике, а сам Петр Иванович отправился к государеву двору за новым назначением.

Далее мы узнаем, что в мае 1589 года голова Горчаков послан из Шацка *«по черкасским вестям [...] на поля за черкасы в конной [рати]»* с тем, чтобы пресечь на южных окраинах Руси «воровство» донских казаков и черкас (запорожцев) атамана Б. Татаринова. Причем с этим военным предприятием связан любопытный эпизод. Отправленный вместе с Горчаковым казачий голова из Пронска Иван Губин посчитал себя оскорбленным тем, что общее руководство походом было отдано князю Горчакову, и решил с ним «посчитаться», затеяв так называемый местнический спор. Перед самым походом он пишет челобитную государю, в которой жалуется, *«что ему мениши князь Петра Горчакова быть невместно»*. Но мудрый государев указ предписал Губину, *«чтоб он на той службе был по росписи, а как полевая служба минетца, а будет ему до князь Петра дело, и государь царь и великий князь Федор Иванович всеа Руси велит ему со князем Петром счот дать»* [68]. Мол, если, Бог даст, живыми вернетесь – посчитаетесь.

А уже полгода спустя, в январе 1590 года, Горчаков в составе 35-тысячного

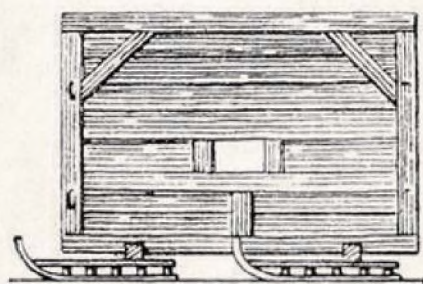
Васнецов А. М. Сибирь

русского войска во главе с самим государем Федором Иоанновичем принимает участие в походе на «свейского короля на Ягана», где Петр Иванович значится в середине списка одним из 15 *«голов у наряду»* [69], т.е. командует артиллерией и не в последних, заметим, чинах.

Активные военные действия на севере были прерваны русскими к

Гуляй-город: выдвижение обоза на позицию

Передвижные деревянные щиты гуляй-города

лету 1591 года, когда царю стало известно, что к Москве черной тучей стремительно приближается 150-тысячное войско крымского хана Казы Гирея, вступившего в союзнический сговор со шведским королем. Поэтому Федор Иоаннович на спасение Москвы срочно бросил значительные военные силы. В их числе должен был находиться и князь Горчаков, чей начальственный и боевой опыт был так необходим, чтобы устоять против как никогда могущественного и многочисленного крымско-ногайского войска.

Однако главная надежда православного воинства была, как всегда, на милосердие Божие и заступничество Пресвятой Богородицы. Поэтому в ожидании врага благочестивый царь Федор Иоаннович распорядился по всем церквям совершать молебны и обойти московские укрепления крестным ходом с иконой Донской Божией Матери – той самой, что, по преданию, была преподнесена донскими казаками великому князю Димитрию после исторического сражения на Куликовом поле, и той самой, которой 3 июля 1552 года горячо молился Иоанн Васильевич Грозный перед отправлением войска из села Коломенского на Казань.

А 4 июля 1591 года объединенная крымско-ногайская армия по Серпуховской дороге подошла к российской столице, и передовые татарские отряды обрушились на подвижные деревянные укрепления московской рати, так называемый гуляй-город. Русские ответили дружным артиллерийским огнем, при этом за спиной «нарядчиков» в походной церкви во имя преподобного Сергия Радонежского стояла Донская икона Божией Матери. До наступления сумерек на подступах к Москве продолжался ожесточенный бой, но оборонявшиеся русские полки устояли. Смирившись с первой неудачей, Казы Гирей отвел своих воинов и встал лагерем недалеко от села Коломенского, в Котлах.

*Донская икона Божией Матери.
Из собрания Государственной
Третьяковской галереи*

В ночь на 5 июля русские отряды, совершив дерзкую вылазку, атаковали ханский лагерь и нагнали на татар немало страха. А уже 6 июля Казы Гирей, поверив дезинформации русского пленника о подошедшем к Москве большом подкреплении из Новгорода, внезапно свернул свой стан и, бросив значительную часть обозов, спешно устремился прочь от Москвы. В очередной раз

столица Руси была спасена, а основные бои этой кампании происходили лишь с преследуемыми русской конницей в беспорядке отступавшими татарскими отрядами.

В память о чудесном избавлении Москвы Федор Иоаннович повелел на месте первого боя с крымчаками заложить монастырь, который с тех пор и поныне известен в России и за ее пределами как Донской – в честь одноименной иконы Божией Матери.

Когда же крымцы и ногаи были выдворены за пределы Руси, в Серпуховском Высоцком монастыре появилась еще одна запись о совершении вклада князем Петром Горчаковым – на этот раз по его сыну «убиенному Елферию» (Алферию), вероятно, павшему в боях со степняками [70].

Последовавшее в декабре 1592 года новое назначение – снова «за Камень», т.е. за Уральский хребет – в далекую Сибирь «для устройства тамошних дел» – стало еще одной знаменательной вехой в биографии Петра Ивановича. «Наказ» князю П. И. Горчакову, найденный в свое время Г. Ф. Миллером и опубликованный им в приложениях к его легендарной «Истории Сибири», подробно описывает тот поистине огромный объем работы, который предстояло в этом походе совершить Горчакову. В числе прочего ему было велено «взяв образы, и книги, и все церковное строение, и в Ростове диякона и подмога, ехати в Сибирь, в новой город в Тоборы, а попа взять, едуци, в Перми Углетцково. А приехав на Тоборы, как город обложат и почнут делать, и в ту пору велети князю Петру и церковь поставить всюю ратью, Рождество Христово, да в приделе Никола чудотворец, и церковное строение велети устроить, и церковь освящати велети». Кроме того, Горчаков и его люди везли «наряд» (артиллерию), десятки пудов «зелья» (пороху) и «свинца» (боеприпасов), да 200 прутков железа для военных нужд разных сибирских городов и многое другое.

Также одна из «памятей» предписывала Горчакову покончить все дела с союзником сибирского хана Кучума – пелымским князем Аблегиримом, который много вредил государевым людям в Сибири. Причем сделать это Горчакову нужно было весьма жестко: он должен был «приманить» Аблегирима и «известить», причем заочный смертный приговор в Москве был вынесен не только самому пелымскому князю, но и его старшему сыну, и племянникам, и внукам, да еще пяти-шести преданным ему людям, «которые самые пуице, от которых смута была». В живых должен был остаться лишь младший сын Аблегирима Таусей, которого после пленения следовало вместе с женой и с детьми отправить под конвоем в Тобольск.

Горчаков как дисциплинированный воин и послушный слуга государев исполнил все в точности: Аблегирим и его старший сын Тагай с семейством были «приманены» и казнены, старый пелымский город – аблегиримово логово – был уничтожен, а на его месте заложен острог и начато строительство нового, уже русского, города Пелыма, первым воеводой которого Горчаков и стал. С местными вогульскими племенами (манси) Петр Иванович тоже сумел договориться («черных ясаинных людей примолвил»), чтоб «они

Вогульский воин (манси) эпохи русской колонизации XVI–XVII веков. Рисунок М. Лобырева

*Русские конные воины XV века.
Из альбома А. В. Висковатого*

были в государеве жалованье, и ясак сполна платили, и к городу приходили, и ни о чем не опасались, а государева милость к ним будет» [71]. Так был сделан еще один важный шаг, приблизивший вхождение необъятной Сибири в состав Московского государства, а Горчаков через год сдал пелымское воеводство и отправился с докладом государю. По возвращении князь в очередной раз посетил милый его сердцу Серпуховский Высоцкий монастырь, куда сделал новый вклад – кобылицу ногайскую с двумя жеребятми, да кобылицу сибирскую – память о его пелымской службе.

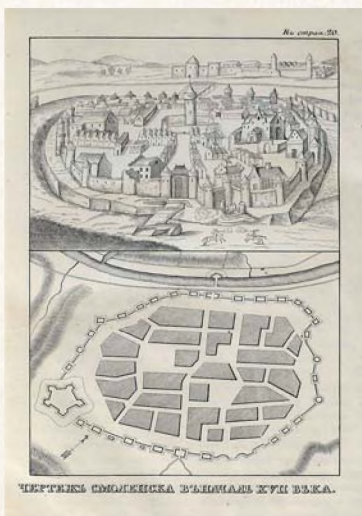
1595 годом датируется разрядная запись о том, что князь Горчаков снова послан в Сибирь – на этот раз с донскими казаками к Березову, откуда пришли вести о «воровстве» остяков, отказавшихся платить ясак московскому государю [72]. Мятеж был подавлен, зачинщики казнены, а некоторых с повинной головой и с «ясачной казной» прислали к

Москве. К событиям того же березовского похода, по мнению некоторых историков, относится основание Горчаковым в низовьях Оби Обдорского острога [73].

В 1598 году П. И. Горчаков, записанный в первом боярском списке времени правления Годунова выборным дворянином по Алексину, снова значится в Сибири, но с каким наказом и по каким делам, источники умалчивают. Затем мы узнаем, что Горчаков был составителем боярского списка 1602-1603 годов, где указан его поместный оклад в 500 четвертей – весьма значительный по тем временам [74]. Но хиринское поместье в этот оклад уже не входило: годом ранее Горчаков передал его другому владельцу.

Наконец, в первые годы Смуты он воюет против отрядов Болотникова. В 1607 году, будучи уже дворянином московским, он находится в большом войске под личным командованием царя Василия Шуйского при осаде Тулы, где в последний раз укрылся Болотников и его повстанцы. А после взятия города Горчаков получает, пожалуй, главное в своей жизни назначение – вторым воеводой в Смоленск, в помощники жесткому и харизматичному Михаилу Борисовичу Шеину (†1634). Вокруг Смоленска было тогда беспокойно: малые города один за другим переходили на сторону второго самозванца, по всей западной Руси бродили воровские шайки казаков и гулящих людей. И для того чтобы удержать Смоленск от разброда и шатанья, Шуйский назначил туда именно этих двух воевод – Шеина и Горчакова. Как показала история, этот выбор впоследствии сыграл огромную роль в преодолении русскими людьми тяжелейшего духовного и политического кризиса начала XVII века.

Вторгшаяся на Русь летом 1609 года 12-тысячная армия польского короля Сигизмунда III в сентябре того же года приступила к Смоленску, взяв город в плотное осадное кольцо. Вскоре к полякам присоединилось еще около 10 тысяч запорожских казаков. За годы осады смоляне выдержали несколько мощных штурмов и долгую, невиданную по тяжести подкопную войну. Люди мужественно терпели голод, болезни (прежде всего, цингу из-за недостатка соли) и лишения, но

Осада Смоленска 1609–1611 годов. Гравюра начала XVII века

не сдавались. Ни отрешение Шуйского от престола, ни признание в Москве царем королевича Владислава не заставили их изменить присяге. Напротив, крепость духа осажденных была столь велика, что они, собравшись на молитву в храме Успения Божией Матери на Соборной горе, дали обет *«за ваши жены и дети и за все православное христианство в дому у Пречистой Богородицы помереть и города не сдать и литовскому королю не поклониться»* [75]. И смоляне не нарушили своей клятвы.

20 месяцев продолжалась героическая оборона Смоленска под руководством Шеина и Горчакова. Когда 3 июня 1611 года поляки пошли на решающий штурм, на крепостных стенах было уже менее двухсот его защитников из пяти с половиной тысяч, бывших налицо в сентябре 1609 года. И когда стало ясно, что город пал, смоляне заперлись в Успенском соборе и на глазах у изумленных врагов взорвали его вместе с собой.

Во время того последнего боя Горчаков находился вместе с Шеиным, его семьей и несколькими ратниками в одной из крепостных башен, где они с оружием в руках, отбиваясь от наседавших врагов, готовились принять смерть. Но Бог судил иначе. Все вместе они попали в плен...

Гетман Станислав Жолкевский, главнокомандующий польской армией, руководивший осадой Смоленска на ее начальном этапе и наверняка неплохо осведомленный, кто противостоял ему по ту сторону крепостной стены, мельком упомянул в своих «Записках», что смоленский воевода Горчаков в свое время пленил царевича Ураз-Мухаммеда [76].

Событие, о котором идет речь, имело место в 1587-1588 году и, согласно сибирским летописям, связано с именем основателя и первого воеводы города Тобольска Данилы Чулкова. Однако к Жолкевскому стоит прислушаться, поскольку гетман должен был лично знать Ураз-Мухаммеда, который после пленения перешел на русскую службу, при Годунове за выдающиеся военные заслуги получил в удел Касимовское ханство (с 1600 года) и титул «царя Касимовского». В 1608 году он изменил Шуйскому и со всей своей армией примкнул к тушинскому вору. В 1610 году Ураз-Мухаммед, недовольный Лжедмитрием II, пожелал перейти на службу к Сигизмунду III, поэтому явился в королевский лагерь под осажденный Смоленск и был принят там Сигизмундом с большой любезностью. Однако вынужденный затем вернуться к тушинцам, где осталась его семья, «царь Касимовский», заподозренный

в заговоре, был подло убит Лжедмитрием во время охоты, а его мертвое тело сброшено в Оку. Впрочем, этим поступком Лжедмитрий подписал и себе смертный приговор: вскоре ногайский мурза князь Петр Урусов отомстил самозванцу за своего убитого друга, разрубив тушинского «царька» саблех во время конной прогулки (по другой версии – отрубив ему голову) [77].

Что же касается заслуги Горчакова в пленении Ураз-Мухаммеда, то начнем с того, что нет ни одного факта, могущего опровергнуть слова Жолкевского. Действительно, за 1587 год в биографии Горчакова, реконструируемой по источникам, никаких сведений о его службе нет, однако точно установлены его «головство» в Тетюшах в 1586 году и служба на Чусовой в 1588 году.

Между тем достоверно известно, что в период между этими датами, а именно летом 1587 года, явились в Тюмень 500 новых служилых людей, которые *«привезли царский указ о том, чтобы письменный голова Данила Чулков отправился с этими людьми на Иртыш и заложил бы вблизи татарского города Сибири другой город, из которого было бы удобнее принимать соответствующие меры против татар. Так было положено начало главному городу Сибири – Тобольску, который первоначально состоял из небольшого деревянного укрепления и нескольких построек для служилых людей. Вскоре после своего основания Тобольск стал местом пребывания главных воевод и позже губернаторов всей Сибири ...»* [78]. В те времена, о которых идет речь, главными поставщиками людей для сибирских походов были именно казанские города – Тетюши среди них, а путь в Сибирь и обратно лежал как раз через Чусовую. Так что в числе тех пятиста, вероятно, был и князь Горчаков, оказавшийся в 1587 году в дружине Чулкова при основании Тобольска и ставший участником последующих событий, в результате которых сразу трое вождей сибиряков стали пленниками московского государя.

А дело было так. Вскоре после строительства Тобольска у стен города появилась татарская конница сибирского хана Сейдяка (Сеид-Ахмада), считавшего именно себя, а не изгнанного им Кучума законным властителем сибирских земель.

В свите Сейдяка находился и 16-летний Ураз-Мухаммед – потомок ханов Синей (киргиз-кайсацкой) Орды, происходивший из рода Чингизидов. Его Сейдяк сумел привлечь на свою сторону в борьбе, с одной стороны, против «узурпатора» Кучума,

а с другой – против русских, все более ощущавших себя хозяевами сибирских земель.

И вот неподалеку от Тобольска, на Князьем лугу, сейдяковы татары остановились и начали «тешиться» ястребиной охотой. Подозревая, что *«умысел другой тут был»* и что *«пятьсот татар взяты Сейдяком на охоту не на одних птиц»*, встревоженный Чулков, посоветовавшись с другими военачальниками, решил

Сибирский город XVII века

*Князь Сейдяк, царевич Салтан
и думный Карача охотятся на птиц
с ястребами под Тобольском*

*Сейдяк, Салтан
и Карача в гостях
у Данилы Чулкова*

*Побиеие и
поймка казаками
лживых гостей*

пригласить непрошенных гостей в острог для переговоров. На предложение тобольского воеводы Сейдяк, поразмыслив и, видимо, зная о немногочисленности русского гарнизона крепости, ответил согласием. В назначенное время сибирский хан прибыл к воеводской трапезе, взяв с собой Ураз-Мухаммеда («Сибирская летопись» называет его «салтаном Казачьей орды» или просто «Салтаном») и некоего Карачу (бывшего кучумова советника). Внутри города их сопровождал вооруженный отряд из 100 человек татар, тогда как прочие были оставлены за стенами острога.

Во время трапезы Чулков, видя, что Сейдяк не вкушает и сидит в задумчивости, спрашивает его: «Князь же Сейдяк, что еси зло мыслиши, ни брашина вкушая?» Сейдяк отвечает ему: «Аз не мыслю на вас никакого зла». Тогда воевода берет чашу и, «налив пития», предлагает Сейдяку испить эту заздравную чашу в подтверждение своих слов, что он «не мыслит зла» на христиан, на государевых людей. Сейдяк, пригубив, сразу поперхнулся и передал чашу Ураз-Мухаммеду (Салтану), который глотнул и тоже поперхнулся. Затем и с Карачею все повторилось. Так, по выражению Саввы Есипова, «Бог обличил их зломыслие», а П. Небольсин подытожил: «чарка вина сгубила Сибирь» [79].

Распознав по этому признаку их лукавство, Чулков тут же дал своим людям условный знак («помахав из руки своей платом»), и казаки стремглав бросились на татар, сопровождавших Сейдяка, «начаша поганых сетчи и бити. Князь же Сейдяк, увидя сечу, кинувся в окно, за ним же кинулся царевич Салтан и думной их Карача, и в тот час воинские люди их нечестивых и безбожных врагов схваташа и вязаша» [80].

Здесь мы и находим место для предполагаемого подвига Горчакова, который, вероятно, и «повязал» метнувшегося в окно и пытавшегося сбежать Ураз-Мухаммеда. Оставшиеся за городом татары, в раз лишившись своих вожаков, были затем частично перебиты, иные же разбежались. А все трое высокопоставленных пленников вскоре отправлены были Чулковым «к великому государю в стольный град Москву с выборными воинскими людьми [...], где они по их природе честно были приняты и пожалованы вотчинами». В числе сопровождавших (например, до Чусовой) вполне мог оказаться и князь Горчаков, если находился тогда в Тобольске, как следует из свидетельства Жолкевского.

*Посольство
с пленными Сейдяком,
Салтаном и Карачею
в Москве у государя*

... Сам же Петр Иванович, оказавшись в польском плену в 1611 году, явно не испытал на себе того любезного и почтительного отношения, которое русские некогда проявили к высокородным сибирским пленникам, взятым в Тобольске. Разъяренный Сигизмунд III, король Речи Посполитой, которому непокорный Смоленск почти два года стоял, как кость в горле, велел допрашивать Шеина под жестокими пытками, но тот, однако, мужественно держался, не скомпрометировав никого из своих соратников. Когда же мучители лукаво спрашивали его, почему он не слушал Горчакова, который советовал ему сдать город, Шеин отвечал: *«От Горчакова ничего не слыхал»* [81]. Но если поляки, в нарушение всех кодексов воинской чести, пытали и всячески унижали самого главнокомандующего Шеина, то церемониться с Горчаковым у них и вовсе не было причин, и он, без сомнения, хлебнул лиха в польском плену.

Всех знатных русских пленников распределили между собой польские военачальники. Измученный Шеин с сыном был увезен в кандалах ко двору Сигизмунда III, который пользовался любым случаем, чтобы отомстить ему за «смоленское упорство», в том числе позором, заставив, например, присутствовать на королевском приеме, где низложенного и доставленного в Варшаву царя Василия Шуйского в знак полной покорности заставляли припадать к стопам польского монарха [82]. Жена и дочь Шеина достались Яну Петру Сапеге. Горчаков же попал в руки пана Александра Руцкого, командовавшего тогда польским гарнизоном в Вязьме. Но здесь Горчакову судьба снова улыбнулась: очень скоро он сумел как-то договориться, чтобы тот его отпустил.

А в 1613 году пан Руцкой жаловался московскому посланнику Денису Оладыну: *«Отпустил я князя Петра Горчакова за присягою, что было ему выслать за себя на обмен тех людей, которых он изъязался выслать. И князь Петр присяги своей забыл, за себя тое обмену и по се места не выслал»*. Видимо, была между ними договоренность, что в обмен на свою свободу Горчаков, вернувшись в Москву, вызовет и отправит на родину кого-то из польских военнопленных, в которых был заинтересован Руцкой. Но и позже дело не сдвинулось, поскольку тот продолжал сетовать: *«Воеводу смоленского Горчакова выпустил я на его крестное целование, а бил ему челом, чтобы он против того кого-нибудь выпустил. Не мочно ему кого-нибудь доброго человека выпустить, и он бы хоть мужика выпустил, сотника запорожского Кирилла, которого поймали под Боровском с грамотами от гетмана к Заруцкому! А он Богу да мне солгал, никого по сю пору не выпускавал...»* [83].

Действительно, свое обещание Горчаков почему-то не выполнил – не смог. Вопрос об обмене пленниками был тогда одним из ключевых в отношениях с Речью Посполитой, поскольку кроме Шеина там находились и другие великородные особы, в том числе митрополит Филарет (Романов), будущий патриарх Московский и всея Руси, отец избранного на царство Михаила Федоровича. В связи с этим на Земском соборе многие настаивали на обмене пленниками по принципу «всех на всех», и потому все частные обмены шли вразрез с государственными интересами Москвы. Вот и оказался Горчаков заложником своего слова, пока, наконец, в 1619 году по условиям Деулинского перемирия Россия и Польша не обменялись пленными. Еще и Смоленск остался за поляками, поэтому даже пану Руцкому грех было обижаться.

В августе 1615 года по челобитью Петра Горчакова из Печатного приказа была выдана грамота о «сдаче» им внуку своей вотчины на 609 четвертей в Волоцком стане Вяземского уезда, а полагавшейся пошлыны в размере 7 рублей 20 алтын пол-2 деньги по государеву указу не взято *«для его бедности»* [84]. Земли и хозяйство,

очевидно, были настолько разорены войной, что Горчакова, передавшего вотчину внуку, освободили даже от уплаты пошлинного сбора.

Однако, помня особенное усердие князя к делам духовным, можно предположить, что, отстраняясь от имущественных забот, Петр Иванович уже готовился к своему «уходу». Казалось бы, он сделал все, что мог и должен был сделать в своей жизни, и даже чуть больше. Где бы Горчаков ни оказывался, не щадя живота своего он верой и правдой служил своему государю, а смерть старательно обходила его стороной. Несколько раз верхом на коне (судя по вкладам в Высоцкий монастырь, лошади были его страстью) он пересек всю тогдашнюю Русь с запада на восток и с севера на юг (представить только – это десятки тысяч верст!), и, думается, не было такой «горячей точки» вдоль ее границ, где бы не побывал Петр Иванович за время своей более чем 40-летней службы.

Трудно переоценить и его вклад в присоединение Сибири к землям Московского государства. Что же касается обороны Смоленска, то, как знать, не окажись по Промыслу Божию рядом с Шеиным такого грамотного, опытного и надежного помощника, как Горчаков, так ли сложилась бы судьба этого города-героя, на долгие 20 месяцев отвлекавшего на себя от Москвы и других городов огромные силы польско-литовских завоевателей. Во многом именно смоляне во главе с Шеиным и Горчаковым своим бессмертным подвигом дали возможность православным русским людям очнуться, опомниться и, призвав на помощь Бога и Его Пречистую Матерь, объединить свои силы для отпора многочисленным врагам, внутренним и внешним.

Последнее по времени свидетельство о князе Горчакове, известное нам из источников, запечатлело его в самом сердце России – в Москве, в приказе Казанского дворца, где он, рассказывая на расспросе о своей березовской службе четвертьвековой давности [85].

Где, когда и при каких обстоятельствах окончил он свои дни, историкам пока неизвестно. Но в подробном боярском списке 1626 года его имя уже отсутствует. Не исключено, что где-то в архивных «древлехранилищах» или музейных запасниках, в монастырских синодиках или вкладных книгах, найдется рано или поздно неприметная запись о церковном поименовании раба Божьего Петра или, быть может, некоего безвестного инок, который после бурной жизни, перенасыщенной яркими событиями и ратными подвигами, нашел упокоение под сенью тихих монастырских стен...

И делается как-то очень светло на душе оттого, что к этой удивительной судьбе оказались так или иначе причастны первые хиринские крестьяне, исправно пахавшие эту добрую землю и собиравшие хлеб для своего вечно где-то пропадавшего помещика и верного государева слуги Петра Ивановича Горчакова, о жизни которого они, почти наверняка, ничего не знали. Однако именно так и творится великая история, когда каждый на своем месте исправно делает свое малое или большое дело, а остальное, слагая человеческие усилия, премудро довершает Господь...

Хочется выразить особую благодарность д.и.н. профессору Я. Г. Солодкину, заведующему кафедрой истории России Нижневартковского государственного педагогического университета, и петербургскому исследователю А. М. Молочникову, аспиранту Института истории РАН, исследования и публикации которых [86], любезно предоставленные авторами, были использованы при подготовке данного материала.

**«Жильда на правду»:
история хиринского поместья Ададурих**

После Петра Горчакова его арзамасское поместье было отказано Сергею Ададуриху [87]. Случилось это не позднее апреля 1601 года, что следует из записи о присутствии его крестьян на отделе: «... да деревни Своробоярского Сергеевы крестьяня Ододурих Олексей Федоров, Миня Григорьев ...» [88], тогда как 1 января того же 1601 года, согласно аналогичной записи, поместьем владел еще Горчаков.

Как выясняется из позднейших документов, помимо своробоярского поместья значился за Ададурихом и жребий в деревне Хириной – их он, по всей вероятности, получил одним разом в счет своего поместного оклада. Следовательно, и Петру Горчакову ранее принадлежали поместные земли в обеих названных деревнях, которые в начале 1601 года выбыли из его владения и были отказаны Сергею Ададуриху.

Так вот, с правами на это арзамасское поместье Ададуриха, бывшее Горчакова, приключился в годы Смуты любопытный эпизод.

Как мы помним, хиринский помещик Сергей Григорьевич Ададурих, воевода царя Василия Шуйского, был убит воровскими людьми в сражении под Декиловым «на побеге». Его поместье, оставшееся без хозяина, по закону подлежало возвращению в казну, пока ему в скором времени не найдется новый владелец.

Отказывались ли хиринские и своробоярские земли кому-либо в 1607–1610 годах, мы точно не знаем, однако в 1610/11 году по челобитью некоего Григория Константиновича Доможирова в придачу к его старому нижегородскому поместью «дано новое поместье в Арзамаском уезде селцо Паново, Осаново тож, а в том селце жеребей Воина Рачевского, да Сергеевское поместье Дудорова, жеребьи в деревнях Своробоярской да в Кожине да в Хирине, да на Алаторе селцо Скрыпино с починком, в его оклад, до ласки короля его милости» [89].

Отказной лист Доможирову выдал не кто иной, как «Жигимонт третий, Божюю милостию король Польский и великий князь Литовский и пр<очая>», войска которого во главе с гетманом Станиславом Жолкевским осенью 1610 года заняли Москву и вскоре уже принимали в Кремле присягу столичных бояр на верность польскому королевичу Владиславу – сыну Сигизмунда III.

Сохранилось и свидетельство самого Доможирова, из которого становится понятно, за какие-такие заслуги, вернее сказать – «подвиги», он получил столь щедрую прибавку к его прежнему поместному окладу: «Наяснейшему и великому государю Жигимонту, королю Полскому и Литовскому, и великому государю нашему Владиславу королевичу Жигимонтовичю, бьет челом верный подданный вашии милости государские, Григорей Костентинов сын Доможиров. Мучил я живот свой от Шуйского, в турме сидел и разорен, государи, со всем животом за вас, великих государей; а за то, государь, я мучил живот свой за ваше государево величество, и сказывал на Москве дворянам и детям боярским и торговым людем, чтобы нам на Московском государстве видети государем сына твоего государя Владислава Жигимонтовича; и про то, государь, у меня сведили князя Василья Шуйского ушники Иванис Ададурих да Мисюр Соловцов, да Соловой Протасьев, и сказали, государи, на меня Шуйскому, и меня подданного вашии милости разорил совсем; и как я выкинут из тюрьмы после Шуйского, и я вам государем служил: к патриарху и к бояром приходил с дворяны, чтоб нам крест целовати тебе государю и сыну твоему государю нашему; и как, государи, приговорили крест целовати бояря и вся земля, и я с тою вестью выехал

*Сигизмунд III Ваза, король
Польский и Великий князь
Литовский*

из Москвы к твоему государеву гетману к Станиславу к Станиславовичу Желтовскому (имеется в виду гетман Станислав Жолкевский. – Л. М.) да к боярину к Ивану Михайловичу Салтыкову, и о той моей работе писал гетман к тебе государю. Пожалуйте меня подданного своего за ту работу поместною придачей и денежным жалованием, как вам великим государем Бог известит, и велите, государи, меня написать по московскому списку. Государи смилуйтесь, пожалуйста» [90]. «Жигимонт, король Польский», как видно, внял молитве своего угодника и смиловался, и обласкал, и пожаловал...

Добавим к этому, что разоблачителем подрывной агитации Доможирова в Москве и виновником его заточения в тюрьму в 1607 году оказался, как видно из текста челобитной, родной брат погибшего воеводы Сергея Ададунова Иван (Иванис) Григорьевич Ададунов, написанный в боярском списке 115 (1607) года «стряпчим с ключом» [91], то есть, действительно, входивший в самый ближний круг царя Василия, а впоследствии, уже при Михаиле Феодоровиче Романове, служивший воеводой в Переславле-Рязанском [Рязани] (1614) и Дорогобуже (1617) [92].

Не исключено, что Г. К. Доможиров выпросил себе именно бывшее арзамасское поместье Сергея Ададунова с жребиями в деревнях Своробоярской и Хирине, желая тем самым заодно насолить своему обидчику через родных его племянниц, которые должны были претендовать на право кормиться с отцова поместья после его гибели. Хотя возможно, в этом деле «злокозненно порадел» кто-то из числа московских бояр, обласканных поляками, – тот, кто с прежних времен имел зуб на Ададуновых, верой и правдой служивших царю Василию Шуйскому, имевшему немало врагов и завистников в боярской среде.

Впрочем, мы не знаем, смог ли, успел ли Доможиров воспользоваться своим правом на арзамасские поместные земли. По писцовым и переписным книгам 1621–1623 годов в числе помещиков Арзамасского уезда он, действительно, упоминается, но не в Хирине и Своробоярском, а в деревне Гагино, а также в Нижегородском уезде, где ему в придачу к старому поместью даже была пожалована вотчина. Видимо, в дальнейшем он сумел как-то реабилитироваться в глазах новой власти, возможно, как предположил Любомиров, своим последующим активным участием в борьбе против польско-литовских оккупантов [93].

Во всяком случае, бывшим поместьем Ададунова в 1610-е годы владел не «польский агент» Г. К. Доможиров, а московский дворянин Иван Иванович Воейков, упоминаемый в разрядных записях тех лет как «стряпчий с платьем» [94], т.е. ведающий царскими одеждами и прочей «стряпней» (креслами, подушками, полотенцами и т.п.).

Наконец, уже во 2-й половине 1620-х поместье Воейкова (прежде бывшее за Ададуновым, а еще ранее – за Горчаковым) было отказано «за девками за Федосею да за Овдотею за Сергеевыми дочерми Ододорова», за которыми до этого, судя по писцовым и переписным книгам 1621–1623 годов, значился в Хирине и Своробоярском

лишь небольшой «прожиточный жеребей» размером «45 четвертей в поле, а в дву потому ж» [95].

Так что справедливость в этом случае, похоже, восторжествовала: хиринские и своробоярские земли с крестьянами, кормившие достойнейших русских военачальников, верой и правдой служивших России в переломный момент ее истории, – вернулись в итоге к тем девицам-сиротам, которые по праву были их наследницами и в скором времени заслуженно составили брачные партии представителям двух именитых родов – князей Долгоруковых и Волынских.

Несостоявшийся покоритель Сибири стрелецкий голова Воин Аничков

Известен также еще один документ, имеющий прямое отношение к истории Хирина, – это грамота к воеводе Нечаю Федоровичу Благово об отказе поместья Павлу Аничкову с бабкой и матерью, датированная 11 января 1595 года (см. Арзамасские поместные акты, № 435). Вот ее текст:

«От царя и великого князя Федора Ивановича всеа Руси в Орземас Нечаю Федоровичу Благово.

Бил нам челом Павлик Воинов сын Оничков: в нынешнем де 103-м году отца его Воина на нашей службе на Терке не стало, а после его осталось отцу его мать, вдова Василиса, а ему Павлику бабка, да его Павликова мать, вдова Олена, да он, Павлик, ныне девяти лет. А государева де жалованья помес[т]ья за отцом его было в Орземасе в деревне в Хирина 32 чети с полосминою да в Нижнем Новгороде 307 чети, а оклад де отца его был 500 чети. И нам бы его, Павлика з бабкою да с матерью тем отца его помес[т]ьем пожаловать, а он, Павлик, как к нашей службе поспеет и будет в 15 лет, и он с того отца своего помес[т]ья учнет нашу службу служить, а сверх службы бабку и мать свою кормить.

И ож будет так, как нам Павлик Оничков был челом, и мы к тебе тому Воинову помес[т]ью Оничкова послали с орземаских книг письма и меры Игнатъя Зубова с товарищи лета 7093-го выпись слово в слово, за дьячьєю приписью, и как к тебе ся наша грамота и выпись с книг придет, и ты-бы в Орземаской уезд в Воиново

Максимов А. Ф. На службу государю

помес[т]ье Оничкова, в деревню Хирина, послал кого пригоже, а велел ему, взяв с собою тутошних и сторонних попов, и дьяконов, и старост, и целовальников, сколько человек пригоже, в Воиново помес[т]ье Оничкова ехать, да в том помес[т]ье, в Воинове жеребью Оничкова, чем Воин владел, oprичьиных жеребьев, по выписи паини 32 чети с полосминою велел отказати Павлику Воинову сыну Оничкову з бабкою да с матерью к нижегородскому

Васнецов А. М. Тайга на Урале

отделять, прислал к нам к Москве и велел отдати в Помес[т]ном приказе дьяку нашему Елизарью Вылузгину.

помес[т]ью, к 300 к 7 четям; а как Павлик будет в 15 лет, и ему с того помес[т]ья наша служба служить, а сверх службы бабка и мать своя кормить. А что Павлику Оничкову в том отца его помес[т]ье откажет дворов и дворех людей по имяном, пашни, и сена, и лесу, и всяких угодей, и ему то все велети написать в книги подлинно порознь земскому или церковному дьячку, да те книги, за поповыми и за дьяконовыми руками и за того рукою, кого пошлешь

Писан на Москве лета 7103-го генваря в 11 день.

Диак Елизарей Вылузгин.

Правил Микифорко Сверчков.

В Орземас Нечаю Федоровичу Благово 103-го мая в 7 день привез Павлов человек Ларька».

Отец сего просителя, Воин Владимиров сын Аничков (Оничков), прежний владелец скромного хиринского поместья в 32 четверти с полуосминою, вероятно, выменял его незадолго до своей гибели (†1595), поскольку те же самые «32 чети с полуосминою» были отказаны ему еще в 1592 году, но в деревне Старое Сысерево [96].

Впрочем, основные его владения находились все-таки в Нижегородском уезде, в частности, в деревне Жестелеве и в селе Подвязье Березопольского стана, где в 1588 году «казанские жильцы» стрелецкий голова Воин и его брат Владимир, Владимировы дети, Аничковы (Оничковы) получили поместные земли по 49 чети в поле, а в дву потому ж [97]. В дальнейшем поместные оклады братьев Аничковых, много преуспевших на государственной службе, выросли и были подкреплены соответствующим земельными «дачами».

Воин Аничков стал известен в российской истории тем, что в ноябре 1582 года, будучи послан из Москвы в Пермь, по наказу царя Иоанна Грозного, должен был задержать сибирский поход Ермака Тимофеевича, организованный Строгановыми. В частности, Аничкову государем было дано предписание: «тех казаков, Ермака с товарищи, взяв отвести в Пермь и в Усолье в Камское, и туто им стоять велели, разделяся, и из тех мест на Пелынского князя зимою на нартах ходить воевать велели есмя тем всем казаком и пермичем и вятчином, с своими посланники с Воином с Оничковым и с Иваном с Глуховым, чтоб вперед воинские люди, пелынцы и отяки и вогуличи, с сибирскими людьми на наши земли войною не пришли и наши земли не извоевали. А велели есмя тем казаком быти в Перми до весны и на отяки и на вогуличи ходить с Воином воевать и их в нашу волю приводить по нашему указу». [98]. В той же грамоте самодержец российский изливает свой государев гнев на Строгановых

Ермак

за то, что они «тем задором с сибирским салтаном ссорили нас». Миссия, порученная Воину Аничкову с Иваном Глуховым, по замыслу государя, заключалась в том, чтобы эти государевы люди, возглавив зимний поход на Пелымского князя и союзные с ним сибирские народы, тем самым перехватили бы инициативу у строгановских наемников Ермака и его казаков, и контроль Москвы над сибирским делом, ранее порученным Строгановым, был бы таким образом восстановлен.

Но Аничков остановить и повернуть Ермака в Пермь и Усолье Камское не успел – те ко времени его прибытия уже ушли, и случилось то, что случилось. Последующий успех сибирского похода Ермака переменял государев гнев на милость, а войну с враждебным Пелымским княжеством, как мы уже писали, полностью завершил П. И. Горчаков в 1592/93 году, но было это уже при преемнике Грозного – его сыне «святоцаре» Федоре Иоанновиче.

Ихотя история, как принято считать, не терпит сослагательного наклонения, но кто знает, если бы Ермак Тимофеевич малость помедлил и Аничков успел доставить государев наказ вовремя, возможно, звание покорителя Сибири досталось бы не волжскому казачьему атаману Ермаку, а именно «казанскому жильцу» стрелецкому голове Воину Аничкову, нижегородскому и арзамасскому помещику, за которым в 1590-е годы числилось небольшое поместье в деревне Хириной.

С 1589 года Воин Аничков упоминался на астраханской (терской) службе на южных окраинах Руси [99], где он оберегал земли Московского государства от набегов крымских и ногайских татар, от разбоев горных черкес и вольных казаков, временами промышлявших грабежом купеческих торговых караванов, шедших с товарами по Волге от Астрахани через Самару и далее к Москве. Где-то там, «на Терке», в 1595 году его и застигла смерть, о которой поведал его сын в своей челобитной.

Павлик же, ставший хиринским помещиком вместо своего отца, вырос и, как обещал, стал служить государеву службу с отцова поместья. Так, в нижегородской десятне 115 (1607/1608) года записано о нем: «Павлик Воинов сын Оничков – прежней ему поместной оклад 350 чет, да по государеве грамоте за приписью диака Истомы Карташова придано ему за службу 50 чет, и учинен ему помес[т]ной оклад 400 чет» [100]. Впрочем, имя Павла Аничкова в связи с хиринской историей нам более не встречалось, поэтому дальнейшая его судьба осталась за рамками нашего исследования.

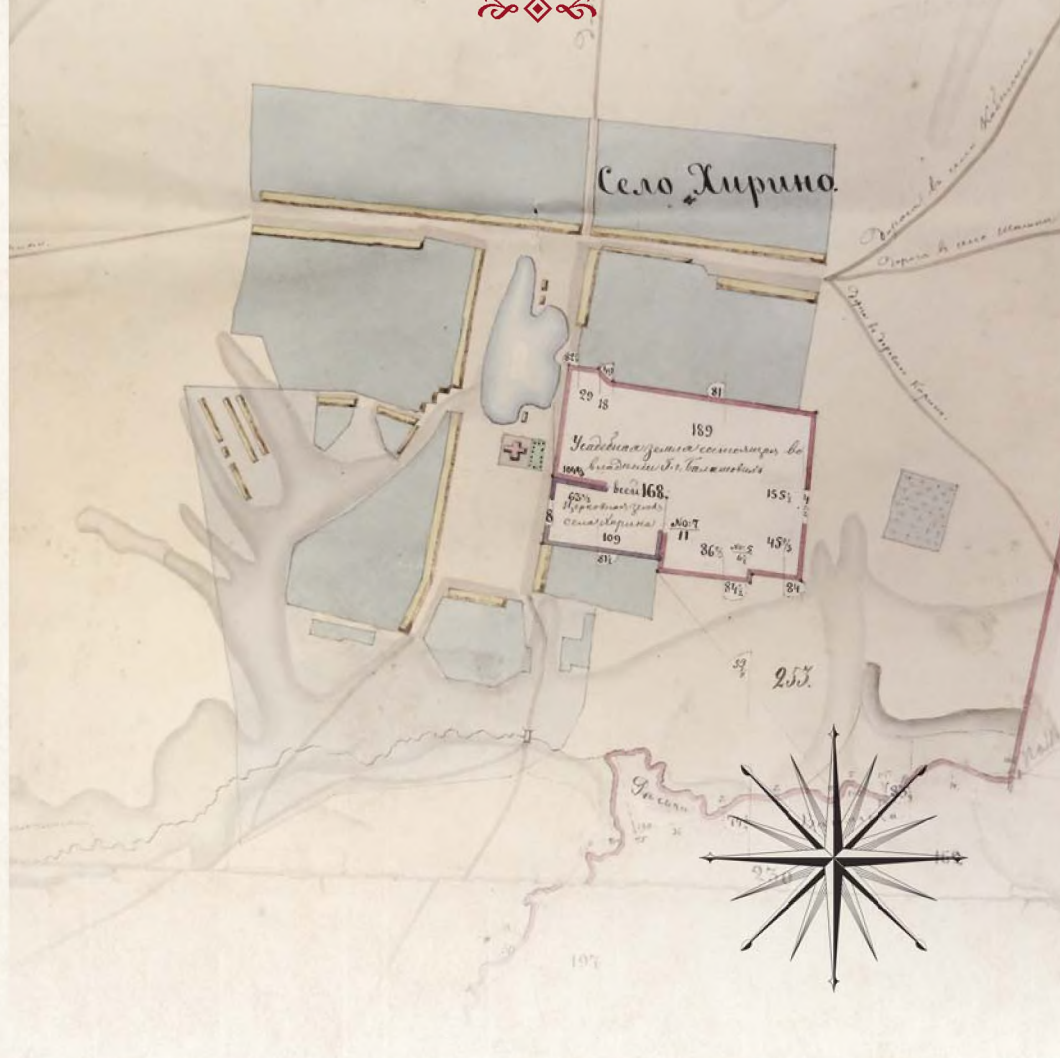
Вот такими увидели мы судьбы первых хиринских помещиков по дошедшим до нас письменным источникам.

Покорение Сибири Ермаком

Глава III

Барская воля. Очерки владельческой истории села Хирина XVII–XVIII веков

1. Поместья и вотчины

Ключевский определял поместье как *«участок казенной или церковной земли, данный государем или церковным учреждением в личное владение служилому человеку под условием службы, то есть как вознаграждение за службу и вместе как средство для службы. Подобно самой службе, это владение было временным, обыкновенно пожизненным. Условным, личным и временным характером своим поместное владение отличалось от вотчины, составлявшей полную наследственную земельную собственность своего владельца»* [101].

Владелец вотчины, соответственно, имел право распоряжаться ей по своему усмотрению: продать, заложить, подарить, разделить ее, дать в приданое, завещать наследникам или отказать в монастырь на помин души.

Поместье же, как сказано выше, было условным владением дворянина, состоявшего на государственной или церковной (патриаршей) службе. Распорядиться помещьем, т.е. чужой собственностью, служилый землевладелец не мог, однако по закону имел право обмениваться помещьем для удобства пользования поместной землей в интересах службы. На практике такие обмены, ставшие весьма распространенными в XVII веке, в большинстве случаев оказывались скрытой куплей-продажей поместных земель, поскольку обмен неравноценными поместьями предполагал компенсационные денежные расчеты между сторонами. Еще одной формой сделки, приводившей к фактической смене владельца поместья, была сдача его в наем другому помещику – сроки и условия подобного найма никак не регулировались тогдашним законодательством. Наконец, значительная часть поместий в XVII веке становилась по сути наследственным владением дворян, поскольку сыновья, вступавшие в государственную службу после отцов, все чаще и чаще «били челом» государю о наделении их поместными окладами с отцовых жребиев.

Все это способствовало тому, что различия между вотчинной и поместной формами землевладения на практике постепенно стирались, а в 1714 году были, наконец, и законодательно упразднены указом Петра I о единонаследии. С того времени в российском праве вместо прежних вотчин и поместий появилось новое юридическое понятие «недвижимого имущества», признававшегося отныне наследуемой собственностью дворянина, но запрещенного для отчуждений и разделов. В указе так и было прописано: *«Всем недвижимых вещей, то есть родовых, выслуженных и купленных вотчин и поместей, также и дворов и лавок, не продавать и не закладывать»* [102].

При этом введенный Петром новый порядок наследования предполагал возможность передачи дворянином неделимого недвижимого имущества только одному из наследников (отсюда и название указа) – либо старшему сыну, либо тому, кто будет указан в духовном завещании наследодателя. Прочим, менее удачливым наследникам, по замыслу преобразователя России, следовало искать чинов, жалования и имений на государственной (статской) или военной службе на пользу Отечества.

Цель законодателя в указе была выражена довольно ясно: оградить недвижимые имущества от бесконечного дробления, потому что *«от того разделения казне государственной великой есть вред и людям подлым (податным. – Л. М.) разорение»*, а дворянское сословие – защитить от обнищания, являвшегося, по мысли государя, следствием таких дроблений.

Однако, защитив таким образом дворян от обнищания, Петр сделал для них и нечто большее. Отмена поместного землевладения в том варианте, как осуще-

Иванов С. В. Юрьев день

ствил ее царь-реформатор, одним росчерком пера фактически превратила вчерашние государственные земли в частную собственность высшего сословия. По сути это была безвозмездная **приватизация** в пользу дворянства огромной доли государственной земельной собственности, которую после отмены крепостного права придется выкупать бывшим помещичьим крестьянам.

Хорошей иллюстрацией ко всему вышесказанному являются материалы по владельческой

истории села Хирина XVII–XVIII вв., представляющие собой извлечения из записных книг Поместного приказа и Вотчинной коллегии, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов.

Чтобы не потерялся оригинальный колорит позднесредневекового текста, мы постарались сделать наш пересказ этих записей максимально приближенным к языку первоисточника. С этой целью многие слова, выражения, обороты речи и написания имен сознательно оставлены в том виде, как они даны в оригинале. Лишь датировка событий «от сотворения мира», принятая в допетровской Руси, заменена в соответствии с более привычным для нас летоисчислением от Рождества Христова, установленным в России Петром I в 1700 году.

2. Хроники хиринского поместно-вотчинного землевладения XVII–XVIII веков (из записных книг Поместного приказа и Вотчинной коллегии)

По арзамасским писцовым книгам 1621–1623 годов «за девками за Федосею да за Овдотею за Сергеевыми дочерми Ододорова [...] жеребей в селе Хиринае, [...] пашни паханные помещиковы 24 чети, да крестьянские пашни чет, да перелогу 20 чети, и 45 чети в поле, а в дву потому ж, земля добра, сена сто копен. В живущем чет пашни» [103].

В 1626 году «по Государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу и по наказной памяти воеводы Ильи Стрешнева да подъячего Михаила Максимова» пристав Андрей Четвертаков Сергеево поместье Ададунова, что было в вотчине за Иваном Воейковым, и то, что осталось у него за вотчинной дачей в поместье – всего 268 чет в поле, а в дву потому ж, отказал девкам Федосье да Овдотье Сергеевым дочерям Ададунова «на прожиток со всеми угоды» пополам, каждой по 134 четверти.

1627 года апреля в 6-й день девка Федосья Ададунова вышла замуж с прожиточным своим поместьем за князя Дмитрия Петровича Волинского. А сестра ее

девка Авдотья 1630 года сентября в 28-й день вышла замуж с прожиточным своим поместьем за князя Алексея Федоровича Долгорукова. И за мужьями их те поместья записаны.

В 1672 году Дмитриево поместье Волынского 22 чет с осминою в поле, а в дву потому ж, дано сыну его Александру Дмитриевичу Волынскому в поместье «со всеми угодьи». По писцовым и переписным книгам 1678 года за ним в Хиризне значилось 12 крестьянских и бобыльских дворов. А в 1683 году поместье А. Д. Волынского – жребий в селе Хиризне с другими деревнями – дано ему в вотчину за чигиринскую службу.

Князя Алексея Федоровича Долгорукова в 1636 году не стало, а из недвижимого его костромского и арзамасского имения, всего 330 чет в поле, а в дву потому ж, дано жене его Авдотье с дочерьми княжнами Прасковьей да Марьей на прожиток.

В 1660 году вдова княгиня Авдотья Долгорукова сговорила дочь свою княжну Марью с прожиточным ее поместьем замуж за князя Даниила Афанасьевича Барятинского, и за ним то поместье, «жеребей в селе Хиризне, 134 чет в поле, а в дву потому ж», справлено. В 1665 году из того Данилова поместья Барятинского дано вдове княгине Авдотье 51 чет с осминою на прожиток по-прежнему. А в 1670 году «прожиточное ее поместье 51 чет по поступке ее и по заручному челобитью и по допросу» справлено за зятем ее за князем Григорием Даниловичем Несвицким. И в арзамасских переписных книгах 1678 года за ним в селе Хиризне записано крестьянских и бобыльских 2 двора.

В 1681 году досталась та вотчина Григория Несвицкого стольнику Ивану Петровичу Языкову. А в 1684 году Языков ту вотчину в селе Хиризне и прочих селениях променял Ивану да Андрею Несвицким на их суздальскую вотчину. Несвицкие в 1688-м ту вотчину, что в селах Хиризне да Свободярском, да жребий в деревне Шерстине, «с пашнею и со крестьяны и со всеми угодьи» продали Александру Дмитриевичу Волынскому.

В 1695 году та вотчина справлена за сыном его стольником Иваном Александровичем Волынским. А в 1698 году ту выслуженную вотчину Александра Волынского велено расписать между сыном его, названным Иваном, да дочерью девкой Агафьей.

В 1698 года февраля в 23-й день девка Агафья Александрова дочь Волынского, с выслуженной вотчиной отца своего, что в селах Хиризне да Свободярском, да в деревне Шерстиной, да с купленной вотчиной отца своего в тех же селениях – всего 168 чет с осминою в поле, а в дву потому ж – вышла замуж за стольника князя Ивана Ивановича Щербатова. И за ним та вотчина по заручному челобитью и по допросу справлена и показана.

А в 1705 году княгиня Агафья, Иванова жена, Щербатова, ту свою арзамасскую вотчину, жребий в селе Хиризне – «пашни 45 четвертей в поле, а в дву потому ж, да крестьянских 24 двора» – продала стольнику князю Степану Ивановичу Путятину, и за ним «по купчей и по допросу справлена и об отказе в Арзамас [...] грамота послана 705 году Октября в 12 день, а отказных книг по городу Арзамасу не сыскано».

... Из выслуженной вотчины князя Ивана Семеновича Путятина в сельце Хиризне с деревнями дана была часть в приданое дочери его Марье, что вышла замуж за стольника Михаила Семенова сына Жеребцова, и за ним та вотчина записана. И в 1636/37 году судились о той вотчине с Михаилом Жеребцовым шурины его князя

Иван, да Федор да Гаврила Ивановы дети Путятины, но оставлена та вотчина за ним, Жеребцовым, по-прежнему. А по закладной кабале от 25 декабря 1630 года выслуженную вотчину тестя своего Михаил Жеребцов просрочил Григорию Климентьеву сыну Зловидову, и 1 марта 1631 года та вотчина за ним, Григорием, записана.

А в 1640 году Григория Зловидова не стало, и та его вотчина осталась за вдовою его Фетиньей [Фотиньей] и сыном Федором, которые по рядной записи 1648 года ту вотчину, «половину сельца Хирина», дали в приданое за дочерью первой и сестрой второго – Оксиньей Григорьевой дочерью Зловидова, что вышла замуж за Павла Федоровича Леонтьева, и за ним та вотчина, Оксиньин жеребей, в 1649 году записана...

* * *

... В 1638/39 году патриарший стольник князь Иван Иванович Путятин заложил выслуженную вотчину отца своего, жребий в сельце Хирина, Федору Григорьеву сыну Зловидову, и по просроченной закладной кабале в 1647 году 8 апреля та вотчина за ним, Федором, записана.

По переписным арзамасским книгам Федора Лызлова да подьячего Матвея Андреева 1648 года за Федором Григорьевым сыном Зловидовым в селе Хирина записано было 18 дворов крестьянских и бобыльских, да 2 двора людских. А в 1665 году та вотчина, 48 чет с осминою в поле, а в дву потому ж, справлена за детьми его за Иваном да за Петром Зловидовыми. В 1669 году 27 апреля заложили они, дети Зловидовы, ту хиринскую вотчину князю Ивану Дмитриевичу Барятинскому и просрочили, и по закладной кабале та вотчина за ним, за князем Барятинским, записана.

А в 1677 году «князь Иванова вотчина Барятинского по его данной и заручной челобитной», что дал он в приданое за своей дочерью за княжной Прасковьей, жребий в селе Хирина, в записные вотчинные книги записана за мужем ее за стольником Петром Федоровичем Мещерским.

По смерти же его княгиня Прасковья, вдова Мещерского, с «приданой» своей вотчиной вышла замуж за боярина князя Константина Осиповича Щербатова, и за ним та вотчина 16 декабря 1687 года справлена. А в 1697 году, 25 февраля, Прасковья Иванова дочь, жена Щербатова, ту свою вотчину в селе Хирина «48 чет с осминою в поле, а в дву потому ж, со крестьяны» продала стольнику князю Степану Ивановичу Путятину, и 1705 году марта в 11-й день та вотчина за ним записана.

* * *

... По переписным арзамасским книгам Федора Лызлова да подьячего Матвея Андреева 1648 года в поместьях за Михаилом Ивановым сыном Засецким в селе Хирина показано 17 крестьянских и бобыльских дворов. И в 1665 году то Михайлово поместье Засецкого дано сыну его Назарию Засецкому в поместье, а в 1674 году, апреля 10-го дня, оно продано ему из Поместного приказа в вотчину. В 1678 году по смерти Назария та вотчина в селе Хирина дана жене его вдове Афимье «в пожитъ».

В 1684 году после смерти вдовы Афимьи вотчина ее дана Назарьеву племяннику Григорию Засецкому «вопче з дядьями ево 13 человеком по 6 чет без полуомины с пол пол пол пол четвертком в поле, а в дву потому ж».

А в 1696 году Григорий Засецкий ту дяди своего вотчину в селе Хирина продал стольнику Прокофию Афанасьеву сыну Кологривову, по смерти которого в 1701 году та вотчина дана вдове его Афимье. И в том же году вдова Афимья, Прокофьевская жена Кологривова, ту «вотчину свою в Арзамасском уезде в селе Хирина с пашнею

и со крестьяны и со всеми угодьи» отдала в приданое за сестрой своей Анной зятю своему стольнику Матвею Алексеевичу Головину.

В 1727 году Матвеева вдова Анна «приданую свою вотчину в селе Хиризине со всеми угодьи и со крестьяны» продала стольника Степана Ивановича Путятина жене княгине Гликерье (Лукерье), и в феврале 1732 года та вотчина за ним, князем Степаном, записана и дана ему для владения и сыску беглых крестьян выпись.

* * *

...А в сентябре 1718 года вдова Прасковья Васильевна Ушакова с сыном ее Алексеем Ивановичем Ушаковым продали князю Степану Ивановичу Путятину помещную свою землю в селе Хиризине за 49 рублей.

* * *

По писцовым книгам 1621–1623 годов за Ильей Кречковым сыном Ананьиным в Тешском стане в селе, что была деревня Хирина, значилось отца его поместье 25 четвертей, да в Залесном стане за Шатковскими воротами в деревне Ушакове 25 четвертей в поле, а в дву потому ж.

В 1632 году Илья из своего поместья в деревне Ушакове 25 четвертей променял брату своему Любиму Ананьину на 42 четверти в Ичаловском стане в деревне Ульянине, и стало у Ильи помещной земли всего 67 четвертей в селе Хиризине да в деревне Ульянине. А в 1652 году то поместье отдано детям его Никифору да Надёже, в 1667 году из того поместья 30 четвертей дано «на прожиток со всеми угодьи» сестре их родной девке Нениле, что после вышла замуж за Романа Алексеева сына Спесивцева.

15 декабря 1690 года тот Роман Спесивцев из своего поместья в селе Хиризине 5 четвертей пашни с осминою променял князю Степану Ивановичу Путятину на те же 5 четвертей в деревне Кашиной Ичаловского стана, «и того ж года декабря 30-го дня та мена меж ними расписана».

* * *

В 1682 году за Яковом Семеновым сыном Ананьиным справлен отца его, Семена Ильина, жребий, а также дано ему из поместья родных дядьев его Никифора и Надёжи Ильиных детей Ананьиных, что в селе Хиризине и деревне Ульянине, всего 27 четвертей без полуосмины в поле, а в дву потому ж.

В 1684 году тому ж Якову Ананьину дано поместье в селе Хиризине да деревне Вонючке «17 четвертей в поле, а в дву потому ж», что прежде состояло за отцом его Семеном Ильиным Ананьиным, а тому дано было еще в 1648 году после дяди его Замятни Кречкова сына Ананьиных и по поступке Замятниной дочери Анны. И тогда же из того Замятниного поместья в селе Хиризине и деревне Вонючке 15 четвертей отделено было Матвею Исупову.

А из того ж поместья в селе Хиризине и в деревне Вонючке 7 четвертей с осминою дано было на прожиток девке Соломонеде Владимировой дочери Ананьиных, которая в 1685 году вышла замуж без прожитка за Никиту Андреева, а прожиточное поместье ее отдано тому ж Якову Семенову сыну Ананьину.

Да за ним же, Яковом Ананьиным, по отказным книгам 1688 года состояло поместье в селе Хиризине, что прежде было выменяно Степаном Никифоровым сыном Ананьиным «пашни 10 четвертей в поле, а в дву потому ж». В 1736 году то недвижимое имение умершего Якова Ананьиных справлено за двоюродной племянницей

его Натальей Степановой, дочерью Ананьина, что в замужестве была за Яковом Синбухиным.

А 20 февраля 1750 года сын их поручик Дмитрий Яковлевич Синбухин по смерти матери своей то недвижимое имение в селе Хирина продал Анастасии Ивановне Путятиной, жене князя Алексея Алексеевича Путятина, и то имение за ним, Путятиным, записано...

По материалам РГАДА [104]

Вот примерно так происходил в России оборот земельных владений в XVII – начале XVIII века.

Конечно, далеко не все цепочки сделок с хиринскими поместьями, вотчинами и недвижимыми имениями пока удалось раскрыть. Тем не менее уже из представленных материалов видно, что хиринские земли с прикрепленными к ним крестьянами в течение XVII – 1-й половины XVIII вв. сменили свыше трех десятков владельцев. То, что удалось узнать о некоторых из них, изложено ниже в трех небольших биографических очерках.

А затем последует рассказ о главных действующих лицах владельческой истории села – князьях Путятиных, в чьих руках к началу XVIII века сосредоточилась большая часть хиринских земель и крепостных крестьян. Поэтому XVIII столетие в истории Хирина по праву можно назвать «веком Путятиных».

3. Три очерка о тех, «кому на Руси жить хорошо»

«По имени и житие»: Несмеянов сын Зловидов, а звали Григорием

Григорий Несмеянов сын Зловидов, упоминаемый в письменных источниках XVII века также под отчеством «Климентьевич», – это известный государственный деятель и дипломат времен правления Михаила Федоровича Романова, владимирский, затем московский дворянин, помещик Владимирского, Суздальского, Арзамасского и ряда других уездов.

«Неприветливая» фамилия, говорящая сама за себя, досталась Григорию от родителя, как и не менее суровое отчество. Его отец Несмеян Иванов сын Зловидов, названный Климентом (Климентием) в крещении, в 1607 году был губным старостой Владимирского уезда, а в 1611 году состоял в должности воеводы во Владимире, будучи назначен туда польской администрацией короля Владислава [105].

В древних актах упоминается двое сыновей Несмеяна-Климения – Иван, который в мае 1613 года от имени владимирцев подписывал Уставную грамоту об избрании на царство Михаила Романова, и Григорий, арзамасский и, в частности, хиринский землевладелец, который по просроченной заемной кабале заполучил от несостоятельного должника Михаила Жеребцова часть бывшей вотчины его тестя Ивана Семеновича Путятина. Но Хирино, вероятно, не единственный пример такого рода приобретательской деятельности Григория Зловидова.

Любопытна характеристика, данная ему одним из современников, составителем сказания о чудесах преподобного Сергия Радонежского. В этом повествовании описан случай, когда алатырские дворяне и дети боярские, «заведоша вражду велию» на Алатырский Троицкий Сергиев монастырь и строителя монастыря Симона «предаша судии, зело немилосерду сущу, именем Григорию, зовому от человек Зловидову.

И яко имя же его бысть, тако и нрав его подобен имени его: кротость на языке нося, обычаем же зверообразен; льстивым языком глагола, яко помогая на правду, сердце же его не бе к правде, но во всем ис[т]цем угрожа[д]ая и строителя того безвинного на правеже бывше без милости» [106]. Троице-Сергиева лавра к которой в то время был приписан Алатырский монастырь, тоже, кстати, пострадала, но не от самого Григория Зловидова, а от его ближайших родственников – выпшеназванных отца и брата, на которых еще в 1605 году от служителей лавры была подана жалоба, дескать они, Зловидовы, захватывают монастырские вотчины и силой вывозят в свои поместья монастырских крестьян [107].

Еще про Григория Зловидова известно, что в 1621 году он, часто привлекавшийся для разных дипломатических поручений, был послан государем «к Кызылбаишкому (персидскому. – Л. М.) послу на встречу в Ярославль» и «до Москвы шел вместе с послом с дорожными приставами» [108]. В 1623–1625 годах Зловидов – письменный голова в Тобольске, в 1629 году он в той же должности служит в Кольском остроге. Вообще, имя его довольно часто упоминается в документах 1620–1630-х годов по самым разным случаям (судам, сборам, ревизиям, дозорам), что свидетельствует о его известности в свое время, довольно высоком статусе в дворянской служилой иерархии и хорошей репутации при государевом дворе.

Но, пожалуй, основное, чем запомнился Григорий Зловидов в российской истории, – это своей дипломатической миссией к крымскому хану Инаyet Гирею в 1635–1636 годах, случившейся в весьма сложный для русско-крымских отношений период. Тогда и Григорию, и его спутникам, шедшим в Крым из Москвы с дорогими дарами, пришлось претерпеть от крымчаков многие обиды и унижения.

Менее чем через год после отбытия русских послов из Крыма – в 1637 году – донские казаки дерзко взяли Азов, бывший важной опорной крепостью Турции и вассального по отношению к ней Крымского ханства по пути к Москве. После потери Азова Маметша ага, один из приближенных нового крымского хана Бегадыр Гирея, «выговаривал» московским толмачам (переводчикам), предрекая скорое будущее русско-крымских отношений: «*что де посланники нам ни говорят, тем все о**б**манивают. А великий государь украины свои загораживает и города и острожки вновь велел поставить, а сам де государь к Крыму ближитца. Азов велел взять и называет крымских царей братьями, и поминки посылает, а Крым емлет. А бусурманские де цари и с того просты и на корысть падки. Так же де и прежние великие государи Казань и Астрахань взяли, большое де [зло] и над Крымом так же будет» [109].*

Вставший в годы казачьего владения Азовом во всей своей остроте крымский вопрос стал одним из главных на повестке дня Земского собора 1639 года, созданного «по поводу небывалых еще по своей жестокости в практике дипломатических сношений Москвы с Крымом насилий, совершенных крымцами над посланниками И. Фустовым и И. Ломакиным» [110].

На том соборе люди Московского государства имели суждение о «неправдах крымского царя». Сначала выступил с гневной речью патриарх Иоасаф, затем говорили бояре, окольные и думные люди, что «они против крымского царя за такие злые неправды стояти готовы. А стольники и стряпчие и дворяне московские говорили, что они, слыша такие крымского царя и калгины и нурадиновы злые неправды, рады стоять не щадя голов своих. А дворяне и дети боярские из городов говорили, что они рады за то все помереть. А гости и торговые люди говорили, чтоб за такие злые неправды бусурманом неверным казны не давать, а давать бы казна (так в документе. – Л. М.) государевым ратным служивым людям, которым против тех бусурманов

стоять. Да те ж крымские злые неправды и мученье сказывал на соборе Григорий Зловидов, потому что он сам в Крыме был и такие злые насильства и позор терпел» [111]. В итоге русские люди, «помысля», на совете так и решили: крымскому хану за его «неправды» казны, которая раньше посылалась «для дружбы и любви», больше не давать, а дать ее ратным людям, которые против крымчаков стоять станут.

В 1640 году Григорий Зловидов помер, и хиринская вотчина перешла во владение его вдовы и сына Федора, который по примеру своего отца и тоже по просроченной закладной кабале отобрал у Ивана Ивановича Путятина часть хиринской вотчины.

Так что непосильные «кабальные» займы и легкомысленные кредиты во все времена были угрозой общественному и личному благосостоянию, делая имущество несостоятельных должников легкой добычей сильных мира сего.

«Отлынил»:

эпизод из служебной биографии Александра Дмитриевича Волынского

Помещик Арзамасского уезда Александр Дмитриевич Волынский, владевший поместными и вотчинными землями в селах Хирине и Своробоярском, однажды очень прогневал царя Алексея Михайловича (1629–1676). Случилось это осенью 1673 года, когда государь в очередной раз собрался в традиционный Троицкий поход – на богомолье к Святой Троице и преподобному Сергию.

Волынский был одним из тех многочисленных государевых слуг, которым надлежало в установленный срок явиться к царскому обозу. Но тот почему-то не приехал – то ли «отлынил», то ли «протянул волынку» и опоздал. Так или иначе, Алексей Михайлович уехал из Москвы без Волынского, а по возвращении наказал всех «нетчиков», в числе которых досталось и нашему помещику – по государеву указу поместье у него отобрали [112].

Чтобы понять, насколько была велика по понятиям того времени вина Волынского, достаточно ознакомиться с потрясающей книгой известного знатока московской старины Ивана Егоровича Забелина «Троицкие походы русских царей».

Начало традиции этих походов было положено еще великим князем Дмитрием Донским в 1380 году. Когда многочисленное мамоево войско стремительно при-

Лесснер Э. Э. Троицкая Сергиева лавра

ближалось к границам Великого княжества Московского, Дмитрий, узнав об этом, «поспешил к преподобному Сергию, славному уже тогда везде делами святости, чтобы испросить его совета и благословения на брань решительную, ужасную». Победа на Куликовом поле, дарованная русскому воинству по молитвам аввы Сергия, сделала основанную им обитель

*Шварц В. Г. Вешний поезд царицы на богомолье
при царе Алексее Михайловиче*

главным монастырем Московского великого княжества, а затем и царства. С тех пор дети и внуки Донского, и все государи московские ходили на поклонение «в дом Пресвятой Троицы» и к преподобному Сергию, «игумену всея Руси», которого почитали как великого чудотворца и называли «кормителем всех царей российских» [113].

Троицкие походы совершались ежегодно, а бывало и по 2-3 раза в году. Цари «нередко

по обещанию говели там и ходили туда пешком, путешествовали туда весной и летом, осенью и зимою, но чаще всего на память св. Сергия, 25 сентября. И ни войны, никакого дела государственного и семейного они не начинали, не побывав прежде у Троицы».

Особенной пышностью и великолепием отличались эти процессии во времена царя Алексея Михайловича, о чем сохранилось подробное свидетельство очевидца – секретаря иностранного посольства Адольфа Лизека, со слов которого мы можем представить себе следующую картину.

В день выезда – 19 или 20 сентября – с самого утра назначенный воевода с полутора тысячами лучших московских стрельцов («ветеранов пехоты») готовил для государя путь. Открывала шествие большая пушка, которую сопровождали двое заряжающих – один с секирой, другой с копьём, увенчанным двуглавым орлом с фитилем в когтях. По бокам двигалась фаланга стрельцов в красной суконной одежде, дальше шли знаменосцы, трубачи и барабанщики.

В это время в поле царя уже ожидало 14-тысячное войско в полном парадном снаряжении – это те, кому было поручено организовать станы по пути к монастырю. С этим войском передвигалось несколько десятков обозов с иконами, продовольствием, оружием, деньгами для раздачи милостыни, с разными царскими вещами («стряпней»): платьями, бельем, постелями, посудой, банными принадлежностями и прочими предметами царского обихода.

С особым величием и торжественностью двигалась украшенная золотом и серебром царская карета, предваряемая кавалькадой из 62 всадников и запряженная шестью рослыми жеребцами. По бокам от кареты шла личная охрана царя с пищалями и его слуги. Карета царицы, запряженная двенадцатью лошадьми, была больше и величественнее кареты царя. Следом катилась карета царевича, запряженная четырьмя маленькими лошадьми, в сопровождении четырех карликов. После карет царской семьи следовали бояре, окольничьи, думные дворяне, стольники и слуги. В этой процессии у каждого было свое место и свои обязанности.

Одним словом, каждый такой поход представлял собой крайне сложное по организации, но чрезвычайно важное государственное мероприятие.

А Волынский взял и не приехал.

Впрочем, за его неявку к очередному Троицкому походу государь отобрал у него только своробоярское поместье, а хиринское осталось при нем. В 1676 году Алексей Михайлович умер, провинность Волынского со временем забылась, да и искупил он ее ратными подвигами: в 1683 году хиринское поместье было пожаловано ему в вотчину «за чигиринскую службу», а в 1705 году у его дочери, принявшей отцово наследство, эти земли выкупил Иван Семенович Путятин.

«Без вины виноватый».

Стольник Матвей Алексеевич Головин

Да ведают потомки православных
Земли родной минувшую судьбу,
Своих царей великих поминают
За их труды, за славу, за добро –
А за грехи, за темные деянья
Спасителя смиренно умоляют.

А. С. Пушкин. Борис Годунов

Стольник Матвей Алексеевич Головин, представитель одного из именитых аристократических родов старой Москвы, женившись вторым браком в 1700 году на Анне Ивановне (младшей сестре Афимьи Кологривовой), хиринскую вотчину получил за ней в качестве приданого. Бывал ли он сам в Хиринах или нет, достоверно неизвестно, хотя здешние крестьяне точно знали его по имени, поскольку давали подписку новому владельцу в послушании и повиновении.

На государственной службе за свою долгую жизнь М. А. Головин прошел многое – и военные походы, и ответственные государственные должности, и важные поручения, и участие в разных соборных совещаниях, был в городах на воеводствах (в частности, в Симбирске в 1687 году), даже возглавлял, будучи уже в преклонных годах, Оружейную палату. Сенатский указ 1711 года гласил: «У его государевых дел в оружейном приказе быть стольнику Матвею Алексею сыну Головину, да ему ж ведать конюшенную казну» [114].

Однако итог жизненного пути стольника Головина, успевшего отметить свою 80-ю годовщину со дня рождения, оказался весьма необычным для такого послужного списка. Неожиданно для себя и знавших его людей богобоязненный сановник оказался жертвой абсолютно дурацкой и кощунственной забавы самого, пожалуй, противоречивого из царей на российском престоле.

Общеизвестно, что государь император Петр Алексеевич, отличался не только тяжелым характером и необузданным правом, но подчас и весьма непочтительным отношением как к Православной Церкви, так и к древнему христианскому благочестию. Впрочем, таково было отношение ко всему, что ассоциировалось у Петра со старой патриархальной Москвой: это и ее служилая аристократия, и традиционное русское платье, и бороды, и «слишком» воздержанное, по его понятиям, отношение к хмельному зелью, которое у русских доходило до полного неприятия «питий» во время строгих православных постов.

Неврев Н. В. Петр I в иноземном наряде перед матерью царицей Натальей, патриархом Адрианом и учителем Зотовым

Потому-то при Петре и московское стрелецкое войско было упразднено в ходе военной реформы, будучи заменено на полки европейского образца, и столица России перенесена в построенный «на костях» среди северных болот Петербург, задуманный его создателем как «город на водах» по примеру Амстердама – столицы любезной его сердцу Голландии. Российское царство на европейский манер стало именоваться империей, а «слишком независимая от государства» Церковь, оставшись в 1700 году без патриарха, по монаршему произволению была подчинена специально созданному коллегиальному органу – Священному Синоду. Действительно, многое было сделано Петром для того, чтобы русский дух в России уступил место духу европейскому.

Нельзя не упомянуть в связи с этим (хотя эта тема нам глубоко неприятна) и о разных постыдных «деяниях» «всепутейшего, всепьянейшего и сумасброднейшего

собора», созданного Петром в 1690-е годы под впечатлением от той жизни, которой он прикоснулся в протестантской Немецкой (Кокуйской) слободе в период своего юношества в подмосковном Измайлове. Эта жестокая и кощунственная пародия на Православную Церковь, ее управленческие органы и обрядность просуществовала в России более 30 лет, войдя в историю прежде невиданными на Руси придворными пьянками, разгулами, матерщиной и прочими бесчинствами, которые оттолкнули от Петра многих его современников, особенно среди глубоко верующих людей.

Матвей Алексеевич Головин оказался, быть может, последней жертвой этого позорного учреждения...

Одна из дочерей Головина, Евдокия, была в свое время выдана замуж за тайного советника Алексея Петровича Лопухина (†1728), который когда-то имел неосторожность одолжить 3000 рублей царевичу Алексею, впоследствии обвиненному в заговоре против отца, приговоренному к смерти и умершему при загадочных обстоятельствах в заточении в Петропавловской крепости в июне 1718 года. К тому же Лопухин был двоюродным братом опальной царицы

Ерошкин С. Н. Обрезка кафтанов и стрижка бород (фрагмент)

Евдокии Федоровны Лопухиной (матери царевича Алексея) и поддерживал ее в трудные для семьи времена. За все эти «преступления» А. П. Лопухина и его жену по приказу Петра I выпороли кнутом и сослали в Сибирь. Малолетние дети Лопухиных с тех пор воспитывались в доме своего деда Матвея Головина, что, вероятно, и стало причиной неприязни к нему подозрительного монарха.

На святках в морозные январские дни 1725 года по традиции происходили гуляния с участием монаршей особы и «всешутейшего, всепьянейшего и сумасброднейшего» сборища. Призванному туда почтенному 80-летнему старцу Матвеем Головину император – вероятно, порядком захмелевший и бывший в «веселом» расположении духа – приказал исполнять на том маскараде постыдную роль: по одной версии – демона, по другой – казанского архиерея [115]. Для этого Матвеем Алексеевичу было велено водрузить на голову шутовской колпак с рогами и вымазаться сажей. Богобоязненный Головин, разумеется, от этого отвратительного и унижительного действия отказался. Но не терпевший в тот день возражений Петр приказал насильно раздеть старика, вымазать его сажей и усадить в буквальном смысле голым задом на невольский лед, что и было немедленно исполнено под дикий хохот безудержно веселящейся придворной толпы.

Поруганный старик не выдержал такого бесчестия и физических мук: *«будучи раздет донага и наряженный демоном, он простудился на этом правее, получил горячку и вскоре потом скончался»*, – сообщает составитель истории рода Головиных Петр Казанский, пользовавшийся их семейным архивом [116].

Эта смерть, как видно из «Записок» Василия Васильевича Головина (внучатого племянника «невского страдальца», с которым они духовно были очень близки), наступила 30 января 1725 года, когда в его дневнике появилась запись: *«скончался дед Матвей Алексеевич Головин в Петербурге»* [117].

Тем временем история о святочном происшествии стремительно разлетелась в пересудах по столичным домам и салонам, вызывая у одних глубокое сочувствие и справедливое негодование, а у других, которых тоже немало, – наоборот, язвительную улыбку или даже смех.

А кто знает, быть может, именно это последнее кощунственное издевательство, учиненное Петром над бедным Головиным в святые рождественские дни, да еще при всем честном народе, как раз и переполнило чашу Божьего долготерпения?..

Во всяком случае, документы рассказывают вот что.

9 января Петр вместе с императрицей гулял на свадьбе «Мишки с гудошницей Настасьей» (Мишка – это слуга его денщика Василия Поспелова), 10-го – был на литургии у Троицы, а после кушанья – «на родинах и на крестинах у помянутых женившихся». Потом 12-го и 14-го – на двух «ассамблеях» у графа Толстого и адмирала Крейца; 15-го – в доме «у директора над строениями Синявина». Наконец, 17 января, как записано в походном журнале 1725 года, *«Его Императорское Величество заболел и никуда ездить не изволил. 18-го, тож»*.

Далее недуг молниеносно перешел в «антонов огонь» – гангрену, сопровождавшуюся такими сильными болями и судорогами, что несколько дней Петр кричал от нестерпимых мучений, а потом, уже не имея сил кричать, только тихо стонал. 22-го он исповедовался и причастился Святых Христовых Тайн. 26-го его помазывали маслом (соборовали).

Лежа на смертном одре, он распорядился выпустить из тюрем всех заключенных, кроме убийц и государственных преступников, помиловать приговоренных к смерти, освободить сосланных в каторжные работы и покрыть долги осужденных

Хлебовский С. Ассамблея при Петре I

бывшие у его постели, стали его увещевать, говоря ему «о милосердии Божиим беспредельном». Еще дважды государь причастился Святых Тайн, сказав при этом: *«Сие едино жажду мою утоляет; сие едино услаждает меня»*.

Наконец, 28 января (8 февраля) 1725 года в 6-м часу утра Государь император Всероссийский Петр Алексеевич *«преставился в своей конторке [...] от болезни урины запору»* [119], поспев на Божий суд даже на два дня раньше униженного им до смерти Головина.

По иронии судьбы Петр, чье имя в переводе с греческого означает «камень», принял смерть от «каменной болезни» в мочевом пузыре: вышло так, что «маленький камень сокрушил большой». Царь при жизни, действительно, был огромного роста, поэтому приготовленный для него гроб не вошел не только в тесные двери конторки, но и впоследствии, в день похорон, из траурной залы Зимнего дворца его пришлось выносить через окно.

При условии соблюдения канонического церковного обряда Петра должны были бы хоронить 30 января. Но на этот день – так случилось – пришлось неприятная на фоне общероссийского траура кончина поруганного Матвея Головина.

Дальнейшее известно. Забальзамированное тело императора оставалось непогребенным целых 40 дней, в течение которых российская элита (преимущественно уже безбородая, в завитых париках и в европейском платье), жители Петербурга, приезжие из Москвы и других городов могли проститься с царем-реформатором. Организаторов похорон совершенно не смущало явное нарушение православных канонов, потому что и сам покойный монарх, набожный, но «свободный от условностей», нередко попирали их при жизни, показывая своему окружению пример, отнюдь не достойный подражания. Наконец, 8 марта прощание было окончено и гроб с телом государя торжественной процессией перенесли в строившийся тогда Петропавловский собор.

за неплатеж должников из его собственных средств, «простил дворян, не явившихся на смотр» – одним словом, явил монаршую милость всем, *«дабы молили они о здравии государевом»* [118]; еще раньше повелел служить молебны о своем выздоровлении во всех церквях империи, включая костелы, кирхи и мечети.

27-го императору стало хуже. Архиереи,

Никитин И.Н. Петр I на смертном ложе

Но погребать не стали: присыпав тело землей, закрытый гроб с накинута поверх императорской мантией оставили так еще на долгих 6 лет.

Умершего Матвея Алексеевича Головина схоронили тихо, по-семейному, как и положено, на третий день после кончины. А в 1729 году его вдова Анна продала свою «приданую вотчину» в селе Хирине Лукерье Осиповне Путятиной.

4. Под гербом князей Путятиных. Хирино в XVIII столетии

Нижегородский вице-губернатор Степан Иванович Путятин и его сыновья

Когда в июне 1714 года князь Степан Иванович Путятин – пусть не по должности, но по статусу – возглавил учрежденную в январе того же года Нижегородскую губернию, большая часть окружавших Хирино земель и около 2/3 крепостного населения этого села уже находились в его владении. В том же 1714 году в марте вышел государев указ о единонаследии, согласно которому различия между вотчинами и поместьями дворян были отныне упразднены, и появилось новое понятие «недвижимого имения». С учетом этих нововведений изменился и правовой статус путятинских владений в Хирине – теперь князь стал полным и безусловным собственником всех крестьян и земель, как доставшихся ему по наследству и выкупленных вотчинных, так и выменянных бывших поместных угодий.

Настойчивость, с которой правнук первого хиринского вотчинника собирал эти земли под свою хозяйскую руку, заставляет думать, что не одни только имущественные интересы стояли за этим стремлением. Была в этом, несомненно, и дань памяти своему пращуру, ставшему участником знаковых для России событий начала XVII века, и «любовь к родному пепелищу» – вотчине, в которую несколькими поколениями Путятиных было вложено немало трудов.

О Степане Ивановиче Путятине известно, что не позднее как с 1682 года он значился в чине государева стольника и занимал во времена царствования Петра I ряд важных военно-административных должностей. Так, например, в 1690-1691 годах он – воевода в Нарыме, затем с 17 июля 1691-го по 24 июля 1694 года – на той же воеводской должности в Томске. В 1701–1703 годах находился на воеводстве в Пензе, за это время составил подробное описание пензенской крепости (кстати, в 1682-1683 годах воеводой в Пензе служил и его отец стольник Иван Федорович Путятин, передавший своему единственному сыну хиринскую вотчину в конце XVII века). В 1704 году Путятин – городской воевода Саранска. В 1711 году он разбирал алатырских подьячих для определения на военную службу и, по-видимому, был комендантом в Алатыре (с 1711 года прежние воеводы стали именоваться «комендантами»), после чего получил назначение на ту же должность в Арзамас, на службе в котором он и упоминается в документах 1712-1713 годов [120].

В связи с учреждением 26 января 1714 года Нижегородской губернии и скоропостижной кончиной ее первого губернатора А. П. Измайлова, пробывшего в должности коротких четыре месяца, С. И. Путятину высочайшим указом от 17 июня предписано «*быть в Нижегородской губернии ландратом и тою губернию во всем ведать и отправлять всякие дела с прежними с ландраты обще*» [121]. С этого момента на последующие четыре года он стал фактическим руководителем Нижегородской губернии

(с 1715 года – уже в чине вице-губернатора) вплоть до ее упразднения в 1717 году, вскоре после чего Степан Иванович отпросился в отставку в связи с болезнью.

В 1720 году против него было выдвинуто обвинение и начато следственное дело «о злоупотреблениях казенными подводами, о том, что он установил повышенную цену на кирпич и незаконно наживался на поставках зерна из Казани и Нижнего Новгорода и вообще вел фальшивые счета» [122].

Вероятно, в связи с этими обстоятельствами, еще более подорвавшими его здоровье, в 1720-1721 годах Степан Иванович устраняется от управления вотчинными делами и передает их своему сыну Алексею. В некоторых справочниках упоминается еще один сын С. И. Путятина – Андрей, однако, судя по тому, что имя его практически не встречается в алфавитах Поместного приказа, можно предположить, что жизнь его оборвалась слишком рано. Другим основанием для такого предположения служит деревянная церковь в честь апостола Андрея Первозванного, появившаяся в Хирине в 1720-1721 годах. Возможно, церковь была построена Путятиными именно для помина души их безвременного почившего сына и брата и освящена по распространенному тогда обычаю в честь небесного покровителя, чьим именем он был наречен при крещении.

Принявший хиринскую вотчину Алексей Степанович Путятин выступил инициатором замены в Хирине обветшавшего здания Предтеченской церкви, о чем свидетельствует запись в документах Патриаршего приказа, согласно которой *«1721 г. декабря 31 запечатан указ о строении церкви и со освящением, по челобитью князь Алексея Путятина велено ему в Арзамасском уезде в вотчине его в селе Ивановском, Хирино тож, вместо ветхой деревянной церкви на том же церковном месте построить вновь церковь во имя Иоанна Предтечи, да в приделе Николая Чудотворца, пошлин 2 гривны взято»* [123].

Сведений о начале строительства каменной церкви в Хирине найти не удалось. В указе, как мы видим, ничего не сказано о том, что новая церковь должна была стать именно каменной (обычно это всегда прописывалось в тексте). Поэтому, скорее всего, просителем предполагалось строить новую, очевидно, более вместительную и удобную, но все же деревянную церковь. Однако время и обстоятельства внесли в этот проект свои коррективы.

Неизвестно, удалось ли Алексею Степановичу начать задуманные им преобразования. Но можно предположить, что какая-то трагедия или болезнь внезапно оборвала и его жизнь, потому что ко 2-й половине 1720-х годов к управлению хиринской вотчиной снова пришлось вернуться престарелому Степану Ивановичу Путятину и его жене Лукерье Осиповне, похоже, потерявшим за короткое время обоих своих сыновей.

Несмотря на эти потрясения супруги в дальнейшем продолжают заниматься вотчинными делами. В 1727 году им удается выкупить у наследников покойного М. А. Головина недвижимое имение в селе Хирине с 74 ревизскими душами крепостных. Длившееся несколько лет утверждение этой купчей и предшествовавших ей сделок окончательно завершилось в Поместном приказе к 1732 году, когда по указу от 29 февраля С. И. Путятину на *«недвижимое его арзамасское имение, которое за ним явилось по дачам, дана ему для владения и сыску беглых людей и крестьян выпись»* [124].

На фоне пережитой личной драмы Путятины в эти годы особенно нуждались в духовном утешении, которое очень сблизило их с монахами Саровской пустыни, в частности, с основателем и первым ее строителем иеросхимонахом Иоанном, а

*Иеросхимонах Иоанн,
первоначальник
Саровской пустыни*

также с казначеем Иосией (Самгиным). Их знакомство началось, по всей видимости, еще в бытность Путятина комендантом в Арзамасе и продолжилось в годы последующего вице-губернаторства в Нижнем Новгороде. А в 1722 году на средства, пожертвованные Степаном Ивановичем Путятиным с женой Лукерьей Осиповной и сыном Алексеем, был изготовлен новый иконостас для главной церкви Саровской обители – храма Божией Матери в честь Живоносного Ее Источника [125]. В дальнейшем, когда Иоанн бывал в Москве по делам обители, он постоянно пользовался советами и помощью влиятельных вкладчиков, среди которых в числе первых назывался С. И. Путятин [126].

В отсутствие Иоанна обителью управлял иеромонах Иосия – протеже царевен Марии Алексеевны и Феодосии Алексеевны (родных сестер Петра I), с 1716 года бывший в должности казначея Саровской пустыни. Пользуясь безграничным доверием Иоанна, он со временем стал допускать некоторые вольности за спиной настоятеля, чем и вызвал справедливое

недовольство первоначальника. Между ними наметился конфликт, до разрешения которого Иосия счел за лучшее покинуть Саровскую обитель, однако уже в 1732 году по ходатайству влиятельных столичных покровителей был назначен настоятелем Берлюковской пустыни, что в 40 верстах к северо-востоку от Москвы. Вступив в новую должность, Иосия, по слову одного из монахов того монастыря, «часто ездил в Москву исповедовать детей духовных, потому что у него много в духовности знатных персон» [127]. Не исключено, что в числе этих влиятельных покровителей мог быть и С. И. Путятин, поскольку Иосия в бытность свою в первопрестольной останавливался в его доме у Мясницких ворот и имел с ним беседы [128].

А в 1734 году некий монах Георгий, в миру звавшийся Григорием Зварыкиным, – один из постриженников Иосии в Саровской пустыни, явился в Московскую Синодальную контору и сообщил, что его люто преследуют бесы, от которых он и попросил его избавить. При дальнейшем разбирательстве выяснилось, что этот несчастный в свое время, будучи еще мирянином и находясь в Санкт-Петербурге, заключил страшную сделку с загадочным немцем по фамилии Вейц, который оказался и не человеком вовсе, а дьяволом, явившимся в людском облики и выторговавшим у Зварыкина отречение от Христа. В обмен на это Зварыкину, как тот и просил, было обещано, что «к нему люди будут добры». Договор этот, по известной традиции, был оформлен на клочке бумаги и подписан Зварыкиным кровью из пальца, проколотого булавкой.

Сэтого момента жизнь его, действительно, изменилась: отныне ни в чем Зварыкин не знал нужды, а бесы в человеческом образе в любое время служили ему во всем, доставляя в изобилии пищу и питье, денег, сколько потребно, лошадей, если предстояло куда-то ехать. Уже готов был для него и дом в солнечной Италии, но ...

Однажды случайный разговор о «священных предметах» внезапно пробудил у Зварыкина крепко заснувшую совесть и привел его в храм на исповедь. Священник, внимательно его выслушав, исповедь принял, но наложил на него строгую епи-

тимью (церковное наказание), запретив до самой смерти причащаться Святых Христовых Тайн [129].

В дальнейшем ради принесения покаяния и искупления тяжчайшего из грехов Зварыкин много скитался по разным монастырям, пока не оказался, наконец, в Саровской пустыни, где без должного испытания и был вскоре пострижен в монахи Иосией. Однако после этого нечистая сила напомнила о себе Зварыкину, требуя от него исполнения ранее взятых «обязательств», и извела его настолько, что тот не выдержал душевных мук и, ища спасения, обратился за помощью в Синодальную контору. Так началось печально знаменитое следственное дело Тайной канцелярии, ставшее суровым испытанием для всех монахов Саровской пустыни и, прежде всего, для ее первоначальника Иоанна, арестованного по ложному доносу и, в конце концов, умершего в 1737 году в застенках этой мрачной организации времен бироновщины. Причем именно Иосия, прознав, что его вчерашний подопечный сидит в Тайной канцелярии и дает показания, настолько испугался за свою жизнь и теплое местечко, что, решив обезопасить себя, написал постыдный донос, превративший в итоге это малозначительное дело в самый громкий политический процесс 1730-х годов.

Но о том, что Самгин оказался «явившейся в образе голубя змеей, пригретой на груди», Путятин при жизни своей так и не узнал, продолжая до кончины своей считать и саровского первоначальника Иоанна, и его некогда ближайшего сподвижника Иосию своими друзьями и молитвенными ходатаями пред Богом. Преставился Степан Иванович, как можно понять, в конце 1733 или самом начале 1734 года, т.е. за несколько месяцев до того, как получило ход громкое дело, открывшее лукавство Иосии.

А как так случилось, что не только многоопытный Путятин и другие «видные особы», но даже и такой искушенный в духовных делах угодник Божий, как иеросхимонах Иоанн, оказались обмануты Самгиным, объяснил в Тайной канцелярии один из саровских монахов, показавший на допросе: *«Иосия имеет состояние, мнится мне, льстивое: слово гладко, поклоны низки; коварства скоро в нем признать неможно, потому что ежели хотя и мало усмотрит человека, кто куда склонен, то так и угождает; а кто б дел его, какие бы он удумавши, не зазирал, те ему приятны. Так он и обманул и Иоанна»* [130].

Впрочем, именно из показаний Иосии дошли до нас сказанные незадолго до кончины слова Степана Ивановича Путятина, очень почтительно отозвавшегося тогда о бывшем кабинет-секретаре Петра I А. В. Макарове, и высказавшегося с горечью о том, что *«нынче при доме Ее Величества больше все иноземцы»* [131].

Вдова С. И. Путятина Лукерья Осиповна на несколько лет пережила мужа и умерла в начале 1740-х годов.

Строительство каменной церкви и благоустройство усадьбы при Алексее Алексеевиче Путятине

Единственным наследником всего движимого и недвижимого имущества супругов Путятиных оказался их внук Алексей Алексеевич Путятин, состоявший по данным 1738-1742 годов в военной службе в звании прапорщика от кавалерии Луцкого драгунского полка [132].

Еще совсем недавно был у него родной брат, но будучи от роду 21 года и 27 дней Петр Алексеевич Путятин, капрал лейб-гвардии конного полка, скоропостижно

скончался 25 июля 1738 года, о чем свидетельствует сохранившаяся надпись в некрополе Высоко-Петровского монастыря в Москве [133].

О наследнике хиринской вотчины Путятиных узнать удалось пока немного.

После увольнения от военной службы А. А. Путятин служил «по гражданскому ведомству», состоя на разных должностях в коллегиальных учреждениях – тогдашних аналогах современных министерств. Так, в Высочайшем указе от 7 апреля 1764 года, подписанном государыней императрицей Екатериной II, говорилось: *«Всемилоостивейшее пожаловали Мы отставного от службы надворного советника князя Алексея Путятина коллежским советником в ревизион-коллегию»* [134], где он значился по спискам в 1764–1771 годах, а в 1774 году имя его, уже как статского советника, встречается среди членов Главной соляной конторы [135]. Видимо, в скором времени после того он совершенно отошел от государственных дел и предался исключительно своим помещичьим заботам. От деда с бабушкой ему досталось, действительно, завидное наследство, состоявшее из двух домов в Москве и недвижимых имений в Арзамасской и Пензенской провинциях, с большим количеством земельных угодий и, по предварительным подсчетам, примерно с двумя тысячами крепостных ревизских душ (под «ревизскими», напомним, имелись в виду лица исключительно мужского пола).

Женившись на княжне Анастасии Ивановне Барятинской, Путятин получил за ней вдобавок к своим имениям богатое приданое в Ярославской губернии, где с давних времен располагались обширные вотчинные владения князей Барятинских. Все это огромное хозяйство требовало постоянного внимания и попечения со стороны владельца.

Однако главной заботой А. А. Путятина была, как и для его деда, родовая хиринская вотчина, расположенная неподалеку от полюбившейся его сердцу Саровской пустыни, где за всех его почивших сродников – вкладчиков этого монастыря – совершалась непрестанная молитва. Поэтому в начале 1750-х годов молодой помещик вместе с супругой начинают планировать и обустроить свою усадьбу в селе Хирино, как и положено, с барским домом, с прудом и садом. Доминантой всей усадебной планировки, а с ней и всего села, должен был стать уже не деревянный, как предполагал его отец, а каменный храм на месте разобранной ранее бревенчатой Предтеченской церкви.

По данным клировых ведомостей церквей Нижегородской епархии, к 1758 году первый этап строительных работ по сооружению каменного здания храма был успешно завершён – именно этот год значится по документам датой освящения каменной церкви в честь Усекновения честной главы Иоанна Предтечи. С этого же времени, надо полагать, в еще недостроенном хиринском храме начались регулярные богослужения, что отнюдь не мешало строителям продолжать работы. Наконец, к 1777 году все здание храма было полностью закончено, и в том же году епископ Владимирский и Муромский Иероним торжественно освятил верхнюю (холодную) церковь в честь иконы Божией Матери, именуемой «Живоносный Источник» [136], а с нею – и весь храм, который отныне предстал во всей своей красоте, изысканном своеобразии и неповторимости.

Документов, из которых мы могли бы точно узнать, кто был автором проекта хиринской церкви («плана и фасада», как тогда это называлось), найти, увы, не удалось. И судя по количеству просмотренных нами архивных фондов и отдельных дел, можно предположить, что документов этих, скорее всего, не сохранилось.

Информационные пустоты в нашей исторической памяти всегда пытались восполнить местные жители и краеведы. Так в советские времена родилась в народном сознании версия о том, что проектировал Предтеченский храм не кто иной, как прославленный русский зодчий Василий Иванович Баженов (1738–1799), владевший, как знают почти все в Шатковском районе, соседними с Хириным мордовскими деревнями Кориным и Кардавилью, входившими довольно продолжительное время в состав хиринского церковного прихода.

*Василий Иванович
Баженов*

О возможном авторстве Баженова среди исследователей нижегородской храмовой архитектуры первой заговорила Л. М. Смирнова, присоединившаяся к мнению шатковцев: *«... Мы забыли дивный, хотя и опоганенный в годы большевизма храм, изображение которого не найдешь ни в одном альбоме, посвященном великому зодчему [Баженову. – Авт.]. А храм-то баженовский. Говорят, что построен по его чертежам. О нем мало кто знает. Зато жители села Хирина, где он находится, да и вообще вся Шатковская округа убеждены в своей правоте: конечно же, чертежи для церкви разрабатывал сам Василий Иванович. Почему-то очень хочется, чтобы было именно так...»* [137].

Тем не менее, по экспертному заключению историков и специалистов-реставраторов, изложенному в служебной записке нижегородского научно-исследовательского предприятия «Этнос», занимавшегося разработкой и реализацией проекта реставрации хиринской церкви, авторство Баженова подтверждения не находит*.

Отчасти это заключение можно подкрепить общеизвестными фактами баженовской биографии. Известно, что строительство каменного храма в те времена занимало в среднем от 3 до 6 лет, а значит, даже при минимальных сроках и с учетом времени, необходимого для производства внутренних работ, Баженову, родившемуся в 1738 году, должно было быть на момент начала строительства – это 1753-1754 год – 15-16 лет. Но тогда он был пусть и весьма талантливым, но еще начинающим и никому не известным рядовым учеником московской архитектурной школы В. Д. Ухтомского.

Что же касается соседства с Хириным баженовских деревень, то их владельцем он стал лишь в 1797 году, когда при Павле I производилась щедрая раздача казенных земель служилым дворянам, а в особенности – обиженным его матерью – императрицей Екатериной Великой, в числе которых значился и оказавшийся не у дел В. И. Баженов.

Павел же, наоборот, очень благоволил к нему и даже сделал Баженова вице-президентом Академии художеств. Но в 1799 году прославленный архитектор в возрас-

* Материалы НИП «Этнос» по строительной истории хиринской церкви были любезно предоставлены нам на правах рукописи руководством и коллективом данной организации, за что автор выражает искреннюю благодарность директору НИП «Этнос» М. Ю. Пухову, главному архитектору И. С. Агафоновой, к.и.н. А. А. Давыдовой, архитектору Е. Е. Мареевой и др. сотрудникам, принимавшим непосредственное участие в разработке проектной документации по реставрации памятника. Отдельные слова благодарности – проф. В. А. Каравашкину, который в своей докторской диссертации первым привлек внимание научного сообщества к состоянию хиринской церкви и намечил возможные подходы к организации реставрационных работ.

Антиминс церкви в честь иконы Божией Матери, именуемой «Животный Источник», в селе Хирине Арзамасского уезда, 1777 год.

Из коллекции антиминсов ЦАМНЕ

интересная версия, на наш взгляд, гораздо более логичная и убедительная, как станет ясно из дальнейшего. Согласно этой второй версии архитектором-строителем хиринского храма являлся сам тогдашний помещик Алексей Алексеевич Путятин. Устное предание об этом довольно долго сохранялось хиринскими стариками, от которых эти сведения и почерпнул автор неоднократно упоминавшейся нами заметки в «Нижегородских губернских ведомостях», посетивший Херино в 1890-е годы.

Почему Путятин?! Попробуем разобраться.

Храм – икона.

Символ – история – судьба

«Эврика!» – воскликнул Архимед и...

Всемирная история открытий

«**А**рхитектура храмового комплекса села Хириня – говорится в записке НИП «Этнос» – не имеет прямых аналогов в зодчестве середины – второй половины XVIII столетия. Видимо, своеобразие архитектурного облика во многом определялась вкусовыми предпочтениями заказчика». То есть, конечно же, – хиринского помещика...

Так что же это за храм такой? В чем его своеобразие и уникальность?

Начнем с описания, которое оставил нам все тот же таинственный Н-ков: «Внешняя фигура храма довольно оригинальна и носит на себе следы византийского художества. Построен храм в крестообразной форме и имеет два этажа, из

те 62 лет скоропостижно скончался, оставив арзамасское имение своим горе-наследникам, за которыми сквозь века и до сего времени тянется очень дурная и, к сожалению, справедливая слава тиранов, сквернохарактерных самодуров и мучителей своих крепостных.

Впрочем, все эти доводы прямо не опровергают возможное авторство В. И. Баженова. Быть может, впоследствии еще откроются некие архивные документы или новые факты, которые позволят нам внести больше ясности в этот интригующий вопрос.

Но есть и другая ин-

которых нижний занимает теплая церковь, а верхний – холодная. Высота храма достигает 18 сажень. Благодаря такой высоте летняя верхняя церковь, несмотря на двухэтажное устройство всего храма, отличается большим простором. Вход в верхнюю церковь ведут с трех сторон широкие лестницы или, по местному названию, баясы, укрепленные на толстых колоннах. Все три входа в церковь имеют свои особые лестницы, из которых каждая состоит из трех малых лестниц. Две из них начинают баясу с противоположных сторон, а третья от соединения первых двух ведет прямо к входу в храм. При этом двери храма соединены между собою террасами, которые окружают крестообразную фигуру храма со всех сторон, кроме восточной. Террасы эти также утверждены на колоннах величиною около шести аршин в окружности. В устройстве баяс выразилась слабая сторона древней архитектуры, задача которой, по-видимому, состояла в том, чтобы строить твердо, прочно, но, в то же время, мало обращая внимание на удобство и красоту» [9].

Если рассматривать элементы этого храма по отдельности, то в них, на первый взгляд, нет ничего особенного: крестообразная форма здания вполне традиционна, два этажа, они же два яруса на фасаде – тоже отнюдь не редкость в культовом зодчестве XVIII столетия. Быть может, только форма лестниц (баяс) и галереи, обтекающие храм с трех сторон, несколько оригинальны для церковной архитектуры, но это вполне можно объяснить «вкусовыми предпочтениями заказчика».

И долгое время нечего было добавить к уже сказанному. Но...

Ключом к разгадке хиринской тайны оказалась... иконография образа Божией Матери «Живоносный Источник», в честь которого помещик А. А. Путятин пожелал освятить верхний придел хиринского храма.

Случилось так, что в ходе работы над этой книгой при перекладывании бумаг копии чертежей хиринской церкви в разрезе легли на стол рядом с распечаткой старинной иконы Пресвятой Богородицы «Живоносный Источник». И нам открылось очевидное: хиринский храм - как раз и есть та самая икона, сюжет которой получил свое воплощение в камне. Да, тот, кто проектировал церковь, несомненно, держал перед глазами эту икону.

Действительно, если смотреть на храм с запада на восток, т.е. со стороны колокольни, в очертаниях церкви легко узнать абрис знакомого иконописного сюжета. Контуры восьмерика с барабаном и главой в точности повторяют силуэт Пречистой Девы, которая по сюжету иконы парит в воздухе над чашей, держа на лоне Богомладенца Христа. Второй (верхний) ярус церковного здания – собственно, сама церковь Живоносного Источника – соответствует изображению чаши (фиалы), из которой проистекают струи живительной влаги. Эти струи создатель-архитектор воплотил в виде направленных сверху вниз баяс – необычных лестниц, спускающихся от трех входов в верхнюю церковь с северной, западной и южной сторон. Входы символически соответствуют трем отверстиям в чаше, из которых фонтаном изливается вода. Струи-лестницы задуманы таким образом, что два нижних лестничных марша симметрично расходятся от центра в противоположные стороны, благодаря чему достигается подобие растекания струящейся воды по поверхности земли.

К схожим выводам пришли и специалисты-архитекторы, обследовавшие этот памятник архитектуры в 1980-е годы, но не знавшие о символической связи храма с Живоносным Источником: «... лестницы (к сожалению, почти совершенно разрушенные) как бы растекаются по земле, тогда как динамически растущие массы ос-

**Хиринский храм-
икона Божией Матери
«Живоносный Источник»**

нового объема стремятся ввысь, сливаясь с воздухом и растворяясь в окружающем пространстве» [138].

Нижний ярус – это церковь Усекновения главы Иоанна Предтечи (с приделом апостола Андрея Первозванного), занимающая 1-й этаж. Но таковой она является лишь по внутреннему своему содержанию. Снаружи, как часть архитектурного плана здания, нижняя церковь соответствует в сюжете «Живоносного Источника» бассейну (водоему), крестообразную форму которого, как на иконе, в точности повторяет основание хиринского храма.

Можно сказать, хиринская церковь как раз и есть воплощенный в камне сюжет, традиционно изображаемый на иконе Пресвятой Богородицы, именуемой Живоносной Источницей. Русский православный писатель Е. Поселянин описывал ее так: на иконе *«представлена высокая, громадная каменная чаша, стоящая в широком водоеме, полном воды. Над чашей парит Пресвятая Дева с Предвечным Младенцем на руках, венчанная короной. К водоему, полному животворной воды, стеклись жаждущие; несчастные, утомленные жизнью, пьют воду и становятся сильными и бодрыми. Какой прекрасный символ ...»* [139].

Появление этого сюжета в христианской традиции связано с чудесным событием, произошедшем в середине V века по Р.Х., о котором повествуется в церковном синаксаре пятницы Светлой седмицы, когда Православной Церковью установлено празднование в честь Живоносного Источника Божией Матери.

Случилось это в Константинополе. Воин Лев (400–474), в прошлом обычный мясник, за что и получил прозвище Макелла, а в будущем – римский император Лев I (457–474), названный историками Великим, однажды в роще близ Золотых врат, издавна посвященной Божией Матери, встретил слепца, который попросил подать ему воды, чтобы утолить жажду. Лев откликнулся на эту просьбу (составитель сказания называет его человеком добрым и смиренным), однако он долго не мог найти источника. Вдруг Лев услышал голос самой Пресвятой Богородицы, Которая назвала его «царем» и указала путь к источнику, находившемуся в густых зарослях. При этом Она велела ему приложить тину «от сея мутная воды» к глазам слепца, что Лев в точности и исполнил. Слепой тут же прозрел, а воин, став впоследствии императором и памятуя о свершившемся с его участием чуде, велел этот источник очистить и воздвиг над ним храм, который был назван – для засвидетельствования чудесной силы, от него исходящей, Живоносным, или Живоприемным Источником Божией Матери. Храм этот просуществовал до середины XV в., а после взятия турками Константинополя был полностью разрушен.

В 1834-1835 годах, когда при султани Махмуде религиозные запреты для христиан в Османской империи несколько ослабли, на этом месте снова был возведен храм, освященный с великим торжеством вселенским патриархом Константином в сослужении 20 архиереев и при громадном наплыве богомольцев. В память этого события – обновления храма – и было установлено переходящее празднование Живоносному Источнику Божией Матери в пяток Светлой седмицы. Храм этот, кстати, существует и поныне на территории православного монастыря Балыклы в современном Стамбуле.

Ранние списки иконы Богоматери «Живоносный Источник», появившиеся в Византии задолго до османского завоевания, судя по всему, не имели изображения источника. Последующее усложнение иконографического сюжета привело к тому, что в композиции появилась сначала чаша (фиала), а затем – водоем и фонтан.

*Икона Божией Матери
«Живоносный Источник»
предположительно работы
Симона Ушакова, 1670 год.
Из собрания Московского
Новодевичьего монастыря*

Из истории саровской Живоносицы известно, что она была принесена туда в 1706 году духовным другом первоначальника Иоанна и одним из первых вкладчиков обители – арзамасским посадским человеком Иваном Васильевичем Масленковым [141]. По другой версии, «икона Пресвятой Богородицы с изображением Ее явления на живоносном источнике [...] принесена сюда основателем церкви Богоматернего Живоносного источника, построенной в честь и во имя Ее, первоначальником пустыни иеросхимонахом Иоанном в первых годах прошлого столетия. При своей древности икона эта известна как чудотворная. Пред нею нередко заставлял молиться своих посетителей старец Серафим, внушая им искать у Нее духовного утешения и исцеления в телесных недугах». [142].

Этот образ хранился в одноименной церкви (она – единственная из саровских построек, которая уцелела в пожаре 1712 года), для которой Путятины, как мы уже упоминали, пожертвовали в 1722 году резной иконостас. А учитывая тесные связи хиринских помещиков с Саровской пустыней и ее священноначалием, о которых говорилось

Распространение этого сюжета в отечественной иконописи приходится на середину XVII века, после того как в 1654 году, при патриархе Никоне, в состав русской Цветной Триоди была включена служба иконе Божией Матери «Живоносный Источник» и «Сказание о Ней», созданные Никифором Каллистом, а несколькими годами позже в сборнике «Небо Новое» (Львов, 1665 г.) был приведен составителем рассказ о 16 чудесах в главе «Чуда Пресвятой Богородицы от Источника Ея» [140]. Наконец, в 1668 году знаменитым русским изографом Симоном Ушаковым была написана икона Богоматери «Живоносный Источник» с чудесами, изображенными в 16 клеймах по ее периметру.

Однако самой известной и наиболее почитаемой на Руси иконой, писанной на этот сюжет, был саровский образ Божией Матери «Живоносный Источник», всегда считавшийся главной святыней этой прославленной обители. В 1927 году при закрытии монастыря образ этот исчез и судьба его не установлена до сих пор.

*Чудотворный образ Божией Матери
«Живоносный Источник» – главная
святыня Саровской пустыни*

*Преподобный
Серафим Саровский*

выше, можно предположить, что список (копия) саровской Живоносной Источницы вполне мог быть одной из главных домашних святынь для нескольких поколений Путятиных.

5 сентября 1732 года новый строитель Саровской пустыни иеромонах Дорофей с благословения первоначальника Иоанна обратился в Синодальный казенный приказ с прошением, в котором писал: «в обители нашей в Саровской пустыни имеется теплая деревянная церковь во имя Живоносного Ея источника, которая весьма обветшала, и в прошлом 1732 г. по прошению нашему дан указ о строении другой деревянной церкви Преображения Господня, но мы еще и поныне строить не начинали, а ныне обещают вкладчики построить теплую каменную церковь во имя Живоносного Ея Источника с приделом преподобных и богоносных отец Антония и Феодосия, Печерских чудотворцев», а потому просил «о строении и освящении означенной церкви с приделом дать указ». Таковой и был ему вручен от

властей церковных 11 сентября 1733 года, которым: «по челобитью Саровские пустыни строителя иеромонаха Дорофея с братьею, велено против их челобитья во оной Саровской пустыне вместо ветхой деревянной церкви на том же церковном месте построить вновь тот же престол каменной во имя Живоносного источника да придел Преподобных и Богоносных Отец наших Антония и Феодосия Печерских чуд<отворцев>»* [143].

Строительство нового храма, где должна была разместиться главная святыня Саровской обители – икона Живоносного Источника – началось, вероятно, еще при жизни Степана Ивановича Путятина. Быть может, он даже был одним из тех вкладчиков, упоминаемых в челобитной Дорофея, выразивших желание поспособствовать возведению каменной церкви и наверняка хлопотавших вместе с саровскими монахами в Московской Синодальной конторе именно о таком решении вопроса.

Постройка саровской церкви Живоносного Источника была окончена к 1744 году. Но далее случилось непредвиденное: вопреки указу Синодальной конторы от 1733 года, вопреки воле приснопоминаемого иеросхимонаха Иоанна (†1737) и желанию монашествующих обители, чтивших заветы первоначальника, преосвященный Димитрий (Сеченов), епископ Нижегородский и Алатырский, не согласился с братией и единолично принял решение освящать храм в честь Успения Божией Матери, почему – неизвестно [125].

Так и получилось, что главный храм монастыря, ставший его первой каменной постройкой, сделался Успенским, определив название и всей обители, в XIX веке официально именовавшейся «Сатисо-Градо-Саровской Свято-Успенской мужской пустынью» Темниковского уезда Тамбовской губернии.

Многие богомольцы, болевшие душой за монастырь и особенно почитавшие главную саровскую святыню – Живоносную Источницу, тогда восприняли это

* В «Кратком историческом описании Саровской пустыни», составленном игуменом Маркеллином, указывается, что начало строительства этой церкви относится к 1730 году. Эти данные, как можно заметить, несколько расходятся с документально подтвержденными фактами, известными из публикации Холмогоровых. Поэтому более поздняя дата начала строительства храма заслуживает, на наш взгляд, большего доверия.

волевое решение нижегородского архиерея как несправедливость. Возможно, отголоском той истории как раз и явился архитектурный проект, реализованный в своем имении А. А. Путятиным.

Добавим к тому, что хиринский храм, «Предтеченско-Живоносицкий», мог быть задуман создателем еще и как образ Саровской пустыни в миниатюре, поскольку церкви Усекновения главы Иоанна Предтечи и Живоносного Источника

Божией Матери с первых лет существования обители были узнаваемыми и дорожими для Путятиных священными символами саровской духовности. В каменном исполнении (вместо прежних деревянных церквей) они появились в монастыре в 1752 и 1758 году соответственно.

Расположение хиринского храма на берегу живописного пруда, по замыслу создателя, должно было еще ярче подчеркнуть символическую связь его с водной стихией, усиливая вместе с тем и общее эстетическое впечатление. Не исключено, что пруд специально расширяли таким образом, чтобы церковь, если смотреть на нее с севера – со стороны дороги и главной (транзитной) улицы села, оказалась стоящей по центру береговой зоны. Благодаря этому достигался необычайно сильный по своему эстетическому воздействию зрительный эффект, когда храм словно парит в воздухе над прудом, в ясную и безветренную погоду *«отражаясь полностью в его воде. И кажется, что храма два. Один на этом свете, а другой где-то в зазеркалье...»* [137].

Таким образом, по всему выходит, что путятинская церковь в Хирине по ведомостям хотя и именовалась всегда Предтеченской, но в действительности она, будучи задумана и реализована как богородичная икона в камне, по сути своей была именно «Живоносицкой», или просто – Живоносным Источником.

Впрочем, в данном случае новый религиозный сюжет, получивший по замыслу создателя главенствующее значение в архитектурной композиции, вполне орга-

Внутренний вид Саровской пустыни (вид с колокольни). Фото М. Дмитриева

Успенский собор Саровской пустыни, изначально строившийся как храм, посвященный иконе Божией Матери «Живоносный Источник»

*Александр Николаевич
Муравьев (1792–1863),
нижегородский губернатор
в 1856–1861 годах*

нично наложился на традиционный, связанный с почитанием в Хирине Предтечи Господня Иоанна, церковь в честь которого была возведена здесь еще первым из Путятиных в начале XVII века. Для пояснения снова обратимся к истории Саровской пустыни и вспомним, что когда в 1849 году будущий нижегородский губернатор А. Н. Муравьев посетил паломником Саровский монастырь, то под впечатлением от Предтеченской церкви, поставленной *над источником*, он отметил в своих «Записках», что *«весьма прилично посвящена она Крестителю, [находясь] над водами, на коих совершается освящение Иорданское...»* [144].

Действительно, Иоанн Креститель – один из наиболее традиционных персонажей, связанных с использованием воды в обрядах Православной Церкви. И он же, если обратиться к священной истории, символизирует собой переход Церкви от Ветхого к Новому завету, проповеданному Христом после того, как Иоанн окрестил Его в водах Иорданских.

Исходя из этого, два яруса хиринской церкви вполне можно прочесть еще и как образ священной истории, где эпоха Ветхого Израиля, уходя в прошлое (низ), сменяется эпохой новозаветной Церкви Благой Вести, возвещенной Спасителем и приближающей всех верующих в Него к небесам обетованным (верх). Ибо *«закон и пророки до Иоанна; с сего времени Царствие Божие благовестуется, и всякий усилием входит в него»* (Лк. 16:16). Прочитав слова Христа об «усилии», через употребление которого только и можно попасть в горний мир, еще раз вспомним высокие и «неудобные» лестницы-балясы, в устройстве которых, как считал Н-ков (повторим цитату): *«выразилась слабая сторона древней архитектуры, задача которой, по-видимому, состояла в том, чтобы строить твердо, прочно, но в то же время мало обращая внимание на удобство и красоту»* (выделено мной. – Л. М.).

Некоторые конструктивные особенности внутреннего устройства хиринского церковного здания позволяют продолжить и углубить обнаруженные параллели. Войдем сначала в нижнюю церковь. Она, как следует из вышесказанного, занимает в композиции подчиненное положение, что соответствует месту в христианской истории Иоанна Предтечи – последнего ветхозаветного пророка и первого новозаветного мученика. И получается, что она как бы «усечена» надстроенной сверху Живоносницкой церковью, при-

*Саровский храм в честь
Усекновения главы Иоанна
Предтечи, поставленный
над источником.
Фото М. Дмитриева*

обретая от этого стеснения по высоте вид в некотором смысле «темничный», что связано опять же с евангельским сюжетом усекновения главы Крестителя в темнице. На это обращает внимание и автор статьи в «Нижегородских губернских ведомостях»: «Вследствие величины колонн промежутки между ними получили форму арок, которые и служат единственными проводниками света в окна нижней церкви, отчего в ней всегда ощущается недостаток света». И далее продолжает: «Но насколько **тесна и мрачна** нижняя церковь (выделено мной. – Л. М.), настолько светла и удобна верхняя. Высота ее внутреннего помещения достигает 11 сажен, считая вместе и купола. На высоте 7 сажен помещаются хоры. Иконостас состоит из семи ярусов, завершаясь крестом Распятого Христа. [...] Потолки и стены храма украшены картинами, изображающими большею частью библейские события. В общем своем виде верхняя церковь производит очень сильное впечатление. Преосвященный Модест, посетивший в 80-х годах хиринский храм, обратил внимание на красивое устройство верхней церкви и в своей речи, произнесенной пред народом, выразил мысль, что храм «первый по фигуре» и красоте среди сельских церквей».

*Усекновение главы
Иоанна Предтечи в темнице.
Греческая икона*

Не будем много добавлять к сказанному, обратим лишь внимание читателей на расположение хоров (клиросов), где во время служб в верхней церкви располагались певчие, – они, как известно, в церковном богослужении символизируют собой хоры ангелов, прославляющих Бога и Его Пречистую Матерь. Так вот, если снова вернуться к сюжету иконы Живоносного Источника, то мы увидим, что по обе стороны от Богородицы парят в облачной дымке предстоящие Ей архангелы: слева – Михаил, грозный предводитель Небесного Воинства, а справа – Гавриил, возвестивший Марии Благовест.

*Преосвященный Модест,
епископ Нижегородский*

Таким вот получился этот удивительный храм, сложность и смысловая глубина композиции которого, на наш взгляд, выдают очень личное отношение его создателя к своему архитектурному детищу, в котором по закону жанра должно быть предусмотрено место и для него самого. И здесь, конечно, нужно вспомнить последний эпизод исследуемого нами иконописного сюжета: на иконе Живоносной Источницы множество людей с верой и надеждой черпают живительную влагу от фонтана Божией Матери и утоляют ей свою духовную жажду, находя

утешение в скорбях и болезнях. Не среди них ли должны мы искать нашего князя Путятина?..

Мы предположили, что, потеряв еще в молодости всех своих родных – отца, дядю и брата, затем похоронив деда и бабу, Алексей Алексеевич остался «единственным в роде своем». В дальнейшем богатое наследство, благополучно складывавшаяся карьера и удачная женитьба на Анастасии Барятинской, представительнице одного из самых знатных княжеских родов России, заслуженные уважение и почет от властей гражданских и церковных, яркая светская жизнь в кругу видной московской аристократии должны были, казалось бы, доставить ему счастье, но... у Путятина не было детей, и перед лицом смерти он оказался не только единственным, но и *последним в роде своем*.

Поэтому, возможно, одним из тайных мотивов строительства и посвящения храма именно Живоносной Источнице была эта личная трагедия четы Путятиных, которые так и не смогли родить детей, хотя, видимо, надеялись до конца. Они, конечно же, хорошо знали, что в истории чудес, явленных от Живоносного Источника, были известны случаи благополучного деторождения и исцеления от бесплодия, как сказано о том в синаксаре пятницы Светлой седмицы: *«и неплодныя разреши: яко и царица Зоя неплоды суици прият дар от сего источника, сына Константина Порфиrogenита»* (в литературном переводе: «и бесплодных разрешал, как даром этого источника был родившийся у царицы Зои сын Константин Багрянородный». – Л. М.).

Так уходили годы, а наследников Господь все не давал. Путятины ездили по монастырям, щедро жертвовали на церковные нужды, строили храмы. Попечением и трудами А. А. Путятина появлялись новые церкви в его помещичьих имениях, из которых, в частности, известны Успенская (1765) – в селе Князевке (Ардым) Пензенской провинции и Казанская (1782) – в селе Панове Арзамасского уезда [145], а вероятно были и другие. Помимо строительства новых храмов, в их имениях обновляются и благоукрашаются старые. Путятины числятся также в списках благодетелей, способствовавших обновлению Арзамасской Высокогорской пустыни [146]; разумеется, и Саровскую обитель своими милостями они не оставляли. А нужно вспомнить еще Москву, где Путятины жили, и Подмосковье, с их бесчисленными храмами и монастырями, а также Ярославскую губернию, где находились имения Анастасии Ивановны, – наверняка, в этом списке тоже окажется немало мест, где историками еще будут найдены следы благотворительной деятельности этого семейства.

Единственным по-настоящему близким человеком Алексея Алексеевича, делившим с ним все радости и скорби суетного земного пути, была его супруга Анастасия Ивановна. Но в октябре 1789 года она умирает, и Путятин остается совсем в одиночестве. Утруженный годами и больной человек, чей автограф на документах того времени обнаруживает заметное дрожание ослабевшей руки, берется хлопотать о том, чтобы тело его супруги разрешили похоронить в дорогой для них обоих Саровской обители. Так появилось в Московской Синодальной канцелярии «всепокорнейшее прошение» следующего содержания: *«Супруга моя княгиня Настасья княж Иванова дочь Путятина, будучи здесь в Москве, сего Октября 8-го числа скончалась, а при жизни своей завещала, чтоб тело ее по отпении здесь в Москве погребсти Суждальской епархии в Саровской пустыни. Того ради Святейшаго Правительствующаго Синода кантору всепокорнейше прошу о погребении означенного умершей супруги моей в показанной Саровской пустыни тела во оную Саровскую пустынь предписать указ»*.

Суждение об этом деле имели тогда Высокопреосвященнейший Платон, митрополит Московский, и протоиерей Успенского собора Александр Левшин, вынесшие

определение о даче просителю желаемого указа со следующим предписанием: *«Когда показанное тело в помянутую Саровскую пустыню привезено и от светской команды письменное дозволение объявлено будет, тогда не чиня вторичного надгробного отпевания, в той пустыне погребсти дозволити, и о том к Преосвященному Виктору, епископу Суздальскому, послан указ»*. Однако в декабре того же 1789 года князь Путятин вернул данный ему конверт с указом в Московскую Синодальную контору обратно за ненадобностью, пояснив в сопроводительной записке следующее: *«Как уведомился я, что в показанной Саровской пустыни тел женского пола не погребают, то оное покойной супруги моей тело по дозволению Синодального члена Преосвященного Платона, митрополита Московского, погребено в Боровском Пафнутиеve монастыре, почему означенной запечатанной в конверте указ [...] представляю при сем обратно»* [147].

А спустя полгода после смерти своей нежно любимой супруги – 26 апреля 1790 года – скончался в Москве и сам Алексей Алексеевич Путятин, вдов и бездетен. Из-за этого в Хирине, как гласило местное предание, пришлось приостановить работы по возведению каменной колокольни, которую начали было пристраивать к церкви с западной стороны в конце 1780-х годов. В течение столетия память об этом эпизоде сохранялась хиринскими крестьянами, которые точно знали, как и почему появилась рядом с храмом эта «несоразмерная» колокольня, и кто-то из старожилов поведал о том в 1890-е годы автору неоднократно цитировавшейся нами статьи: *«В то время, когда колокольня, начатая по широте своей пропорционально величине церкви, была доведена до половины второго яруса, неожиданно помер архитектор-строитель А. Путятин. Недостаток материала и отсутствие умелого и опытного руководителя в продолжение церковных работ заставили мастеров изменить тот план колокольни, какой намечен был Путятиным, и значительно сократить объем и высоту ее»* [9].

Так что создателем хиринской церкви, автором проекта ее и непосредственным руководителем строительства с учетом всего вышесказанного, действительно, мог быть сам помещик А. А. Путятин, хотя ни в одном современном справочнике, ни в одном специальном издании, посвященном истории каменного зодчества XVIII века, имени такого архитектора мы не найдем. Возможно, это только вопрос времени...

Путятинский род, да не тот: странная история с наследством

После А. А. Путятина, умершего в столице, остался в Хирине, помимо возведенной им церкви и недостроенной колокольни, трехэтажный бревенчатый дом со службами и с прилегающими к усадьбе липовыми аллеями и садом фруктовых деревьев – все это помещичье хозяйство располагалось к востоку от церкви, как видно на межевых планах того времени.

Кроме села Хирина, числились за ним к моменту его смерти одновотчинные деревни Ключищи и Выселки (впоследствии именовавшиеся Хиринскими Выселками). В Арзамасском же уезде находились в его владении недвижимые имения в селах Панове, Своробоярском, Ичалове и в деревнях Выползове, Озерках и Пасьянове, несколько сел и деревень в землях Пензенского и Саратовского наместничеств, а также, вероятно, оставшиеся от жены имения в уездах Ярославского наместничества, да наверняка еще какие-то дачи в Подмоскowie.

Главными наследниками арзамасских владений (про другие мы достоверно не знаем) были Яков и Петр Федоровичи, князья Шаховские, приходившиеся покойному Путятину внучатыми племянниками: их бабка Александра Алексеевна, урожденная Путятин, в замужестве Шаховская, была нашему помещику родной сестрой. Им же, Шаховским, должна была отойти и хиринская вотчина.

Схоронив «деда», как они его называли, обрадованные перепававшему наследству, братья приступили к оформлению бумаг. Однако по прошествии месяца открылись чрезвычайные обстоятельства, которые поначалу повергли их в состояние легкого недоумения, сменившегося затем раздражением и, наконец, досадным разочарованием. Оказалось, что незадолго до своей кончины А. А. Путятин написал некое духовное завещание, о котором Шаховские не знали, где говорилось о том, что свои родовые селения (к которым относились Хирино, Ключищи и Выселки) и земли, к ним прилежащие, желает он оставить в роде своем, а потому отдает их в «вечное и наследственное владение» действительному камергеру князю Николаю Авраамовичу Путятину. Особо была выражена воля наследодателя по поводу деревни Пасьяновой, которая отошла детям Николая Васильевича Леонтьева (1739–1824), известного государственного деятеля, сенатора, писателя, поэта и переводчика. Какие отношения связывали А. А. Путятин с этой семьей, нам пока неизвестно.

Шаховские были очень удивлены такому повороту событий, что видно из формулировок, использованных при составлении прошения о вводе их во владение доставшимися по наследству от деда селениями, где они писали: *«по смерти его ко всему имению состоим мы законные наследники»*, а *«что же принадлежит до состоящего за ним же имения до села Хирина и деревень Ключищ, Выселок и Пасьяновой, о тех просить мы будем впредь»* [148].

Уверенные, вероятно, в том, что вся эта ситуация – в лучшем случае какое-то недоразумение, а в худшем – результат преступной фальсификации (подделки документов), князья Шаховские пошли искать правды и взялись оспаривать дело в дворянских судах, но чем дальше поднималось оно по инстанциям, тем очевиднее

*Николай Авраамович
Путятин*

становилось, что выиграть судебный спор им не удастся. Точку в этом деле поставил правительствующий Сенат, который признал завещание А. А. Путятина подлинным и тем самым окончательно утвердил его юридическую силу.

С этого времени новым законным владельцем Хирина, Ключищ и Выселок становится князь Николай Авраамович (Абрамович) Путятин (1749–1830), который в некоторых позднейших документах, связанных с владельческой историей хиринского имения, упоминается как *троюродный брат* наследодателя.

А был этот Николай Авраамович сыном некогда весьма влиятельного оренбургского губернатора Авраама Артемьевича Путятина (1710–1769) – одного из наиболее заметных государственных деятелей екатерининского времени. В молодости Николай, как и все дворяне того времени, служил в армии, но там обнаружилась сентиментальная сторона его

натуры: «став свидетелем потрясшей его экзекуции – порки кнутом, [он] со службы уволился» и в дальнейшем сделал неплохую карьеру по гражданскому ведомству.

В 1778 году Н. А. Путятин оказался виновником большого скандала, когда вдруг стало известно о давних любовных отношениях, связывавших его с Елизаветой Карловной Сиверс, дочерью обер-гофмаршала Карла Сиверса и женой Якова Сиверса,

племянника и протеже ее отца. За развитием этой неприятной истории следила тогда сама государыня императрица Екатерина II. В конце концов, после громкого развода в семействе Сиверсов, еще долго являвшимся предметом светских сплетен среди петербургской аристократии, Путятин и его возлюбленная в январе 1882 года поженились и, не желая впредь ловить на себе косые взгляды великосветской публики, сочли за лучшее покинуть Россию.

С этого времени Путятин много путешествует по Европе, а с 1797 года поселяется в Саксонии, в пригороде Дрездена под названием Кляйнцшахвиц. Здесь

*Усадьба Н. А. Путятина в Дрездене
(Кляйнцшахвиц), 1811 год*

*Памятник Н. А. Путятину
в Дрездене на площади его имени.
Фото Г. Карлиной*

по проекту Путятина была построена весьма оригинальная вилла с 16 балконами и башней в форме минарета, а вокруг разбиты сад и парк, украшенный гротами и руинами, доступный для всех желающих и широко известный даже за пределами Дрездена. Прозванный за свои странности, экстравагантные костюмы и необычный стиль жизни «дрезденским оригиналом», князь Путятин вызывал у местных жителей уважение и интерес. Он много жертвовал на благотворительность, построил здесь сельскую школу, любил просвещение и в часы досуга предавался философским размышлениям, из которых родилось его сочинение *Worte aus dem Buche der Bücher* («Слова из Книги книг»), вышедшее в 1824 году на немецком языке и никогда не издававшееся на русском.

Он прожил почти 81 год и умер там же, в Дрездене, похоронен в Дессау, в спроектированном им же фамильном склепе, где похоронены также его жена и дочь. До сего

времени имя и память о «фюрсте» Путятине является одной из достопримечательностей Дрездена, где многое напоминает о более чем 30-летнем пребывании его в этих краях, в том числе недавно поставленный ему памятник на площади его же имени [149].

Такова в общих чертах, без особых подробностей, биография последнего из Путятиных, владевшего селом Хириным с деревнями чуть менее трех десятилетий.

Но вернемся все-таки к последней воле завещателя.

Кажется, что все здесь вроде бы логично и по-человечески понятно. Представим, вот готовится к смерти бездетный Алексей Алексеевич Путятин, «последний в роде своем», воспринимавший отсутствие прямых потомков – продолжателей истории своего славного рода и имени – не только как личную и семейную драму, но и как родовую трагедию. А тут появился представитель того же древнего княжеского рода – «троюродный брат» – значит, в нем течет та же благородная кровь общего пращура. А на повестке дня – судьба исторических земель, поистине знаковых для этой ветви Путятиных, ибо в вотчину князю Ивану Семеновичу они пожалованы были в год воцарения Романовых за участие в событиях Смутного времени, связанных со спасением Москвы и Отечества.

Да, все правильно, если бы не два «но».

Первое – это полная неожиданность появления в числе наследников Н. А. Путятин, который к тому же явно не испытывал сильной ностальгии по России, приятно проводя время рядом с обожаемой им супругой в «просвещенной» Европе. Искреннее удивление Шаховских и уверенность в благоприятном для них исходе судебного дела явно свидетельствует, что в ближний круг наследодателя он не входил. Потому они до последнего не верили, что все это может быть правдой.

А второе «но» связано с существованием рукописи, которая называется «Поколенная выпись о роде Путятиных, собранная князем Авраамом Артемьевичем Путятиным и законченная князем Сергеем Алексеевичем Путятиным в 1820-х гг.»* [150]. Наличие ее означает, что еще в 1760-е годы работа по первичному сбору материалов для родословия князей Путятиных проводилась упоминавшимся ранее оренбургским губернатором Авраамом Артемьевичем Путятиным – отцом новоявленного хиринского помещика, которому эти записи, очевидно, были хорошо знакомы и находились в его распоряжении после смерти родителя в 1769 году.

Обратившись непосредственно к содержанию этих записей, мы увидим, что предком Авраама Артемьевича Путятин в пятом колене является уже известный нам новгородский князь Иван Семенович Путятин, *«по прозвищу Люль, которого Великий Князь Иван Васильевич (так в рукописи, хотя это явная ошибка. – Л. М.) пожаловал городом Орешком»*. Но там нет никаких данных о другом князе Иване Семеновиче Путятине, *арзамасце*, и, соответственно, о его потомках – владельцах хиринской вотчины.

Не этими ли обстоятельствами объясняется неожиданное появление Николая Авраамовича Путятин рядом с умирающим бездетным Алексеем Алексеевичем?! Быть может, виной тому неточность или неполнота собранной оренбургским губернатором путятинской родословной? Ведь в соответствии с ней наш хиринский вотчинник и ретировавшийся из России тайный советник и камергер император-

* Эти материалы С. А. Путятин – внук Авраама Артемьевича и, соответственно, родной племянник Николая Авраамовича, готовил для подачи прошения о включении себя с семейством в Дворянскую Родословную Книгу Рязанской губернии.

ского двора могли показаться друг другу потомками одного легендарного предка, жившего в эпоху Смуты.

О том, что некая ошибочная (или искаженная?!) родословная Путятиных могла существовать в каких-то рукописях, косвенно может свидетельствовать и тот факт, что в 1886 году в Санкт-Петербурге вышла в свет двухтомная «История родов русского дворянства», составленная историком-энциклопедистом Петром Николаевичем Петровым, разбиравшим отечественные архивы. Весьма симптоматично, на наш взгляд, что на страницах своего труда автор, как бы «исправляя» официальную родословную Путятиных, берется в очень категоричной форме утверждать, что у Ивана Семеновича по прозвищу «Моль» (хотя он «Люль» – здесь Петров допускает ошибку при разборе текста рукописного источника. – Л. М.) «на самом деле» было не четыре, как показывает тверское родословие, а целых семь сыновей. К ним Петров, помимо Даниила, Богдана, Юрия и Романа, довольно безапелляционно относит также ветвь арзамасца Ивана Семеновича Путятина – Гавриила, Ивана (дворянина московского в 1636 году) и Федора – отца Ивана и деда Степана Ивановича, родившего двух сыновей: Андрея (бездетного) и Алексея – отца также не имевших потомства Алексея и Петра Алексеевичей [151]. Но даже принимая в расчет хорошо известную современным исследователям «вольность» обращения Петрова с историческими материалами, все-таки едва ли возможно, чтоб такую «смелую» интерпретацию родословия Путятиных он, явно не проводивший серьезного сравнительного анализа исторических источников, мог предпринять совершенно без оглядки на некую рукопись, уверившую его в обоснованности собственных выводов.

А это значит, что в конце 1789 – начале 1790 года вполне можно представить себе такую ситуацию, когда Николай Авраамович Путятин, «скитающийся» по Европе, вдруг обнаруживает себя (внезапным личным визитом, письмом или через посредников) перед помышляющим о скорой смерти Алексеем Алексеевичем Путятиным, вдовым и бездетным, знакомит его с содержащим известные «неточности» родословием князей Путятиных, согласно которому оба они являются потомками общего предка – Ивана Семеновича Путятина. Дальнейшее предугадать несложно...

Хотя, даже и окажись Иван Семенович Путятин их общим предком, это не сделало бы их троюродными братьями – их степень родства была бы гораздо дальше. Тогда, возможно, по женской линии?.. Но причем здесь тогда род князей Путятиных и правопреемство в отношении их родовой хиринской вотчины?!

Как бы то ни было, все эти рассуждения ни в коем случае не объясняют странность последнего волеизъявления Алексея Алексеевича Путятина. Догадок и предположений здесь пока несоизмеримо больше, чем фактов и доказательств. Но будем надеяться, что со временем архивы дадут ответы и на эти вопросы.

Зато точно известно, что Н. А. Путятин с момента утверждения завещания Сенатом становится законным владельцем хиринской вотчины. Обиженные Шаховские, проигравшие дело в судах всех инстанций, еще долго потом тягались с новоиспеченным хиринским помещиком о разных пустошах и границах смежных между ними земельных владений. Но это уже было не так интересно.

В целом за те 27 лет, в течение которых служители Н. А. Путятина распоряжались в Хирине и приписных к нему деревнях, жизнь там текла обычным порядком: крестьяне пахали землю, жали хлеб, женились, рожали детей, платили оброк, сдавали рекрутов и т.д. Да еще вот колокольню достроили, отступив от первоначального плана, намеченного прежним помещиком, «значительно сократив объем и высоту ее»...

5. Господа Балашевы

Знакомство с новыми владельцами

«Вечно владеть» хиринской вотчиной, как думал о том покойный Алексей Алексеевич Путятин, его правопреемник Николай Авраамович не пожелал, да и по наследству передавать ее было некому.

Поэтому 4 мая 1817 года коллежский советник Франц Францев сын Бель на основании доверенности от барона Бориса Васильева сына Искуля, поверенного князя Николая Авраамовича Путятина, продал Елене Петровне Балашевой имение в селе Хирине с деревнями Ключищи и Выселки, «в коих по нынешней 7 ревизии состоит мужеска пола крестьян 877 душ с их женами и рожденными после ревизии обоего пола детми, братьями, племянники, со внучаты, приемыши, с господским и крестьянским строением, имуществом, со скотом мелким и рогатым, с лошадми и со птицы, с хлебом стоячим, молоченным и в земли посеянным, со всеми принадлежащими к имению сему землями, лесами, сенными покосами, садами, прудами, мельницами, реками, озерами и рыбными ловлями, а также с людьми в бегах находящимися, словом, что толко к оному имению в Арзамасской округе принадлежит» [152].

Боровиковский В. Л. Елена Петровна Балашева с детьми

Дуу Дж. Портрет Александра Дмитриевича Балашева

Новая хиринская владелица Елена Балашева (1779–1823), урожденная Бекетова, состояла в браке с Александром Дмитриевичем Балашевым (1770–1837), крупным государственным деятелем Российской империи 1-й трети XIX века. В его послужном списке были должности Ревельского военного губернатора (1800–1802), Московского обер-полицмейстера (1804–1807), генерал-кригскомиссара (1807–1808), обер-полицмейстера Санкт-Петербурга (1808), наконец, Санкт-Петербургского военного губернатора (1809–1810). С учреждением 1 января 1810 года Государственного совета Балашев по настоянию Александра I был включен в его состав и вскоре назначен министром полиции Российской империи.

В 1812 году он занимался организацией народного ополчения, состоял чиновником особо важных поручений при монаршей особе и в этом качестве по поручению государя дважды в течение войны встречался с Наполеоном. В дальнейшем, после некоторого охлаждения к нему Александра I, Балашев вплоть до 1818 года – на дипломатической службе. В том же году, вполне в духе своего времени, он становится членом масонских лож «Соединенных Друзей» и «Палестины».

Последней значимой вехой в служебной карьере Балашева была должность рязанского генерал-губернатора (1820–1828), чьи властные полномочия распространялись на огромный экспериментальный административный округ, включавший в себя помимо Рязанской еще Воронежскую, Орловскую, Тамбовскую и Тульскую губернии.

В 1823 году в Рязани умирает его супруга Елена Петровна. Еще через два года оставляет престол император Александр Павлович, к которому Балашев, несмотря на бывшие между ними когда-то недоразумения, испытывал глубочайшую верноподданническую любовь и уважение. *«Потери эти, – пишет его биограф, – имев гибельное влияние на расстройство его здоровья, заставляли его сойти с поприща, на котором он подвизался так долго и неутомимо. Он неоднократно просил увольнения от должности, которое и последовало в июне 1828 года. Он сохранил, впрочем, звание члена Государственного и Военного советов»* [153].

Дюу Дж. Портрет императора Александра I

После отставки Балашев много времени и сил отдает своим детям, а также обустройству нового родового имения в селе Покровском (Шапки) Шлиссельбургского уезда, приобретенного им в 1817 году – тогда же, что и хиринское имение его женой. Именно там, в Шапках, долгие годы располагалась главная домовая контора экономики Балашевых, откуда разлетались приказы и наказы по оперативному управлению многочисленными имениями и заводами, и куда, в свою очередь, стекалась вся хозяйственная и бухгалтерская отчетность с мест.

Краеугольным камнем балашевской экономической империи были крупные рудодобывающие предприятия на Южном Урале, или, как их тогда называли, «железодельные заводы», вокруг которых сложился Симский горный округ*.

Для того чтобы лучше понять новое положение, в котором оказались крестьяне села Хирина и деревень Ключищи и Выселки, сменившие владельца в 1817 году, обратимся теперь к истории семьи Балашевых, имевших по современным понятиям все основания называться «олигархами» тогдашней России.

Наследники промышленной империи Твердышевых и Мясникова

Середина XVIII века – время расцвета южноуральской промышленной империи симбирских купцов братьев Ивана и Якова Борисовичей Твердышевых, вершивших свои дела вместе со своим другом и компаньоном-шурином Иваном Семеновичем Мясниковым, женатым на их родной сестре Татьяне.

* Горный округ – административно-хозяйственная территориальная единица в дореволюционной России, объединявшая группу заводов с их земельными наделами под общим административно-хозяйственным управлением. Симский горный округ образован в 1800 году. В него входили заводы Симский (1759), Миньярский (1784), а позднее Аша-Балашовский (1898) с прилегающими к ним населенными пунктами, территориями и рудниками. Горный округ в своем составе имел медицинские учреждения, школы, жилые дома, собственную полицейскую службу, как юридическое лицо вел торговые операции.

*Башкир в доспехах, XVIII век.
Французская литография*

Башкирское поселение

Свою предпринимательскую деятельность эта оборотистая троица начала еще при Петре I, с которым, благодаря случаю, они сумели завести личное знакомство и получить хорошие преференции для развития своего дела.

С 1740-х годов их деловые интересы оказались прочно связаны с Оренбургским краем. Свои капиталы, ранее нажитые на торговле, винокурении и варении селитры, они методично вкладывали в развитие горнозаводского дела, сулившего, как безошибочно подсказывал им купеческий нюх, уже в ближайшем будущем огромные перспективы и баснословные доходы.

К концу 1760-х годов Твердышевы и Мясников – хозяева уже шести медеплавильных, нескольких чугуноплавильных и железоделательных заводов, в том числе двух Симских заводов, получивших название по имени реки Сим (притока Урала), по берегам которой расположились эти предприятия.

Восстание Емельяна Пугачева, центром которого стал Оренбургский край, нанесло в 1773 году сокрушительный удар по горнопромышленной империи Твердышевых-Мясникова. Яицких (уральских) казаков поддержало тогда и подавляющее большинство крепостного рабочего люда, доведенного до крайней степени ожесточения тяжелыми условиями заводского труда, и многие башкиры, таившие на горнозаводчиков Твердышевых кровную обиду за незаконно отнятые у них общинные земли.

Один из Симских горных заводов с деревнями и рудниками расположился как раз на тех территориях, которые Яков Твердышев в 1759–1762 годах при поддержке губернской администрации сумел отобрать у башкир Шайтан-Кудейской волости, возглавляемых тогда старшиной Юлаем Азналином. Несмотря на то что этот храбрый и опытный воин в прежние времена был удостоен многих наград и почестей от имперских властей, обида оказалась сильнее. В ноябре 1773 года Юлай Азналин и его 19-летний сын Салават Юлаев, посланные властями во главе карательного отряда против Пугачева, внезапно перешли на сторону повстанцев и затем больше года отчаянно сражались с правительственными войсками, одержав немало громких побед. Не забыли они и о «твердышевской неправде»: восставшие башкиры трижды приходили на Симский завод, многие «рабочные людишки» которого пополняли ряды пугачевцев и снабжали их оружием. А в последний раз это случилось 23 мая 1774 года, когда повстанцы под командованием пугачевского полковника Салавата Юлаева ворвались в Симский завод, перебили около 60 человек заводских служа-

щих, крестьян и работных людей, «и тот завод, фабрику с плотиной, церковь божью и все заводское селение сожгли» [154].

В итоге из 11 заводов Твердышевых и Мясникова 10 за годы войны были полностью разорены. Кошмарный 1773-й год не смог пережить глава горнозаводской империи Иван Борисович Твердышев. После его кончины фактическое управление компанией перешло к его брату Якову.

Пугачевщина миновала. Оренбургский край был разорен. Но несмотря на баснословные убытки компаньоны сумели восстановить свои заводы благодаря казенной ссуде, выданной им по личному распоряжению Екатерины II в размере 180 000 рублей в знак уважения к их прежним заслугам перед государством. К концу 1776 – началу 1777 года им удалось воссоздать практически всю инфраструктуру своего горнометаллургического дела: 9 из 10 разгромленных заводов к указанному времени полностью возобновили производство.

Но в 1780 году умирает Иван Мясников. А еще через 3 года – Яков Твердышев, последний из основателей промышленной горнозаводской империи. Твердышевы не оставили наследников, поэтому все имущество делили между собой четыре замужние дочери Ивана Мясникова. Последние, благодаря личному участию в их судьбе императрицы Екатерины II, составили в свое время завидную партию блестящим кавалерам двора Ее Императорского Величества: П. А. Бекетову, А. И. Пашкову, А. Н. Дурасову и Г. В. Козицкому.

По итогам раздела горнозаводской империи старшей дочери Мясникова Ирине, бывшей замужем за гвардейским полковником Петром Афанасьевичем Бекетовым (1732–1785), достались во владение Богоявленский медеплавильный и два Симских железоделательных завода.

Ирина Ивановна Бекетова (1752–1823/24), вступив во владение заводами, лично занялась их развитием и модернизацией, вкладывала значительные средства в увеличение производственных мощностей предприятий. Для увеличения численности заводских рабочих в начале XIX века ею были куплены и переселены на территорию Симского горного округа свыше 3000 крепостных крестьян из разных селений Нижегородской, Симбирской и Калужской губерний. Кроме того, много внимания

она уделяла благотворительности и просвещению: на территории одной только Оренбургской губернии ее стараниями было возведено несколько каменных храмов в классическом стиле, обустроено несколько школ и больниц в заводских поселках и деревнях. А после страшного пожара в Уфе, уничтожившего в 1821 году более половины города, на ее средства была отстроена там целая улица-слобода, долго носившая название Бекетовской (сейчас – Мустая Карима). Ее имя и по сей день стоит под № 1 в списке крупнейших бла-

Болотов А. Т. Казнь Пугачева на Болотной площади

готворителей и меценатов за всю историю края, хотя масштабы этой деятельности простирались, конечно, и далеко за пределы Оренбургской губернии.

После смерти Ирины Ивановны в 1823/24 году (точная дата нам неизвестна) состоялся очередной наследственный раздел, по которому южноуральские заводы обрели нового хозяина, которым стал ее сын Иван Петрович Бекетов, старший брат уже покойной к тому времени Елены Балашевой. А в 1827 году Симский горный округ за 2 млн рублей ассигнациями выкупил у своего шурина Александр Дмитриевич Балашев [155].

Горные заводы против села Хирина с деревнями

После смерти Елены Петровны село Хирино с деревнями согласно ее духовному завещанию перешло в совместное владение ее мужу Александру Дмитриевичу и трем их сыновьям: Петру (1811), Александру (1813) и Ивану (1815), до совершеннолетия которых опекуном должен был состоять их отец.

В сентябре 1834 года А. Д. Балашев ввиду ухудшающегося здоровья испросил себе у императора Николая I полную отставку от всех государственных должностей. Но весной 1837 года, когда он предпринял очередную поездку к лечебным водам, уже по пути за границу его состояние резко ухудшилось и 8 (20) мая 1837 года, находясь в Кронштадте, Александр Дмитриевич Балашев на 67 году жизни скончался [156].

После его смерти хиринское имение как часть огромного наследства с заводами и имениями в разных губерниях Российской империи унаследовали трое его сыновей, из которых старшему Петру было тогда 26, среднему Александру – 24, а младшему Ивану – 22 года. Вступая в права наследства, братья из любви и уважения к покойным родителям, повинувшись «души прекрасному порыву», дали друг другу слово, что будут владеть всем имуществом сообща и нераздельно. Но действительность оказалась к ним слишком жестокой.

9 (21) мая 1841 года в возрасте 25 лет умирает от ран, полученных в бою близ селения Ахатле на Кавказе, младший из трех братьев – адъютант военного министра штаб-ротмистр кавалергардского Его Величества полка Иван Александрович

Раев В. Е. Портрет Ивана Александровича Балашева

Балашев. По его духовному завещанию и согласно домашнему условию, ранее заключенному между тремя братьями, его часть наследства предназначалась среднему брату Александру. Почему – неизвестно, но договоренность была именно такой. Следовательно, после гибели Ивана 2/3 доли общего состояния Балашевых предназначались Александру и лишь треть – старшему Петру. Но согласно той же договоренности, выделение долей в натуре могло произойти лишь в случае смерти одного из оставшихся двух братьев, тогда как до того момента все семейное достояние Балашевых должно было, как и прежде, оставаться в их общем и нераздельном владении.

Поначалу все так и шло. Потеряв после родителей еще и младшего брата, Петр и Александр были полны решимости и дальше соблюдать свои договоренности. Однако в дальнейший ход

событий вмешался или какой-то злой рок, или, что более вероятно, чья-то сильная человеческая воля, которая помешала осуществлению этих благих намерений.

Загадочная болезнь, надломившая Петра Балашева, подтолкнула его нарушить ранее данные обещания и в 1844 году инициировать скорейший имущественный раздел. Целью этого раздела было выделение в натуре и закрепление за каждым из братьев своей части огромного наследного состояния Балашевых, которым они предполагали владеть совместно и нераздельно.

Петру тогда было всего 33. Прогрессирующий непонятный недуг, постоянное ухудшение самочувствия, сопровождавшееся высокой раздражительностью и чувством страха перед неизвестностью, по-видимому, сделали его легким объектом манипуляций и заложником чужих интересов в большой экономической игре, главной ставкой в которой были, конечно, южноуральские заводы.

В связи с этим небезынтересно будет узнать, что непосредственными участниками процедуры раздела, помимо самих хозяев, были еще трое: тайный советник Евграф Петрович Ковалевский (главный эксперт-консультант), полковник Карл Карлович Шван (оценщик) и полковник Василий Евграфович Самарский-Быховец – доверенный П. А. Балашева, осуществлявший все дальнейшие юридические действия и сыгравший в итоге очень большую роль в судьбе семейства Балашевых. Все они – люди весьма известные, достигшие на горной службе высоких чинов и должностей. Все трое в прошлом – блистательные выпускники Горного кадетского корпуса, а на момент раздела – действующие чины горного управления и, в частности, штаба Корпуса горных инженеров (далее КГИ)*.

Генерал-майор Петр Евграфович Ковалевский (1790–1867), будущий министр народного просвещения при Александре II, на 1843 год состоял директором Департамента горных и соляных дел, членом Горного аудиториата и членом Мануфактурного совета при Правительствующем сенате. За время его службы в горном управлении на него неоднократно возлагалось исправление должности управляющего штабом КГИ. Можно сказать, что на момент совершения раздела между братьями Балашевыми сенатор Ковалевский был одним из первых экспертов в российской горной отрасли.

Полковник Карл Карлович Шван всю свою служебную карьеру сделал в штабе Корпуса горных инженеров, дослужившись к 1851 году до звания генерал-майора, хотя о его должностях и заслугах мы сведений не имеем.

*Евграф Петрович
Ковалевский*

* Корпус горных инженеров – специальное (с 1834 года – военизированное) формирование в Российской империи, основная функция которого определялась как «заведывание распорядительной и искусственной частями горного, монетного и соляного производств». Главные структурные подразделения КГИ: Горный совет (председатель – министр финансов), ведавший общими вопросами развития горного дела и являвшийся совещательным органом при министре; Горный ученый комитет (председатель – директор Горного департамента), занимавшийся как теоретическими, так и практическими вопросами развития горного дела; Горный аудиториат (учрежден в 1837 году для рассмотрения военно-судных и следственных дел, относившихся к горному ведомству); штаб КГИ, ведавший инспекторской, технической и ученой частями горного ведомства.

Наконец, полковник Василий Евграфович Самарский-Быховец (1803–1870) – это друг и сослуживец Карла Швана (оба с 1834–35 года были дежурными офицерами штаба КГИ), с 1845–46 года назначенный на должность начальника штаба КГИ. Впоследствии Самарский-Быховец фактически занял место Ковалевского в системе горного управления, где он, говоря более неформальным языком, продолжал оставаться человеком Ковалевского, поскольку ему Василий Евграфович во многом был обязан своей служебной карьерой.

Но было и еще одно напрямую заинтересованное лицо – это всесильный генерал-фельдмаршал Иван Федорович Паскевич-Эриванский (1782–1856), тогдашний наместник и полновластный хозяин Царства Польского (1832–1856). Ведь именно его дочь Александра была замужем за Петром Балашевым, родив от него двух сыновей-наследников – Ивана (1840) и Николая (1842).

Раздельное дело, о котором идет речь, открывается обстоятельной и подробной оценкой всего родового состояния Балашевых.

Большую часть оценочной ведомости составляет, естественно, описание Симского и Миньярского горных заводов в Уфимском уезде Оренбургской губернии, или, как называет их источник: *«Два завода горные с принадлежащими к ним крепостными и заводскими людьми, землями, лесами, рудниками, со всеми строениями и устройствами и с двумя домами в г. Уфе и г. Лаишеве»* [157].

Оценщик Карл Шван, перечислив подробно все заводское имущество, включая 3 900 душ крестьян Подлубовской вотчины, 260 десятин земли, 15 рудников, плотины, доменный корпус с двумя печами и воздуходушными машинами, кричные фабрики со всеми механизмами и мехами, пильные мельницы, господский дом, рудовальные и углевалы сараи, симский госпиталь, разные машины и инструменты, все хозяйственные строения, включая контору в Симском заводе, мукомольные мельницы, магазины и проч., с прибавлением стоимости запасов в провианте, дровах, угле, чугуне, руде и т. д., оценил общую стоимость Симских горных заводов в размере не менее чем 4 085 000 рублей.

Эксперт Ковалевский в своих замечаниях, представленных на проект раздельного акта, указал, в частности, что *«Получивший заводы будет иметь дохода от 350 до 400 тыс. руб. А получивший прочее имение – от 200 до 220 тыс. руб., зато сей последний получит денежного капитала 1 150 000 рублей, который, полагая по 8% [годовых], дадут 92 тыс. рублей [ежегодно]. За всем тем по доходу выгоды будут на стороне заводов. Но при этом не должно забывать, что доходы с заводов, по соображениям, будут упадать, а с вотчинных имений при хорошем управлении возвышаться»*. Забегая вперед, заметим, что, когда в 1860-е годы в уральской металлургии разразится кризис, повлекший значительное падение объемов производства железа и чугуна, именно Симские заводы принесут владельцам хорошие прибыли, благодаря которым удастся построить к концу этого десятилетия еще один крупный металлургический завод в селе Илек.

«Наконец, дабы уравнивать обе части, – продолжал Ковалевский, – по моему мнению, будет совершенно справедливо и уравнительно, если одна часть получит заводы, а другая – вотчинное имение с домом с доплатою от первой 1 500 000 рублей. Этим как ценность, так и доходы будут по возможности уравнены» [158].

Оценщик, не согласившись с экспертом в большей части замечаний, разделил, однако, его мнение о том, что *«владение заводами представляет несколько более*

*Балашевские владения в Симском горном округе на Южном Урале
по фотографиям С. М. Прокудина-Горского, 1910 год*

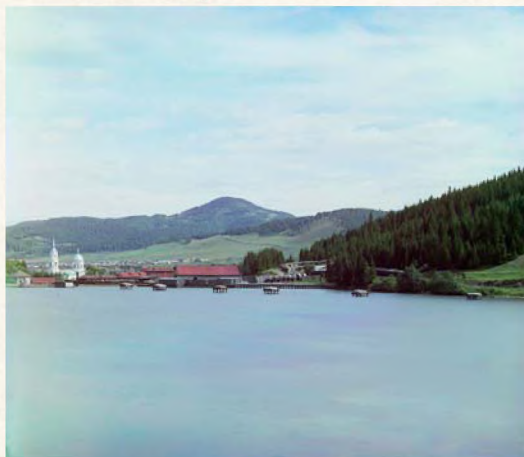
Долина реки Сим. Миньяр

*Общий вид на Миньярский завод
с Красной скалы*

*Вид на Миньярский завод.
Железнодорожный мост через реку Сим*

Общий вид Симского завода

Симский завод. Доменная гора

У Симского завода. Гора Заводская ишишка

страха, чем владение вотчинами или имениями; а потому проценты с заводов полагать наравне с процентами с вотчин, быть может, не совсем правильно» [159].

Таким образом, владение заводами было представлено экспертами очень обременительным и рискованным предприятием с неопределенными перспективами, тогда как владение недвижимыми имениями и вотчинами, как казалось, при меньших хлопотах давало гораздо больше уверенности владельцу в получении гарантированных и стабильных доходов.

Заводы в интересах кооперации экспертами было рекомендовано не разделять. Согласившись с этим условием, Балашевы решили все свое наследное состояние распределить по долям таким образом, чтоб одному из братьев достались Симские заводы, а другому – все имения в Санкт-Петербургской, Саратовской, Тульской, Рязанской, Нижегородской (в т.ч. Хирино с деревнями) и Оренбургской губерниях, а также недвижимые имущества в городах. Для уравнивания доходности с долей та сторона, которая получит заводы, должна будет уплатить другой 1 500 000 рублей ассигнациями.

Оставалось только определить, кому именно из братьев отойдут предприятия с месторождениями, а кому – благоприобретенные имения, вотчины и недвижимые имущества в городах.

Жребий, который был предreshен

В архивном деле имеется рукопись без начала, которая сообщает чрезвычайно интересные подробности о том, как происходила сама процедура раздела.

Из нее мы узнаем, что судьбу раздела – кому что достанется – должен был решить жребий. Петр Александрович, которому становилось все хуже, в России давно не появлялся и последнее время жил в Риме. Поэтому и «раздел происходил в 1844 году за границей, куда Александр Александрович, по болезненному положению своего брата, должен был отправиться».

Там жребий действительно был брошен и он «благоприятствовал Александру Александровичу, но [так] как Петр Александрович особенно желал получить их [заводы], то и были они ему уступлены в июне 1844 года в Женеве».

Но поскольку «Петр Александрович по прежним счетам был должен Александру Александровичу и, кроме того, на развитие заводов ему требовался значительный капитал, которого у него не было, то, по особенному братьев соглашению, Петр Александрович из кассы Александра Александровича получил 160 тыс. руб. серебром (Приказ по Конторе 1/13 декабря 1844 г. из Рима). Взамен этой суммы и помянутого добавочного платежа, Петр Александрович обязался по раздельному акту выдать в течение 13 лет

Воробьев М. М. Вид Рима. Начало 1850-х годов

547 тонн железа на 2 188 000 рублей ассигнациями и сверх того передал Александру Александровичу собственный свой дом с ценою в 120 т.р. серебром.

Это последнее изменение в разделе, последовавшее в декабре 1844 года в Риме за два месяца до смерти Петра Александровича, было крайне невыгодно для Александра Александровича: оно лишило его наличных денежных капиталов, передало ему по высокой цене дом, не приносящий дохода, а получение следующего ему для уравнивания частей платежа раздробило на 13 лет.

Но крайне болезненное положение Петра Александровича, его болезненная раздражительность, не допускавшая ни малейшего противуречения, не позволяли ни оспаривать, ни отлагать совершение раздела, особенно Александру Александровичу, не желавшему воспользоваться важным по семейным обстоятельствам предоставленным ему правом, ибо по силе духовного завещания покойного брата их Ивана Александровича и вследствие домашнего соглашения между тремя братьями, две трети всего раздельного имения принадлежали Александру Александровичу и только одна третья часть Петру Александровичу. Это обстоятельство подтвердил Петр Александрович в духовном своем завещании, писанном им до раздела в Риме в январе 1843 года и получившем законную в прочих частях силу.

Если бы по смерти Петра Александровича раздел имений не был совершен на основании данной полковнику Самарскому доверенности, то его надлежало бы сделать на основании духовного завещания 1843 года, и тогда по действительной стоимости имений на часть Александра Александровича поступило бы оных на 6 840 000 рублей, а на часть наследников Петра Александровича на 2 050 000 [рублей]» [160].

Таким образом, судьбу раздела, как видно из этой записки, фактически решило «болезненное положение» Петра, которому младший брат Александр по благородству своей души и, быть может, природной мягкости характера или малоопытности (ему было всего 31) не решился перечить. А 18 (31) января 1845 года получивший желанные заводы 34-летний Петр Александрович Балашев, находясь в Риме, скончался [161].

6 февраля того же года по представлению полковника Самарского-Быховца «Санкт-Петербургскою Палатою Гражданского Суда II-м Департаментом на законном основании между Двора Его Императорского Величества Камергера Коллежского Советника и Кавалера Петра и Ведомства Министерства Иностранных дел Титулярного Советника Александра Александровичей Балашевых [...] совершена раздельная запись» [162].

Итальянский мор продолжается. Сироты и опекуны

Еще больше интриги и драматизма в эту историю добавляет то обстоятельство, что в июне 1845 года в том же Риме умирает вдова П. А. Балашева и мать двоих его малолетних сыновей – 28-летняя Александра Ивановна, урожденная Паскевич-Эриванская княжна Варшавская. Ее внезапная трагическая кончина случилась спустя всего несколько месяцев после совершения последних юридически значимых действий, связанных с разделом.

Эта череда явно преждевременных смертей привела к тому, что владельцами Симского горного округа – огромной промышленной зоны на Южном Урале с годовым оборотом до 400 000 рублей, оказались 4-летний Николай и 2-летний Иван Петровичи Балашевы. Но вплоть до их совершеннолетия горнозаводскими

Покровская церковь в селе Шапки Шлиссельбургского уезда – родовом имении Балашевых

делами и всем их имуществом по закону должно будет распоряжаться лицо, назначенное при сиротах опекуном и подотчетное опекунскому правлению. Таким человеком как раз и стал Василий Евграфович Самарский-Быховец, который от имени малолетних наследников Балашевых летом 1845 года вступил в управление южноуральскими заводами, продолжавшееся почти полтора десятилетия.

Александр Александрович тем временем начал хлопотать о

перевозе праха брата и его жены в Россию для их последующего перезахоронения в родовой усыпальнице Балашевых в селе Покровском (Шапки) Шлиссельбургского уезда. [163].

В июле того же 1845 года на основании упомянутой раздельной записи, по решению Нижегородской губернской палаты гражданского суда коллежский асессор А. А. Балашев вводится во владение селом Хириным с деревнями, став, таким образом, их единственным владельцем [164]. Крепостным крестьянам, созданным на сельские сходы, оглашается имя нового помещика с отобранием надлежащих подписок о повиновении объявленному законному владельцу.

Пройдет еще 9 лет, и во Флоренции (ох уж эта «солнечная Италия»!) 2 (15) апреля 1854 года умрет последний из братьев Балашевых 43-летний Александр, после которого останутся вдова Александра Васильевна, урожденная графиня Левашова (1821–1880), и двое малолетних сыновей – Петр (1847) и Александр (1848), названные так в память об отце и брате.

В скором времени по делам покойного А. А. Балашева тоже будет назначено опекуновское правление, которое возглавит все тот же В. Е. Самарский-Быховец, но уже в чине генерал-лейтенанта и в должности начальника штаба Корпуса горных инженеров.

Формально он должен был управлять находившимися в опеке наследственными недвижимыми имениями только до совершеннолетия Петра и Александра Александровичей Балашевых. В действительности это управление продолжалось гораздо дольше – вплоть до его смерти в 1870 году, поскольку наследники хиринской вотчины большую часть жизни проводили за границей, получая из России только денежные средства от доходов с имений и разную отчетную документацию.

Поэтому именно он, Самарский-Быховец, будет принимать в 1860-е годы ключевые решения о судьбе хиринского имения, в частности – об условиях освобождения местных крестьян и о порядке выкупа ими земельного надела в рамках крестьянской реформы Александра II. А непосредственным исполнителем этих решений на месте станет лифляндский гражданин Владимир Борисович Зендер – новый управляющий имением, появившийся в Хирине сразу после смерти помещика А. А. Балашева в 1854 году. Ему, Зендеру, суждено было сыграть в судьбе хиринских крестьян очень важную, хотя и не самую приятную роль.

Глава IV

Земля и неволя. Взаимоотношения хиринских помещиков и крестьян до и после отмены крепостного права

1. О свободе и рабстве. Уроки крепостного права

Вот два состояния, которых народу нужно бояться как огня, если он дорожит свободой. Нельзя быть недобросовестным и преступно быть бессильным.

М. О. Меньшиков

Хиринские крестьяне с момента основания селения и вплоть до так называемой отмены крепостного права обязаны были работать на своих помещиков, многих из которых мы теперь знаем почти в лицо. Однако в XVI и даже в начале XVII в. помещикам нередко приходилось самим пахать свою землю и сеять хлеб, впрягаясь в соху наравне с крестьянами своих поместий. Поэтому не исключено, что те же Хирины, Болобановы, Львов, Горчаков, Ададунов, Путятин и другие землевладельцы были знакомы с тяготами земледельческого труда не понаслышке.

Еще во 2-й половине XVII в. хиринские крестьяне-хлебопашцы считались свободными людьми, хотя и прикрепленными к поместной земле. Почему пришлось прикрепить крестьян? *«Потому что они вследствие непрерывного убегания от долгов и перебегания от одного кредитора к другому целыми массами начали приобретать характер беглых людей. Это были вечные беглецы. [...] Правительство прикрепило крестьян к земле для того, чтобы спасти их и их заимодавцев от конечного разорения»* [165]. Но это ограничение свободы само по себе еще не могло сделать крестьян рабами. Соборным уложением 1649 года крестьянин был лишен права сходить с земли, но во всем остальном он оставался совершенно свободным. Закон признавал за ним право на собственность, право заниматься торговлей, заключать договоры, распоряжаться своим имуществом по завещанию.

Однако лучшие умы человечества неоднократно предупреждали, что именно в неумелом распоряжении собственной свободой таится для человека главная опасность превращения его в раба. Поэтому, глядя на то, как в современной России народ основательно погряз и продолжает еще глубже утопать в долгах и кредитах, вспомним, как наши предки в XVII в. становились не просто крепостными, а вечно обремененными: *«Свободные люди входили в долги свободными и не уплачивали этих долгов в срок. Чтобы расплатиться, должники работали на заимодавцев, но чтобы существовать брали у них же еще в долг и т.д. В конце концов, слагался неоплатный долг и вечная повинность одного свободного человека работать на другого. Крепостное право возникло из неточного исполнения принятых на себя обязанностей. Причиной тому были или недобросовестность должников, или их бессилие. Вот два состояния, которых народу надо бояться как огня, если он дорожит свободой. Нельзя быть недобросовестным и преступно быть бессильным»* [165].

Сам процесс закрепощения крестьян, достаточно подробно разобранный в трудах и исследованиях отечественных историков, – один из первых в российской истории примеров того, как частный произвол («право сильного») брал верх над законами и интересами государства. Выходит, частный беспредел, не изжитый еще и поныне, – отнюдь не изобретение «лихих 90-х», все это уже было в нашей истории в XVII в.

Вот, например, как объяснял этот процесс С. Б. Веселовский: «Государство в видах исправного отбывания тягла развивало земельную крепость, считая людей крепкими не помещику, а земле. С точки зрения государства, которая выразилась во многих сторонах системы поместного права, крестьяне со всем своим движимым и недвижимым имуществом были принадлежностью поместной земли. Поэтому при переходе поместья к другому владельцу крестьяне с имуществом переходили во владение и пользование нового помещика. Владелец, лишившийся поместья, не имел права вывести за собой крестьян, даже тех, которые поселились и обстроились при нем и при его помощи, и все крестьяне поместья со своими дворами, скотом и прочим имуществом переходили во владение нового помещика. Старый владелец имел право только на некоторую долю хлеба, посеянного при нем. В принципе этого положения не могли изменить какие бы то ни было частные обстоятельства, которыми временный владелец поместья мог связать и обременить крестьян. **Действительность сильно расходилась с этим принципом** (выделено мной – Л. М.). Не говоря о злоупотреблениях (например, о незаконном вывозе крестьян или их имущества), могло случаться и действительно бывало, что новому владельцу было самому невыгодно удерживать обнищавшего или обремененного частными обязательствами (долгом или ссудой) в пользу старого помещика крестьянина. В таких случаях новый помещик за вознаграждение или даже даром «выпускал» крестьянина из поместья, и личное закрепощение брало верх над государственной земельной крепостью» [166].

Таким образом, защита личной свободы и собственности тяглого крестьянского населения (через возможную «охранительную регистрацию населения поместий и его имущества», по выражению того же Веселовского) со временем стала для правительства непосильной, практически невыполнимой задачей. И тогда верховной власти уже не оставалось ничего иного, как частные интересы служилого сословия, оказавшиеся сильнее действовавшего тогда закона, признать интересами самого государства. Для этого пришлось кардинально менять закон.

Это и осуществил Петр I, который не только произвел разгосударствление имперских поместных земель в пользу дворянства, но и ввел подушный учет тяглого населения, официально закрепив крестьянские «души» за помещиками. Тем самым он, по мнению И. Л. Солоневича, заложил правовую основу крепостного рабства: «Первый и решающий шаг в этом направлении сделал петровский указ, превративший государственные имения в частные и государственно-обязанных крестьян – в частную собственность» [167]. А ближайшие преемники Петра на российском престоле, сохранив верность его принципам, развили и упрочили эту систему.

Таким образом, отмена крепостного права, затеянная Александром II, должна была стать, по идее, величайшим благодеянием для народа России. Но как составная часть крестьянской реформы 1860-х годов, проводившейся в ослабленном Крымской войной и революционным брожением государстве, она оказалась лишь продолжением трагедии той части российского крестьянства, которая так неумело была освобождена от крепостной зависимости. Как это происходило в действительности, мы увидим далее – как раз на примере крепостных крестьян села Хирина.

Впрочем, вслед за М. О. Меньшиковым повторим, что «слово «освобождение» в отношении к крестьянскому переустройству было введено писателями, не слишком строгими к духу русского языка», которые «в интересах возбуждения иногда добрых, иногда недобрых чувств извратили понятие о крепостных отношениях и приучили считать их рабством». Следствием такого переворота в умах стало то, что «мягкие и добродушные дворяне, которых было большинство, постепенно стали стыдиться

крепостных прав и ненавидеть их; вместо того, чтобы сидеть в деревне и служить крепостному народу своей образованностью, такие дворяне сбросили свое «рабовладение» на руки старост и бурмистров, а сами укатили в столицы, в крупные центры, на канцелярскую службу, наконец – в огромном числе – за границу. Так образованные владельцы фабрик и рудников бросают эти, по их мнению, неопытные источники дохода на руки темных и жадных управляющих, которые доводят в иных случаях зависимые отношения бедного люда до уровня, близкого к рабству» [168].

Эти слова могли бы стать эпиграфом к истории Хирина в XIX в.

«Бегство чувствительных дворян из деревни задолго до отмены крепостного строя обезглавило народ и разорило одинаково и барина, и мужика. Те же писательские вопли о «рабстве» народа русского приучили другую часть дворянства – с крутым характером – думать, что их крепостные действительно рабы, стало быть, к ним допустимы жестокие отношения, как к рабам [...]. Извращения эти, нося явно преступный характер, далеко не были ни всеобщими, ни широко распространенными, но они поражали воображение и западали в память. Хотя на бумаге крепостные крестьяне и были ограждены в своих человеческих и отчасти гражданских правах, но крайне слабая наша государственность не умела осуществлять закон».

Так в XIX в., потом в начале XX, а затем и в годы горбачевско-ельцинского «демонстража» «преувеличенный либерализм, как все фальшивое, оказал плохую услугу народной жизни» [168]. С этим мнением трудно не согласиться, потому что главным гарантом обеспечения свободы личности может выступать только сильное, но вместе с тем ответственное государство. Отсутствие у власти одного из этих качеств – силы или ответственности – неизбежно влечет за собой возникновение различных форм порабощения и попрания личной свободы. Когда государство слабо, внутри общества сильные пожирают слабых, а если государство безответственно, то оно само пожирает собственный народ. Примеры тому мы не раз видели в отечественной истории. Увидим ли еще и какие именно – во многом зависит от нас.

2. Хиринская вотчина как доходное место

Источников, из которых можно было бы узнать о взаимоотношениях хиринских помещиков с их крепостными, оказалось не так много, как хотелось бы. Но кое-что в архивах все-таки нашлось.

В экономических примечаниях к планам межевания 1785 года было записано: «Село Хирино князя Алексея Алексеевича Путятина, Асафа Ивановича Ахматова, Антона Иванова сына Ахматова ж, Александра Федорова сына Познякова, Ивана [и] Николая Петровых детей Астафьевых, Марьи Афонасьевой дочери, жены Бабушкиной.

- Число дворов 105;
- По ревизии душ (мужеска / женска) 450 / 489;
- Под усадьбою [земли] 60 десятин 2060 сажень;
- Пашни 1623 десятины 543 сажени;
- Сенных покосов 56 десятин 210 сажень;
- Лесу 7 десятин 500 сажень;
- Неудобных мест 1879 десятин 1755 сажень;
- Всего [удобной земли] 1755 десятин 392 сажени.

Село [расположено вдоль] реки Вонячки на левой [стороне] и по обе стороны оврага безымянного. В нем два пруда, церков<ь> во имя Усекновения Честныя Главы Иоанна Предтечи и колоколна каменные. Господской дом деревянной и при нем регулярной сад с плодovitыми деревьями. А дачею речек показанной Вонячки [и] Лапшенки на левой и по обе стороны вышеописанной Вонячки земля чернозем, хлеб и покосы средственны, лес мелкой дровяной, крестьяне на оброке» [169].

Таким образом, еще в конце XVIII в. Хирино продолжало оставаться многопо-местным селом, где помимо Путятиных было еще несколько мелких помещиков, владевших скромными именьями без господской усадьбы, с небольшим количе-ством земли и всего несколькими душами крепостных. Это подтверждается и мате-риалами подушных переписей (ревизских сказок) конца XVIII – 1-й половины XIX в. Но главными землевладельцами и крепостниками продолжали оставаться, конечно же, Путятины (до 90% крепостного населения Хирина принадлежало именно им), а после них – Балашевы, приобретшие хиринское имение в 1817 году, а затем последо-вательно скупившие все окрестные земли у менее состоятельных владельцев.

В экономических примечаниях указано, что в конце XVIII в. крестьяне в селе Хирина состояли на *оброке*. В документе, к сожалению, не уточняется, была ли эта повинность полностью денежной, или все-таки смешанной, при которой часть оброчных платежей крестьяне обязаны были вносить натуральными продуктами (урожаем, сеном, сельскохозяйственными продуктами и т.п.).

Упоминаний о *барщине* при последних Путятиных в архивных документах мы не нашли, что косвенно может свидетельствовать о довольно высокой степени личной свободы хиринских крепостных, которая, с другой стороны, наверняка компенсировалась величиной вмененного им оброка. Но чтобы требовать хороший оброк, владелец имения должен был дать в пользование крестьянам достаточное количество земли и угодий. Поэтому при оброчной системе все земли, которые не использовались помещиком и не сдавались в аренду, обычно поступали в полное распоряжение крестьянской общины. Именно так, по нашему предположению, об-стояли дела в Хирина в конце XVIII – начале XIX в. при Николае Авраамовиче и, возможно даже, при его предшественнике Алексее Алексеевиче Путятине.

В дополнение к землям крепостным предоставлялись также широкие возможно-сти в поиске сторонних заработков, приносивших им (а значит, и помещичьей эконо-мии) доход живыми деньгами. Поэтому наиболее вероятно, что еще при последних Путятиных (особенно при Н. А. Путятине, который, проживая за границей, не вел в Хирина своего помещичьего хозяйства и интересовался только сборами оброчных денег), здешние крестьяне начали систематически отлучаться на отхожие промыслы, ставшие в XIX в. главным занятием для большинства взрослых мужчин вотчины.

При этом строитель церкви и усадьбы Алексей Алексеевич Путятин оказался последним крупным хиринским помещиком, которого его крепостные видели и знали в лицо. Начиная с «дрезденского оригинала» и заканчивая Балашевыми, никто из помещиков в Хирино уже не приезжал – все хозяйственные дела велись исключительно через наемных управляющих и бурмистров либо через крепостных же конторщиков и сельских старост.

В 1798-1799 годах «вотчинным управителем» в Хирина состоял бурмистр Н. А. Путятин отставной капитан Семен Семенов фон Завадский. Раз «фон» – значит из служилых немцев. Против него в Хирина чуть было не состоялся кре-стьянский заговор с участием местного священника Ивана Иванова [170]. В основе «заговора» классический сюжет крепостной эпохи: где-то далеко живет хороший

помещик, который не знает, что без его ведома творит в вотчине управляющий. А по мысли «заговорщиков», если б знал, то, конечно, выгнал бы его в шею. Значит, заключают они, управляющего надо выгнать самим. Потом, когда все выяснится, хороший помещик их одобрит и еще «спасибо» скажет.

Некоторые из крестьян шептались об этом со священником по избам да по углам, но разговоры эти подслушал их односельчанин Семен Волков и донес управляющему. Тот написал куда следует, и розыскное дело получило ход. Дознаватели долго переливали из пустого в порожнее и в конце концов вины священника не нашли, «шептавшихся» крестьян Петра Сурикова и Ивана Рыцкого (возможно, имелся в виду Резчиков) ни в чем так и не уличили. А на «нет», как говорится, и суда нет.

С 1817-го по 1820-е годы делами хиринского имения заправлял отставной капитан Михаил Иванович Яцынин, представлявший интересы экономии Балашевых. По документам как раз в это время хиринские крестьяне впервые замечены на отхожих промыслах по каменщицкому ремеслу, где зарабатывали деньги для уплаты оброка.

В 1840 году в Хирино для «счетных дел» Балашевыми был переведен из Поддубовской вотчины Уфимского уезда конторщик Арефий Арефьевич Круглов вместе с семейством. В целях подготовки таких конторских кадров для своей экономической империи Балашевы отбирали наиболее способных мальчиков из своих крепостных и обучали их на свой счет в Строгановском училище. Одним из таких воспитанников, по всей вероятности, и являлся Арефий Круглов, ведавший делами в хиринской вотчине как минимум до начала 1850-х годов. Но пребывание в Хирине было ему, кажется, в тягость, о чем он жаловался в письмах своему брату, служившему на важной должности при Симских заводах и бывшему у Балашевых в большой чести. На это намекает записка, сохранившаяся в составе «раздельного дела», где говорилось следующее: *«Александр Александрович [Балашев] пишет мне от 14/16 декабря, что в уважение заслуг Ивана Арефьевича Круглова, он согласен брата его Арефия Круглова, что в Хирине, возвратить в завод с семейством его; почему и не причислять Арефия Круглова к Поддубовской вотчине, но до возвращения владельца оставаться ему в Хирине по-прежнему»* [171].

Наконец, последним хиринским начальником стал опекунский управляющий Владимир Борисович Зендер, присланный сюда Самарским-Быховцем и мозоливший глаза местным крестьянам более 40 лет. Даже после отмены крепостного права и завершения всех расчетов с крестьянами Зендер довольно долго управлял местными помещичьими хуторами, пока не умер около 1896/97 года.

Из его аттестата известно, что родился он в 1824 году, происходил из лифляндских немцев. Был женат на Эмили-Доротее Карловой, урожденной Мехильсон, от которой имел двоих детей: сына Вильгельма-Вольдемара (1864) и дочь Луизу-Софию (1865). Все семейство придерживалось евангелическо-лютеранского вероисповедания. *«Имения у него самого и у его жены ни родового, ни приобретенного нет»*. Управленческую деятельность в имении Балашевых Зендер успешно совмещал с частными уроками немецкого языка [172].

При нем в 1883 году случился очередной имущественный раздел между Александром и Петром Александровичами Балашевыми, по которому хиринское имение, насчитывавшее 5358 десятин земли, досталось Петру [173]. Сразу после смерти Зендера все земли в окрестностях Хирина П. А. Балашев продал елабужскому купцу Сергею Петровичу Петрову. А тот через несколько лет по духовному завещанию отписал их Понетаевскому женскому монастырю, сделавшемуся с того времени крупнейшим землевладельцем в Арзамасском уезде.

Но вернемся к крепостным обязанностям крестьян.

Выше мы предположили, что при последних Путятиных хиринские крестьяне полностью состояли на оброке и при достаточном количестве земли могли пользоваться всеми выгодами своего положения. Если это было действительно так, то после перехода имения к Балашевым вполне благополучная крепостная жизнь местных крестьян резко изменилась в худшую сторону. Значительно расширив земельные владения вокруг Хирина и приписанных к нему деревень Ключищ и Выселок, новые помещики и их управляющие развернули здесь бурную хозяйственную деятельность, для поддержания которой потребовалась дешевая рабочая сила. В связи с этим помещичья экономия возвратила для своих крестьян 3-дневную барщину, которая так и просуществовала в Хирине вплоть до 1870 года.

Балашевых, впрочем, можно понять: они были дворянами новой формации, для которых эффективность управления активами определялась размером полученной прибыли и увеличением темпов производства – как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. Хиринское имение для Балашевых было лишь одной из доходных статей в многопрофильном бизнесе. Поэтому, чтобы представить экономическую ситуацию в Хирино, обратимся к оценочной ведомости из неоднократно упоминавшегося нами «раздельного дела», где несколько страниц посвящено как раз хиринскому имению – следующему по значимости «активу» Балашевых после Симских горных заводов. Потому оно и записано под № 2.

«II. Оценка села Хирина с деревнями.

а) Доход с оных в течение 10 последних лет:

<i>В 1832 г.</i>	<i>32.542 р. 27 к.</i>	<i>В 1837 г.</i>	<i>41.013 р. 78 к.</i>
<i>1833</i>	<i>24.502 р. 81 к.</i>	<i>1838</i>	<i>47.736 р. 4 к.</i>
<i>1834</i>	<i>24.004 р. 4 к.</i>	<i>1839</i>	<i>70.067 р. 25 к.</i>
<i>1835</i>	<i>18.283 р. 48 к.</i>	<i>1840</i>	<i>26.732 р. 44 ½ к.</i>
<i>1836</i>	<i>36.267 р. 47 к.</i>	<i>1841</i>	<i>34.627 р. 2 к.</i>

Вообще за все 10 лет: 355.776 р. 60 ½ к. или около 35 ½ т.р. ассигнациями на каждый год.

б) Оценка по имуществу:

- *Земли 8.050 десятин по 50 р. – 402.500 р.*
- *Крестьян 876 душ по 150 р. – 131.400 р.*
- *Рогатого скота 208 штук по 15 р. – 3.120 р.*
- *Разного усадебного строения и имущества – 5.000 р.*
- *Вообще: 542.020 р.*

с) Судя по среднему доходу, оценка эта не высока, тем более что имение это при значительном количестве земли по числу душ и при избытке хорошего леса представляет все удобства к упрочению и возвышению дохода в будущем чрез увеличение хлебопашества и чрез ведение особых хозяйственных операций. По сим выводам имение это не должно быть оценено ниже 550.000 руб. ассигнациями» [174].

Насколько объективно и беспристрастно дана эта оценка, сейчас сказать трудно. Но надо учитывать, что на другую чашу весов были положены Симские горные заводы, которые по результатам раздела должны были достаться умирающему Петру Балашеву. Следовательно, стоимость хиринского имения, предназначенного брату Александру, в той деликатной ситуации могла быть несколько завышена.

Но если говорить о самой ведомости, то обращает на себя внимание указание, что одна крестьянская душа (причислявшаяся тогда к помещичьему имуществу) оценивалась в 150 рублей ассигнациями. Кроме того, в своем заключении оценщик Карл Шван в качестве основных доходных статей с хиринского имения называет «значительное количество земли по числу душ» и «избыток хорошего леса».

В дальнейшем «ведение особых хозяйственных операций» (в их числе активная вырубка окрестных лесов с последующей переработкой древесины на заводе близ села Понетаевки) не только приносило помещичьей экономии хороший доход, но и основательно меняло окружающий Хирино ландшафт. Вспомним еще раз статью Н-кова, написанную в конце 1890-х годов: «*Вся местность вокруг Хирина носит степной вид. Всюду тянутся распаханые поля, изредка видоизменяясь оврагами или небольшими группами кустиков, служащих жалкими остатками некогда бывших здесь лесов. Некоторые старожилы еще помнят то счастливое время, когда Хирино было окружено лесом. В настоящее время ближайший к Хирину лес находится не ближе 8 верст*» [174].

От оценщика Швана мы узнаем, что все крестьянское население хиринского имения, состоявшего из самого села и двух деревень – Ключищ и Выселок, в отношении исправления крепостных повинностей было разделено на *тягла*. По данным ведомости, 173 ½ «рабочих» тягла состояли на *барщине* (т. е. должны были отрабатывать на помещиков три «трудодня» в неделю), а остальные 226 ½ «оброчных» тягла платили владельцам имения оброк*.

Резюмируя свои подсчеты по оценке имения, Карл Шван приводит следующие итоговые цифры:

[Общее] Количество земли 8.050 [десятин]

- По 1-е Апреля 1843 года [в имении] состояло хлеба и разных произведений сельских на сумму 20.500 руб.
- За крестьянами состоит по 1-е Апреля долга деньгами и хлебом на сумму 18.910 р. 25 коп. (недоплаченный помещикам оброк за несколько лет. – Л. М.)
- Средний доход годовой из последних 10 лет – 35.500 руб.
- Долга на имении по залогу в кредитных установлениях – 195.510 руб. (еще в марте 1837 года имение было заложено в одной из кредитных организаций под денежный займ. – Л. М.)
- За уплатою капитала и процентов остается годового дохода – 23.769 руб.
- Оценка: полная – 550.000 руб. / за сложением долга – 354.490 руб. [9].

Вероятно, с годами задолженность хиринских крепостных перед помещичьей экономией только росла. Крестьяне, конечно же, с нетерпением ожидали, что точка в этой истории будет поставлена правительством, поскольку слухи об освобождении появились задолго до 19 февраля 1861 года, когда были обнародованы Высочайший манифест и «Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости».

Но вместо точки появился лишь вопросительный знак. И многоточие...

* Тягло – единица обложения крестьян натуральными и денежными повинностями в пользу помещика. В основу исчисления тягла обычно полагались полный работник с работницей (семья), получавшие землю для обработки, или определенное количество трудоспособных лиц в крепостной крестьянской семье, принятое за единицу обложения при разверстке барщины и оброка. По статистическим подсчетам, в большей части помещичьих имений число тягол составляло чуть менее половины от общего числа ревизских душ. Для хиринского имения эти цифры также были справедливы: $226\frac{1}{2} + 173\frac{1}{2} = 400$ тягол при наличии 886 ревизских душ, числившихся по трем селениям.

3. Земельный вопрос: ребус господина Зендера

Главным документом, содержащим условия выхода хиринских крестьян из крепостной зависимости, была так называемая уставная грамота, копия которой, к счастью, сохранилась в составе выкупного дела по арзамасскому имению Балашевых в архивном фонде Главного выкупного учреждения Министерства финансов Российской империи [175].

Уставная грамота составлялась помещиком, опекуном или их доверенным лицом либо в одностороннем порядке, либо по соглашению с крестьянами. Если грамота готовилась без участия крестьян, то ее содержание затем оглашалось перед ними на сельском сходе. А те в случае несогласия с отдельными положениями документа могли пожаловаться местному мировому посреднику и требовать их изменения.

Как можно понять из самого документа, хиринские крестьяне подписали текст уставной грамоты, предложенный помещичьей экономией (хотя документы более позднего времени заставляют нас в этом усомниться), т. е. согласились с ее условиями и в дальнейшем уже не имели права требовать их пересмотра. В таком виде грамота была утверждена и вступила в законную силу.

Текст Манифеста
19 февраля 1861 года

«УСТАВНАЯ ГРАМОТА

Нижегородской губернии Арзамасского уезда села Хирина
помещиков малолетних Петра и Александра Александровичей Балашевых,
состоящих в опеке, и матери их вдовы Коллежского Ассессора
Александры Васильевны Балашевой

Составлена 1862 года Генваря 2 дня.

Поверена Мировым Посредником 1862 года Генваря 30 дня и утверждена того же числа как составленная по добровольному соглашению вла<дельцев и крестьян> и не подлежащая дальнейшему производству, утверждена и введена в действие окончательно, согласно составленному по ней протоколу от того же 30 генваря [...].

I.

1. В селе Хирина значится по 10-й народной переписи мужского пола душ дворовых 19, крестьян 534. Из них отпущенных после ревизии на волю не было, а все состоят на лицо.

2. Все означенные по ревизии дворовые не имеют права пользоваться наделом земли на основании Положения об устройстве дворовых людей ст. 6-й, так как они до обнародования указа 2-го Марта 1858 года, сами лично не пользовались полевым наделом и по поступлении к помещику в услужение перестали пользоваться наделом и нести повинность за обработку пахотных полей.

3. Затем на основании Местного Пол<ожения> должны получить в постоянное пользование поземельный надел все 534 м<ужского> п<ола> душ<и>.

II.

1. До обнаружения Пол<ожения> о кр<естьянах> всей земли состояло в пользовании крестьян села Хирино до двух тысяч ста десятины.

2. Из них под крестьянской усадебной оседлостью 104 десятины 1330 квадратных сажень, в число которых входит 31 десятина 366 квадратных сажень выгона, состоящего в пользовании одних крестьян.

Примечание. Означенное количество земли определено на основании плана, снятого в 1861 г. межевищиком Нижегородской Палаты Госимушеств Такашиным.

3. Для местности, где находится вышесказанное село, определен Местным Пол<ожением> о поземельном устройстве крестьян, высший размер душевого надела в 3 десятины 1200 квадратных сажени, а потому на основании 1-го примеч. к ст. 17-й по числу душ в селе высший размер надела на все крестьянское общество составляет 1869 десятины.

4. Так как крестьяне пользуются ныне землею, в том числе и усадебною оседлостью, в большем против высшего размера количестве, то на основании ст. 18-й предоставляется им в постоянное пользование полное количество земли по расчету высшего размера душевого надела, то есть 1869 десятин удобной земли на настоящих местах, вокруг их селения в одной окружной меже, за исключением из оной настоящей господской усадьбы, в количестве 13 десятин 1187 квадратных сажени, обнесенной канавою с валом, и затем остальная земля, сверх сего количества, бывшая в их пользовании, а именно из дальних запашных земель до 171 десятины в пустом поле, 10 десятин по дороге, ведущей из д. Корина в село Вонячку, и 5 десятин в поле Хиринский ключ отверзывается на основании 18-й ст. из надела и обращается в непосредственное распоряжение владельцев. Эта отрезка произведена согласно 54 и 58-й ст. Местного Положения.

Для уничтожения чрезполосицы и разграничения угодий к одним местам производится на основании ст. 51 и 64, и по взаимному добровольному согласию с крестьянами обмен угодий помещичьих на крестьянские, а именно: поступает в крестьянский надел из помещичьей запашки Коринское поле до 110 десятин, Поздняковское поле до 120 десятин унавоженных, и лежащих оба поля близ Хирина около вершин Липового оврага до 13 десятин, и поле Городок до 47 десятин унавоженных, всего до 290 десятин, а взамен оных отрезывается от крестьян во владение помещиков: в запольных местах от Тоузаковского поля до 110 десятин, от Измайловского поля до 120 десятин, около дороги из Корина в Вонячку до 10 десятин и поле Хиринский ключ до 15 десятин, всего до 290 десятин.

За сим на основании п. 7-го ст. 35 Правил о приведении в действие Положений, поясняется, что отводимая крестьянам земля будет иметь следующие границы: [...] (подробное описание границ и прохождения межей мной опущено. – Л. М.).

III.

1. Крестьянская усадебная оседлость к перенесению на новые места не подлежит.

2. Находящийся при селе Хирине водопой остается в общем пользовании владельцев и крестьян с тем, однако, что ловли рыбы и мочки конопли в Хиринском пруде крестьяне производить не должны, плотину одного пруда они обязаны содержать в исправности.

3. Состоящий при селе Хирине выгон остается в пользовании одних крестьян и поступает в число их надела.

IV.

1. До обнаружения положений о крестьянах, крестьяне села Хирина находились частью на смешанной повинности, плата 20 рублей оброка в год, и отбывая сверх того 12 мужских и 10 женских дней с тягла, и частью на 3-дневной барищине.

2. За предоставленную в постоянное пользование крестьян села Хирина землю в количестве 3 десятин 1200 квадратных сажень на душу причитается [...] оброка с каждого душевого надела 9 рублей в год, а со всех 534 душевых наделов 4806 рублей.

3. Оброк крестьяне обязаны вносить в два срока по 2403 руб., а именно: первую половину к 10-го Июля, а вторую половину к 1-му числу Декабря месяца.

4. Сроки для перехода крестьян с барищины на оброк назначаются 15 марта.

5. Из числа душевого оброка относится на усадьбу 1 руб. 15 коп. [...], так как она причисляется к 3 разряду, вследствие чего повинность за пользование всею усадебною оседлостью крестьянского общества составляет в год 801 руб., а выкупная сумма за всю оседлость 13352 руб. 67 коп.

6. Так как мирская земля состоит в пользовании всего сельского общества, то временнообязанные крестьяне села Хирина отвечают друг за друга круговую порукою за исправное отбывание повинностей.

7. Общественная мирская сумма, состоящая из 249 руб. серебром, и мирский общественный хлеб в количестве 667 четвертей и 6 четвериков ржи, и овса 220 четвертей и 3 четвериков передали по принадлежности под расписку Хиринского Волостного Правления.

Обмен земли произведен с разрешения Санкт-Петербургской Дворянской Опеки.

[Уставную грамоту] Подписали: опекун Действительный Тайный Советник Князь Александр Голицын, опекун Генерал-Лейтенант Василий Евграфов сын Самарский Быховец за себя и по доверенности Александры Васильевны Балашиевой.

И крестьяне (далее следует неполный список домохозяев без фамилий с обычным завершением «и за прочих неграмотных и по их личной просьбе [такой-то] руку приложил», который мы здесь опускаем. – Л. М.).

С подлинным верно: [Мировой Посредник] Ермолов» [176].

Именно этот важный документ с 1862 года регулировал взаимоотношения помещичьей экономики с бывшими крепостными. Отметим три основных момента,

Мясоедов Г. Г. Чтение Положения 19 февраля 1861 года

от которых напрямую зависело качество жизни хиринских крестьян после этих нововведений.

Во-первых, площадь земли, оставшейся у них в пользовании после подписания уставной грамоты, несколько сократилась, поскольку из-за плодородности почв коэффициент местности был повышен, а значит, и земли из расчета на ревизскую душу полагалось меньше.

*Земельные владения крестьян села Хирина.
План 1861 года. ЦАНО*

Во-вторых, с 20 до 9 рублей ассигнациями (т. е. более чем в два раза) уменьшился оброк, хотя и составил максимальную сумму, определенную Положением о крестьянах (в соседних селениях такую же сумму оброка крестьяне платили за больший надел земли, но худшего качества).

И, в-третьих, до заключения между помещиками и их бывшими крепостными так называемой выкупной сделки хиринские крестьяне, считавшиеся «временно-обязанными» своим помещикам, должны были исправно выполнять свои прежние крепостные повинности – платить оброк и отрабатывать барщину.

В дальнейшем, чтобы продлить это положение, очень удобное и выгодное для помещичьей экономии, но тягостное для крестьян, опекуны и управляющий старательно оттягивали сроки заключения той самой выкупной сделки. В итоге она состоялась лишь в январе 1870 года, когда повзрослевшие наследники Балашевы «развязались», наконец, со своими бывшими крепостными крестьянами, передав им в собственность оговоренный земельный надел, а от правительства получив выкупные деньги.

Впрочем, в Хирине, как и во многих других бывших крепостных владениях, не обошлось без хитростей со стороны помещичьей экономии.

Впореформенные годы в несельскохозяйственных губерниях (в Нижегородской, в частности) крупным помещикам было выгоднее отдать крестьянам максимально возможный надел по числу душ. Чем больше земли помещик отчуждал, тем большую сумму выкупа он получал от казны.

Крестьяне же, наоборот, зачастую желали уменьшить размер выкупной ссуды, а соответственно и переходивший к ним земельный надел, чтобы последующее возвращение долга государству не было для них слишком обременительно. Однако по неграмотности и невежеству крестьяне часто не знали, как этого добиться и вообще как себя вести в незнакомой для них правовой ситуации.

По всей стране было множество случаев, когда заслушав помещичье объявление об условиях выкупа, крестьяне попросту «обижались», будучи уверенными, что господа помещики опять чего-то темнят и водят их за нос. Часто эти крестьянские подозрения были справедливы. Но закон действовал по принципу «молчание – знак согласия», поэтому неоспоренные выкупные сделки получали юридическую силу. А всего-то нужно было в месячный срок предоставить в надлежащую инстанцию соответствующий приговор сельского схода.

Так случилось и в Хирине, о чем свидетельствует акт мирового посредника Ермолова, где говорилось: *«При предъявлении мною 31-го Декабря 1869 года временно-обязанным Гг. Балашевых крестьянам с. Хирина и дд. Ключиц и Выселка объявления к<оллежского> р<егистратора> Владимира Борисовича Зендера об обязательном выкупе отведенной тем крестьянам по уставной грамоте земли, – крестьяне села Хирина и деревень Ключиц и Выселка изъявили желание состоящий в их пользовании надел уменьшить для выкупа, но указанный 97 ст. Положения о выкупе месячный срок для представления приговора пропустили и даже совсем отказались от представления какого бы то ни было приговора.*

За тем, по рассмотрении вышеозначенного выкупного объявления и всех приложенных при оном бумаг, оно найдено мною во всех отношениях составленным правильно, а потому постановил:

Выкупное объявление поверенного г<осподина> Зендера со всеми к нему приложениями и настоящим протоколом представить в Нижегородское губернское по крестьянским делам присутствие на дальнейшее с его стороны распоряжение.

Подпись (мировой посредник Ермолов)» [177].

Так крестьяне села Хирина автоматически получили в собственность по 3 десятины 1200 сажень (3,4 десятины) *удобной земли** на душу, а всего 1869 десятин из расчета на 534 ревизские души, бывшие налицо по 10-й ревизии 1858 года.

За эту землю, переданную обществу крестьян села Хирина, правительство уплатило Балашевым за вычетом всех банковских «условий» (процентов) 64 080 рублей. Означенную сумму хиринским крестьянам, связанным круговой порукой, предстояло теперь вернуть государству в течение 49 лет в виде выкупных платежей.

Зато с 1870 года они, по документам, гордо назывались «крестьянами-собственниками» – полноправными хозяевами своей земли. Хотя многим из них это не принесло ни счастья, ни достатка. По результатам крестьянской реформы 1860-х годов хиринцы в большинстве своем считали себя обманутыми помещиками (наследниками А. А. Балашева) и их управляющим Зендером.

Эту обиду, ставшую еще острее после драматичных событий 1885–1887 годов (о них речь пойдет ниже), хиринские крестьяне помнили потом долгие годы: отцы рассказывали об этом своим детям, а деды – внукам. Похожие истории случались тогда во многих российских селениях, жители которых недавно вышли из крепостной зависимости.

В скором времени на этой почве вызрела кровавая революция, которую вполне предсказуемо поддерживали многие хиринцы – и те, что остались в родном селе, и те, кого судьба разбросала по разным уголкам империи, где они пополнили ряды пролетариев – тех самых, которым было «нечего терять, кроме своих цепей».

4. Крестьянский ответ: миссия унтера Безсонова

Пассивной формой социального протеста против помещичьей несправедливости стал фактический отказ многих хиринских крестьян от земледельческого труда как основного источника дохода – они предпочли ему более надежные виды заработка вдали от родных мест. Многие там и остались, поскольку возвращаться на родину им не было никакого смысла.

Но был в Хирине и активный протест, правда, произошло это уже в середине 1880-х годов, когда в селе появился настоящий вожак – харизматичный лидер, сумевший обнадёжить, зажечь и увлечь за собой людей.

Этим человеком оказался отставной унтер-офицер Кузьма Игнатьевич Безсонов. Родился он в Хирине, в обычной многодетной крестьянской семье. В 1849 году его, 21-летнего парня, забрали в солдаты по очередному рекрутскому набору. С тех пор служил он в разных пехотных частях, получал боевой опыт на Крымской войне, сражался с горцами на Кавказе, затем участвовал в русско-турецкой войне 1877-1878 годов. По некоторым, пока документально не подтвержденным данным, имелись у него за боевые заслуги и Георгиевский крест, и орден Святой Анны. Уйдя в отставку, Кузьма Игнатьевич поселился в Нижнем Новгороде, временами наведывался к родным в Хирино. Тут-то все и началось...

Впрочем, с сего момента гораздо интереснее эту историю расскажет нижегородский военный губернатор Николай Михайлович Баранов (1837–1901), который

* В состав удобных земель входили: усадебная земля, пашенные и луговые земли, выгон для скота, земли под кустарником. Неудобные – это земли под церковью и кладбищем, под речками, оврагами и прудом, под чистыми болотами, под болотами с кустарником, дорогами, улицами и проулками. Неудобные земли поступали в пользование крестьян безвозмездно.

осенью 1886 года на заседании Кабинета министров делал доклад по поводу резонансных хиринских событий.

«... В этом году возвратился на родину в с. Хирино отставной унтер-офицер одного из кавказских батальонов Безсонов. Много служивший, весьма от природы способный, до известной степени начитанный и по прежней службе более или менее известный многим из бывших кавказских начальников и самому вел<ику> кн<язю> Михаилу Николаевичу, Безсонов приобрел полное доверие односельцев и ложным толкованием Священного Писания и законов и частным отправлением просьб и поздравительных телеграмм к лицам высокопоставленным вселил убеждение в крестьянах в его необыкновенной силе в Петербурге и в полной безнаказанности его поступков.

Все стало быстро меняться. Исправные до сего [времени] крестьяне перестали платить повинности и повели бесконечные процессы с владельцем, домогаясь от него невозможных уступок.

Все предупредительные меры были испробованы, но не привели ни к чему.

Наконец, местной администрации удалось привлечь к судебной ответственности Безсонова, и по требованию судебной власти в прошлом году, хотя и не без затруднения, Безсонов был арестован и доставлен в Арзамасский тюремный замок. Заключение в острог Безсонова произвело благотворное действие на хиринцев, и я получил надежду, что все придет к прежде бывшим порядкам, но вследствие взглядов судебного следователя и прокурорского надзора Безсонов был освобожден и явился триумфатором к себе в село. Этого было довольно, чтобы население Хирина окончательно уверовало в особую силу Безсонова, и он стал единственной властью, которую хиринцы признавали.

Крестьяне назначили ему жалование до 600 руб. в год, и когда в скором времени судебная власть снова признала нужным арестовать Безсонова, то крестьяне объявили, что они его не выдадут, и для охраны Безсонова от судебного пристава и полиции нарядили караул вооруженных парней. Когда судебный следователь и исправник приехали в Хирино для ареста Безсонова, то все население оказало сопротивление, угрожая изрубить исполнителей закона.

Узнав об этом, я счел нужным быстро покончить с Безсоновым, не выжидая уже действия судебной власти и не боясь превысить законом мне указанные права.

Выслав в Хирино сотню Оренбургского казачьего полка, я до прибытия команды приехал в Хирино и потребовал в волостное правление Безсонова с его ближайшими пособниками. Никто не явился, и парламентаром ко мне прислан был отставной гвардейский солдат, объявивший, что не только общество не дозволит арестовать «христа» Безсонова, но и слушать никого не будет.

По прибытии казаков сход состоялся, и намеченные заранее люди с Безсоновым были на сход доставлены. Не добившись результата увещанием, я жестоко наказал

Николай Михайлович Баранов,
нижегородский губернатор
в 1882–1897 годах

розгами упоминаемого солдата и шестерых главных виновников и, заковав в кандалы Безсонова, отправил его в город в сопровождении казачьей сотни. Наказать Безсонова, как и других, розгами, к несчастью, было нельзя по его старости (Безсонову было тогда 59 лет. – Л. М.).

Оставшись по уходе команды на некоторое время в Хирине, я был свидетелем отрезвляющего впечатления, произведенного на крестьян наглядным решением дела, без бумажных проволочек и вмешательства самодельной адвокатуры.

Хиринская история была обострившеюся до того, что был момент, заставивший меня сильно опасаться, что дело не обойдется без необходимости употребить оружие, и все это могло случиться только потому, что организация нынешнего сельского управления, основанная вся на положении бумажных актов – этом удобном поприще для бессовестных адвокатов в деле ведения нескончаемых судебных тяжб – совершенно обезличила и лишила власти местное начальство, которое совершенно лишено возможности, относясь к существу дела, вовремя останавливать появляющиеся беспорядки» [178].

Некоторые подробности этой захватывающей истории можно проверить и уточнить из судебного дела, рассмотренного в Нижегородском окружном суде в 1886 году, по обвинению братьев Кузьмы и Павла Игнатьевых Безсоновых в оскорблении волостного старшины при исполнении им служебных обязанностей [179].

Из материалов дела выясняется, что 13 (26) января 1886 года волостной старшина Тарас Васильев Лопатников созвал в Хирине сельский сход для решения вопросов о взыскании недоимок и «учете» прежнего сельского старосты. Но явившиеся на сходку братья Безсоновы сорвали мероприятие, устроив там потасовку и нецензурно обругав старшину, находившегося при исполнении служебных обязанностей, назвав его «негодяем», «потатчиком воров» и «скверным старшинишкой». При этом отставной военный Кузьма Безсонов, давно уже не состоявший членом сельского общества, во время словесной перепалки схватил старшину Лопатникова за тулуп и так тряс его, что тот еле вырвался и вынужден был покинуть собрание.

Допрошенные по делу хиринские обыватели Андрей Сергеев Кочетков, Дмитрий Иванов Резчиков, Степан Григорьев Беляков, Александр Егоров Сосков и Петр Гаврилов Обушников пояснили, что потасовка произошла из-за того, что Лопатников взялся на сходе покрывать своего родственника бывшего сельского старосту Столярова, подозревавшегося крестьянами в растрате общественных денег. Именно этим, по словам свидетелей, был вызван гнев братьев Безсоновых, что в итоге и вылилось в драку на сельском сходе (л. 1-2).

В актах должностных лиц полиции Кузьма Безсонов характеризовался как «коновод в селе», «человек, пользующийся доверием общества» и уполномоченный им ходатайствовать об «обмене негодной земли, доставшейся хиринским крестьянам по уставной грамоте», на более удобную из той, что осталась за помещиком Балашевым. Пока же земельное дело не решено, Безсонов запрещал хиринским крестьянам отсылать выкупные платежи (л. 4 об.) и якобы даже ругал старосту Обушникова за то, что тот внес в казну 200 рублей.

Иван Павлов Лапушин, проходивший по делу сначала в качестве обвиняемого (говорили, что он тоже ругался в адрес старшины на сходе), на дознании уточнил, что подати все-таки собирались, но Безсонов настаивал, что вносить их в казну не следует до тех пор, пока им не будет получен ответ от великого князя Михаила Николаевича.

О масштабах деятельности, развернутой хиринским «коноводителем» Безсоновым, свидетельствует его письмо, написанное летом 1885 года и адресованное фельдфебелю Павлу Егоровичу Курмышеву (цитата из канцелярской копии с сохранением орфографии источника): *«Читайте письма мои, которые получили, и исполняйте, что прошу я вас в них, в точности все. Если придет к вам неперменный член Кутлубицкий или Зендер [...] и будут угрожать, не слушать их и возложить все ответы на меня, и если [даже предложат что-то] в вашу пользу и то не позволяю вам [решать] без меня. Уведомляю я вас, что жестоко тебе противу рожна и мне жестоко стоять противу суда за вас, да будет с нами Бог, разумеите языцы и покаряйтесь, яко с нами Бог. 24 года ждали, да и очень много дел набрали, не считая ваших заявлений, и я подал 18 прошений, да и если я не буду жив, то и тогда скажите детям всем вашим, что у нас документ данный купчий – ложный, сделан Зендером без согласия общества, да и если Зендер сдохнет, тогда будем искать с Балашева имения. И вот вам пример, что которая земля не принята вами у Крутца (имеется в виду дер. Ключищи. – Л. М.) 200 десятин от 1862 года и [до] 1885 года – итого 24 года, за нее следует взыскать с Балашева всех денег 27 тысяч 208 руб. 48 коп.»* [180].

Когда следователь допрашивал главного обвиняемого Кузьму Безсонова, тот показал, что состоит поверенным хиринского сельского общества по делу об обмене негодной земли, навязанной крестьянам помещиком и его управляющим без согласия сельского общества. Иногда он, Безсонов, действительно писал своим единомышленникам письма, чтобы ознакомить их с ходом дела и предупредить на случай возможного запугивания со стороны Зендера и связанных с ним должностных лиц, в частности неперменного члена Нижегородского губернского правления г-на Кутлубицкого. Обвиняемый сообщил, что в губернское правление хиринские крестьяне неоднократно обращались с прошениями, но все их письма оставались без ответа, потому что *«там все решал Кутлубицкий, как хотел»*. А он был на стороне Балашева и Зендера.

Безсонов также уверил следователя в том, что никогда не возбуждал крестьян против властей. Бывшего сельского старосту Столярова он, действительно, подозревает в растрате мирских денег и требует от него «учета», за что на него и наговаривают старшина Лопатников (родственник Столярова) и его пособники. Что же касается последнего хиринского старосты П. Г. Обушникова, то о нем Безсонов отзывался очень уважительно, заявив, что *«не находит лучшего старосты, как Обушников, ибо сей последний человек скромный, достойный, и что за 20 лет что ни староста, то вор, никто не проходил, не захватив 100-200 рублей мирских денег»*. Поэтому «терпение лопнуло», и он, Безсонов, решился отстаивать интересы общества [181].

Следствие не нашло в действиях главного обвиняемого состава преступления против властей. В обвинительном заключении говорилось, что *«целью действий Безсонова был обмен бездоходной, для пашины и сенокоса неудобной земли, отведенной крестьянам села Хирина по уставной грамоте в 7 верстах от селения и в чрезполосном с бывшим помещиком владении»*, а это – чисто имущественный спор.

Кстати, в 1904 году та самая неудобная земля, доставшаяся хиринским крестьянам по злому умыслу Зендера, описывалась в хозяйственных документах следующим образом: *«Участок к д. Ключищам лежит частью в залежи. Прежде была новь, но теперь родить перестала, т.к. навоз возить далеко и скотину гонять нельзя (новь из-под дубника). На ½ теперь зарастает мелким лесом. Земля иловатая, на*

Судебное дело по обвинению братьев Безсоновых. ЦАНО

другой половине, где песок, кроме мха ничего не растет. По всем этим местам ходит гумая скотина (коринская и крутецкая и ключищенская)». [182].

В судебном заседании, состоявшемся 6 ноября 1886 года, после обвинительной речи прокурора был заслушан подсудимый Кузьма Безсонов. Он повторил свои показания, а также все прежние обвинения и ругательства в адрес волостного старшины, почему и был лишен «за дерзкое поведение» последнего слова (л. 14 об.).

В итоге суд признал братьев Безсоновых виновными и назначил каждому из них соответствующее уголовное наказание: Кузьме – тюремное заключение сроком на 8 месяцев, Павлу – арест при полицейском управлении сроком на 3 месяца (л. 18 об.).

В советские времена в Хирине и окрестных селениях эту историю хорошо знали, потому что каждый подобный случай «борьбы угнетенных против своих угнетателей» был у властей на особом учете. Соответственно, многим здесь было известно, что закованного в кандалы Безсонова увезли под стражей в Нижний Новгород, после чего героя якобы и след простыл.

Кузьма Игнатьевич, действительно, больше никогда не возвращался в родное село. Но скорее всего, не из-за репрессий властей, а потому, что просто не оправдал надежд односельчан, поскольку все суды по земле он проиграл. В 1887 году Правительствующим Сенатом – высшей судебной инстанцией Российской империи – в хиринском деле была поставлена точка: все здесь осталось по-прежнему, границы земельных владений пересмотру не подлежали.

Однако в ходе этой очень дорогостоящей для крестьян, но безрезультатной тяжбы Безсоновым и его единомышленниками были каким-то образом «утрачены на суде с господином Балашевым» абсолютно все документы и планы сельского общества на землю [183]. Не исключено, конечно, что это могло быть подстроено ответчиками. Но факт остается фактом: Кузьма Безсонов в этой неравной борьбе проиграл, «миссию» свою не выполнил, а потому и возвращаться в Хирино ему было совершенно незачем – стыдно людям в глаза смотреть.

Его младший брат Павел, опытный каменщик, на ноябрьский суд 1886 года явился прямо из Оренбурга. Отбыв назначенные судом 3 месяца ареста, он туда же и возвратился, чтобы продолжить работу. Со временем за ним перебралась и его семья.

А вот у Кузьмы своей семьи не было, не обзавелся. Поэтому, возможно, старый солдат Кузьма Игнатьевич Безсонов окончил свои дни где-то в Оренбургской или соседней с ней губернии, рядом с братом и его домочадцами. За свою долгую и беспорочную воинскую службу он совершил немало ратных подвигов, вместе с товарищами одержал в боях не одну победу, но, вернувшись к мирной жизни, потерпел такое сокрушительное и обидное поражение.

Богданов-Бельский Н.П. Крестьянин

5. С землей, но без земли.

Жизнь хиринцев после крестьянской реформы

После истории с Безсоновым, проигранного им суда и утраты документов, многие хиринские крестьяне, кажется, окончательно потеряли интерес к земледельческому труду. Об этом можно судить по материалам Арзамасского уездного съезда земских начальников, куда в январе 1897 года поступил на рассмотрение приговор крестьян села Хирина с просьбой об отсрочке выкупных платежей. И, судя по дате, свое ходатайство хиринцы «приурочили» к знаковому для них событию – получению известия о смерти Зендера. Или просто так совпало.

По дознанию, произведенному земским начальником Тарховым, оказалось, что за душевой надел в 3,4 десятины крестьяне платили по 6 рублей выкупных платежей в год, а всех платежей, не считая страховых, приходилось около 10 рублей в год с души, что, по мнению земского начальника, было для них крайне затруднительно.

«Обременительность платежей обусловливается неудовлетворительностью надела и непривычкой большинства населения к земледелию, так как большинство издавна занимается каменно-кладочным и штукатурным мастерством, уходя с 14-15 лет в посторонние заработки. Земельный надел наполовину удовлетворительного качества, наполовину плохой – с чисто песчаным грунтом, тянется верст на 6 от села, часть земли заброшена и не пашется. Покосов самое незначительное количество – всего 25 десятин и те не высокого качества. [...] Хлеба от надельной земли никогда не хватает для прокормления населения. [...] Хозяйство крестьян, – заключает Тархов, – несомненно, расстроено, на что указывает, кроме накопления недоимки, недостаток скота и вообще движимого имущества и упадок строений».

Но далее он пишет: «Надельная земля в общем по качеству своему не настолько плоха, чтобы одним этим можно было объяснить такое расстройство хозяйства; плохие урожаи объясняются небрежным отношением к земле и крайне плохой обработкой; во всяком случае лежащие на земле платежи несколько велики и не соответствуют ее доходности, почему при падении цен на работников в половине 80 годов недоимка стала сильно расти и с 3454 руб. в 1883 году к 1890 г. возросла уже до 25 тыс.

руб.; наступившие затем неурожаи и вздорожание хлеба способствовали большему разорению. [...]

В настоящее время нет никаких данных предполагать, чтобы хозяйство крестьян в близком будущем исправилось, напротив недоимка за 1895 г. возросла слишком на 2 т<ысячи> руб.

[...] Накопление недоимки объясняется в большей степени хозяйственными условиями, но немалую долю влияния имела и слабость взыскания: крестьяне плательщики, увидав, что неплатеж даже по упорству остается безнаказанным, переставали платить; теперь не редкость видеть накопление недоимки за богатыми. Немало способствует накоплению недоимки полная небрежность полиции в содействии ко взысканию таковой с лиц, проживающих на сторонних заработках; нередко последние, проживая без паспортов, которых не выселяют за неплатеж повинностей, пользуются покровительством низших чинов полиции, почему взыскания с них становятся невозможными» [184].

Таким образом, хозяйственные условия, в которых оказались хиринские крестьяне после отмены крепостного права, медленно, но верно сгоняли многих из них с собственной земли, заставляя искать счастье вдали от родных мест.

С вышеизложенными взглядами земского начальника в целом согласен и автор статьи в «Нижегородских губернских ведомостях»: «При достаточном количестве полевой земли, – писал Н-ков, – хиринцы могли бы получать от земледелия полное обеспечение. Но, к сожалению, надел земли, причитающийся на каждую душу, благодаря своей незначительности, часто приносит такое количество хлеба, что его едва хватает до зимы. Так как земледелие не может удовлетворять всем нуждам и потребностям многих семейств хиринцев, то последние принуждены искать себе средств к пропитанию посредством промыслов» [185].

О них теперь и пойдет речь.

Мясоедов Г. Г. Дорога во ржи

Глава V

*Дорогами
хиринских каменщиков*

1. От сохи и плуга к кирке и лопатке. Начало истории хиринских каменщиков

Промысел, ставший в XIX веке своего рода визитной карточкой и главным доходным занятием хиринских крестьян, зародился, вероятно, еще в середине XVIII века, когда в Хирино по приглашению князя А. А. Путятина прибыла артель мастеров-каменщиков для строительства Предтеченской церкви.

Кем они были и откуда пришли, узнать пока не удалось. Основных версий две. Строителями могли быть, во-первых, ярославцы – главные по тем временам «каменных дел мастера», активно промышлявшие в обеих российских столицах и их окрестностях. Поскольку князь Путятин постоянно жил в Москве, он вполне мог «сговорить» понравившихся ему умельцев для работы в своей арзамасской вотчине. Кроме того, в Ярославском уезде находились родовые имения жены Путятина Анастасии Барятинской, где тоже наверняка были свои крепостные каменщики. Возможно, в Хирино отправили кого-то из них.

Во-вторых, хиринскую церковь могли прийти строить владимирские мастера: в середине XVIII века именно их чаще всего привлекали к каменным работам в Саровской пустыни, с которой Путятины всегда поддерживали тесные связи.

Как бы то ни было, приезжим при строительстве церкви в качестве подмастерьев, подносчиков, плотников и чернорабочих постоянно помогали путятинские крепостные крестьяне, которые старательно осваивали секреты доселе не знакомого им ремесла. В 1770–80-е годы практическое обучение хиринских крепостных продолжилось уже при возведении верхней церкви, а затем колокольни. Постепенно хиринские каменщики обрели самостоятельный опыт отхожих заработков, получения строительных подрядов, заключения договоров, организации рабочих артелей и т.д. и т.п. Первые документальные сведения о хиринских мастерах-каменщиках нам удалось разыскать в бумагах конца 1810-х годов, связанных с историей всемирно известной Нижегородской ярмарки.

Напомним, после большого пожара в Макарьеве, уничтожившего в августе 1816 года практически все ярмарочные строения, в Петербурге было принято решение о перенесении большого торгового центра в Нижний Новгород. Для возведения нового комплекса сооружений Нижегородской ярмарки из казны было выделено 6 млн рублей. Принимая во внимание исключительную важность ярмарки для экономического процветания России, император Александр I распорядился даже отложить строительство Зимнего дворца в Петербурге.

*Августин Августинович
Бетанкур*

Застройка выделенной под размещение торгового комплекса территории на левом берегу Оки, между Кунавинской слободой и селом Гордеевка, была начата весной 1818 года и осуществлялась по проекту и под руководством знаменитого архитектора Августа Бетанкура (1758–1824), задавшегося целью – ни больше, ни меньше – возвести лучший торговый комплекс в Европе. Масштабы строительства были поистине огромны и постоянно тре-

бовали большого числа рабочих всех строительных специальностей, для поиска и вербовки которых по городам и весям Поволжья неустанно разъезжали уполномоченные комиссары.

Но строители и сами шли в Нижний, чтобы предложить свои услуги. Так, 3 января 1819 года в Комитет строения Нижегородского ярмарочного гостиного двора явились из села Хирина крепостные крестьяне господ Балашевых – Василий Резанов, Иван

*Гостинный двор Нижегородской ярмарки
в 1-й половине XIX века*

Зубарев и Кирилл Безсонов, которые *пожелали обязаться* поставить для производства каменных работ при ярмарочном строении до 60 каменщиков и 20 подносчиков. За работу они попросили *«с каждой кубической сажени выведенного в фундамент бута и с каждой положенной в стену тысячи кирпича по 6 рублей 25 копеек, на делание карнизов, сводов, лестниц и колонн [...] по 2 рубля на каждого каменщика и по 1 рублю на каждого подносчика в день, а знающим плотничное мастерство, в случае [если] кто употреблен будет в плотничные работы, такую плату, какая при последних торгах состоять на оные будет»* [186].

Комитет, найдя расценки хиринских мастеров *«весьма умеренными и для казны выгодными»* и удостоверившись из имеющихся у них аттестатов, что *«к означенным работам они навичны»*, на предложение согласился. Для заключения сделки им был передан контракт с детально прописанными «кондициями» (условиями). Для утверждения контракта необходимо было получить обязательное согласие и гарантии вотчинной конторы Балашевых в лице управляющего хиринским имением. Только после соблюдения этой формальности договор мог вступить в законную силу.

В феврале 1819 года уполномоченный от Комитета строений ярмарочного гостиного двора казенный комиссар Диго отправился в очередную поездку по Арзамасскому уезду с целью вербовки рабочей силы. С оказией заехал он и в село Хирино для улаживания последних формальностей с вотчинным начальством, подписания с подрядчиками контракта и выдачи им условленной предоплаты. Однако дело приобрело неожиданный оборот, поскольку оказалось, что управляющий хиринским имением Балашевых капитан Яцынин *«по новости управления его оною вотчиною [...] не может за них поручительства сделать, а хотел прислать еще некоторых известных ему людей для присоединения в оной же контракт»* [187].

Диго уехал ни с чем, а в марте того же года вотчину Балашевых посетил инженер подполковник барон Боде, которому Комитетом было поручено на обратном пути из Пензенской губернии заехать в село Хирино *«для окончательного разрешения по заключенному с теми крестьянами условию, с такими переменами, какие он сделать*

по обстоятельствам найдет нужным, а по недостатку каменщиков подрядить оных и еще, сколько возможно» [188].

На месте же, как следует из рапорта г-на Боде, управляющий Яцынин объяснил, что «хотя оные крестьяне – хорошие мастера в своем деле, но не довольно воздержанные и основательные, чтобы он мог дать им такое одобрение». Как оказалось, это был лишь благовидный предлог, поскольку гораздо важнее для вотчинного начальства было то, что «по недостатку в расчислении они [подрядчики] взяли такую цену, за которую они не могут оную работу выполнить, что и более ему воспрепятствует ручаться за них». После того Яцынин призвал других подрядчиков из крестьян хиринской вотчины, которым он готов был дать нужное одобрение. Однако эти новые подрядчики, вступив в переговоры, «находили многие затруднения в условии, сделанном с прежними подрядчиками, по которым они вовсе не согласны были [работать]» [189]. По ходу переговоров в Хирине инженер барон Боде, «для лучшего согласия обеих сторон», счел необходимым переделать прежние кондиции контракта, копию с которого он и предоставил в Комитет.

Этот интересный документ позволяет увидеть, как в начале XIX века была организована ежедневная работа каменщиков на объекте, а также раскрывает некоторые технологические тонкости строительного процесса того времени. Следующий ниже текст кондиций приводится нами в современной орфографии, с исправлением многочисленных грамматических и синтаксических ошибок, зачастую существенно искажавших смысл отдельных фраз и предложений.

Итак, бароном Боде от лица высочайше утвержденного Комитета строения ярмарочного гостиного двора хиринским подрядчикам было предложено следующее:

«1) Поставить 60 каменщиков и нужное количество подносчиков с 15 мая по 1 октября и далее, ежели нужно будет и погода позволит.

2) Каменщиков выставлять не первогодков и не моложе 17 и не старше 55 лет.

3) В случае ненастья и [в] дождливые дни, по которым каменную кладку производить невозможно, по желанию подрядчиков [следует] употребить каменщиков в черную работу, платы им [в этом случае полагается] за каждый день каждому по 1 р. 20 к., а подносчикам – по 1 р. в день, а ежели найдутся в числе каменщиков плотничного дела мастера, то употреблять оные на дело кружал, производя тем плату по 1 р. 50 к. на день.

4) Каменщики должны иметь принадлежащий к мастерству их весь инструмент свой собственный, а прочее получают от казны, а подносчики должны сами себе сделать носилки, ящики, козлы и прочие им нужные вещи без платы и получая только на оные казенные материалы.

5) На каждый десяток каменщиков иметь одного совершенно знающего свое дело, на коего бы можно было положиться в точном исполнении приказанья. Сверх того, иметь им одного хорошего десятника для надзора за творением извести. Оные десятники как равно и подрядчики, ответственны за худой раствор извести и за худую кладку бута и кирпича в стены. И если [господами] инженерами усмотрено будет, что кто-либо [из] каменщиков положил бут насухо и не плотно, заливая только сверх ряда прыском, или также положил кирпичи в стену не вжимая оные в раствор, но только с заливанием оной прыском, то сломать им сию работу и переделать оную на счет приказчиков.

6) Творение извести каменщики должны производить следующим образом: 1) как имеется в казне на творение извести мельница, в которой предлагается приготовить сколь возможно оной для постройки, что и составляет великое облегчение

каменищикам, то подрядчики дают из каждой сотни каменщиков по три человека для нужной работы при мельнице без платы. Сей раствор подвозят им в их творила подле строений на счет казны, а каменщики перед употреблением оного раствора должны оный еще перемешать; 2) если казенная мельница не успеет наделать все нужное число раствора, то каменщики должны носить известь из магазина в творила, ими приготовленные, положить на оную [известь] известное по опытам число песка, потом наливать потребной воды, сколько возможно ровнее, и заравнивать делаемые в песке трещины, дабы известь не потеряла бы свою силу, оставив оную так закрытой до 4-х суток, после чего размешать оную в твориле, не прибавляя более воды, как необходимо нужно, и до тех пор, пока песок будет совершенно с известью перемешан, выкидывая из оной [смеси] все камни и другие части к ним (песку и извести. – Л. М.) не принадлежащие.

7) Каменщики должны принять бут в полусаженях, как оный подле самых строений положен, и положить с должной осторожностью под лопаткой и защебенить оный лучшим образом, дабы он плотно лежал, и отнюдь не впрыском.

8) Каменщики должны принять кирпич счетом в клетках в окружности производимых строений. По выравнивании цокольной кладки или бута по ватерпасу, заливая по нему слой раствора, обмочить каждый кирпич в воде и положить оный плотнейшим образом, дабы выжимать сколь возможно между швами раствору, и так продолжать кладку.

9) Если потребно будет класть в строение железные связи, скобы, крючки для дверей и прочее, то за положение оных подрядчикам не получать особенную плату сверх уговоренной на тысячу кирпичей, также и за перемычки сверх дверей и окон, равно и за рустик.

10) Каменщики должны выходить на работу в мае, июне, июле и августе месяцах в 4 часа утра, в 8 часов завтракать на работе полчаса, обедать и отдыхать от 12 до 2 часов, а вечером уходить в 8 часов с работы; в сентябре и октябре выходить в 5 часов, завтракать в 8 часов полчаса, обедать от 12 до 1 часа и уходить в 8 часов.

11) Подрядчики должны представить в Высочайше утвержденный Комитет все свои и рабочих своих плакатные паспорта или билеты.

12) Выдачу денег производить подрядчикам помесечно, оставляя треть всей суммы месячного заработка в казне на случай неисправности подрядчиков, как и для большего казны облегчения.

13) Подрядчики обязуются производить таковую работу по всей силе их и рабочих их во всей исправности и в должном послушании и сделать все точно, как им от <господ> инженеров и архитектора приказано будет, с получением за каждую сажень бута, полученную в полусаженях, по __ рублей, а за каждую тысячу 6-вершков-ых кирпичей, полученных в клетках, по __ (цифры в документе опущены. – Л. М.).

14) Как предполагается делать своды, колонны, лестницы и карнизы поденной работой, то подрядчики обязуются для оной работы ставить каменщиков вместе с нужным числом подносчиков по __ (цифры в документе опущены. – Л. М.).

15) Всякого рода материалы, какие бы ни было нужно каменщикам или их подносчикам носить, [должны будут находиться не] далее, как в расстоянии 20 сажень, а в случае дальних расстояний оных казна обязаны материалы им доставлять.

16) Подрядчикам получить в задаток при заключении сего контракта __ (указание суммы задатка в документе опущено. – Л. М.).

17) В обеспечение казны для исправного выполнения сего уговора и задаточных денег представляют подрядчики одобрение, какое им дано будет от управляющего вотчиной госпожи их» [190].

Однако переговоры в Хиризине даже после корректировки условий, сделанной инженером Боде, зашли в тупик. Как сказано в его отчете, предложенные Яцыниным «подрядчики просят такие высокие цены, что нельзя подумать с ними заключить контракт, а именно просят за каждую сажень бута по 15 р. и за каждую тысячу кирпичей по 10 р., а за каждого каменщика в черную работу во время ненастных дней по 1 р. 50 к. и за каждого подносчика в таком случае по 1 рублю в день, так и далее. Подносчиков оные самые предлагают иметь, по большей части, из малолетних».

«По сим причинам и по малой склонности сих крестьян приняться за таковой подряд, – завершил свой отчет Боде, – я оставил сие дело, о чем честь имею известить Комитет, дабы в ожидании выгоднейшего подряда с хиринымским[и], не оставлены были делаемые ниже на сие в Комитете торги и подряды» [191].

Сейчас уже трудно сказать, по каким причинам дело в итоге расстроилось. Возможно, крестьяне-подрядчики В. Резанов, И. Зубарев и К. Безсонов, действительно, просчитались в цене или слишком дешево оценили свой труд и труд своих братьев-крестьян, как указывал на то управляющий вотчиной. Но скорее всего, что и сам Яцынин, по собственной ли корысти или в интересах своих помещиков и своих подрядчиков, решил воспользоваться рыночной конъюнктурой и особым отношением казны к строительству ярмарки, желая сорвать на этом деле хороший куш. Во всяком случае, у нас есть основания заподозрить его в некотором лукавстве, поскольку он, отказываясь утвердить контракт, ссылаясь якобы на «новизну управления им вотчиной», тогда как ко времени начала переговоров прошло уже почти полтора года с момента вступления его в должность.

Как бы то ни было, Комитет принял решение: исполнение журнального постановления от 3 января 1819 года «прекратить и контракт с [хиринымскими] крестьянами как не имеющими доверия оставить без действия» [192].

Подряд на строительство ярмарочного гостиного двора в итоге получили конкуренты, а именно – государственный крестьянин Иван Иванович Климов из села Диево-Городище, собравший на ту стройку около двух тысяч крестьян из Костромской, Ярославской и Нижегородской губерний, причем из последней – преимущественно помещичьих крестьян Балахнинского уезда – главных конкурентов арзамасских каменщиков внутри губерний. Размах деятельности Климова хоть и оказался гораздо шире хиринского предложения, однако многие завербованные им рабочие так и не получили от него кровно заработанных денег, но похоже, план Климова этого и не предусматривал. Едва получив расчет от казны, предприимчивый ярославский подрядчик удалился в неизвестном направлении, а на претензии рабочих и их многочисленные жалобы в Комитет отвечал презрительным молчанием. Когда же из-за вмешательства в дело высоких чинов отмалчиваться дальше стало уже невозможно, Климов назвал себя тяжело больным и прислал для неприятных объяснений в Нижний Новгород своего сына, примером доказавшего, что «яблочко от яблони недалеко падает». Дело дошло до суда, но чем все закончилось, из настоящих архивных материалов установить невозможно. Впрочем, вся эта история кажется нам до боли знакомой по реалиям современной России.

Несмотря на первую неудачу, на следующий 1820 год хиринские мастера снова попытались завербоваться на нижегородскую «стройку века». Н. Ф. Филатов, посвятивший немало своих трудов истории ярмарки, приводил в свое время данные

(жаль, что без указания источника) о том, что некий подрядчик Сергей Королев (вероятно, из тех, кому управляющий Яцынин «доверял») тоже предлагал Комитету услуги хиринских каменщиков [193], однако Филатов не уточняет, увенчалась ли эта их повторная попытка успехом. Принимая во внимание поистине гигантские масштабы тогдашнего ярмарочного строительства, можно лишь предположить, что вотчинное правление Балашевых и хиринские крестьяне-подрядчики, сделав необходимые выводы из неудачного переговорного опыта 1819 года, сумели как-то сговориться с Комитетом строения ярмарки о ценах и внесли-таки свою трудовую лепту в создание лучшего, по замыслу Бетанкура, торгового комплекса в Европе.

*Василий Степанович
Гундяев*

Другой интересный пример из жизни хиринских каменщиков связан со строительством в уездном городе Лукоянове городского собора в честь Покрова Божией Матери – того самого, с которым с конца XIX века теснейшим образом переплелась судьба деда нынешнего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла – Василия Степановича Гундяева и его родных.

*Виды лукояновского Покровского собора,
начало XX века*

В этот Покровский собор в бытность В.С.Гундяева сначала слесарем, а затем и машинистом депо при железнодорожной станции Лукоянов, вся семья Гундяевых регулярно ходила молиться за богослужением, здесь крестились их дети, в том числе и отец будущего первоиерарха Русской Православной Церкви – Михаил, родившийся в 1905 году. А в 1920-е годы В. С. Гундяев, возглавив в Лукоянове и его уезде борьбу православных с обновленческим расколом, приложил немало усилий, чтобы сохранить главный лукояновский храм за Канонической церковью. И хотя отстоять его тогда не удалось, однако активная борьба православных жителей г. Лукоянова практически свела к минимуму распространение обновленческого церковного раскола на территории уезда [193].

Незадолго перед тем как открылись обстоятельства, обнаружившие связь Хирина с историей Лукоянова и его собора, нами были найдены в

архиве уникальные документы, раскрывающие подробности ареста и заключения в 1923 году В. С. Гундяева вместе с епископом Лукояновским Поликарпом. Чекисты обвинили их в поддержке Святейшего Патриарха Тихона – тогдашнего главного, по версии большевиков, «государственного преступника», находившегося в то время под следствием. А в канун своего 65-летия из рук потомка хиринских каменщиков И. Р. Ашурбейли нынешний Патриарх Московский и всея Руси Кирилл получил точные копии тех материалов, раскрывающих драматические страницы истории возведенного хиринцами лукояновского храма, его служителей, прихожан и своего деда В. С. Гундяева.

Итак, документы свидетельствуют, что в апреле 1824 года крестьянин села Хирина Арзамасского уезда *Василий Григорьев сын Кульков* (он же Пуриков), совместно с крестьянином Балахнинского уезда деревни Черниц (вотчина графини Орловой-Чесменской) Дмитрием Пантелеевым Снегиревым подрядились построить в Лукоянове каменную церковь *«по утвержденному плану и фасаду из материалов и припасов городского общества до самого ее совершения на прописанных в контракте кондициях»*.

В соответствии с тем контрактом работа Василием Кульковым и его артелью, набранной, очевидно, из одновотчинных ему хиринских крестьян (имена рядовых каменщиков в договорах никогда не упоминались), была полностью завершена. Попечительский комитет в декабре 1827 года выдал Кулькову аттестат, удостоверяющий, что *«каменный собор в течение прошедших 4-х лет вчерне кирпичною кладкою по данному ему плану и фасаду, не отступая ни в чем от оных, весь исправно окончен»* [194].

Однако в 1834 году при осмотре собора нижегородским городовым архитектором Г. И. Кизеветтером были обнаружены в конструкции собора некоторые неточности и отступления от утвержденного проекта, допущенные каменщиками. Стоимость переделки их была оценена комиссией в сумму 4 500 рублей серебром. В контракте же для подрядчиков было прописано условие, что *«если против плана и фасада не в точности собор они сработают, то переделать должны они на свой кошт»* [196]. В связи с этим и началась тогда долгая судебная тяжба, прошедшая все судебные инстанции того времени и завершившаяся в 1864 году, когда Правительствующий Сенат вынес по этому делу окончательное решение. Сам Кульков вскоре после начала судебного процесса помер, едва отметив свое 40-летие, – возможно, на фоне перенесенного им в связи с началом тяжбы душевного расстройства. Поэтому ответчиком на суде выступала вотчинная контора Балашевых в лице нового управляющего хиринским имением В. Б. Зендера.

После повторной экспертизы, удостоверившей, что лукояновский собор давно принят в эксплуатацию, в нем регулярно проводятся богослужения, и никаких неудобств в связи с ранее допущенными отступлениями от плана никто не испытывает, Сенат отказал истцам во взыскании ущерба, приняв таким образом сторону ответчика.

Оба эти случая, возможно, не совсем удачные иллюстрации того, как хиринские мастера-каменщики подвизались на строительных подрядах. Положительных примеров, несомненно, было гораздо больше – об этом свидетельствует размах промыслового исхода каменщиков из Хирина в последней трети XIX века, доказывающий, что репутация местных строителей, востребованность их профессиональных услуг и доверие заказчиков к качеству их работы были чрезвычайно высоки.

2. Этапы развития отхожих промыслов в селе Хирине

В дореволюционной истории села Хирина можно условно выделить два периода в развитии крестьянских отхожих промыслов. *Первый этап* – с начала XIX века до 1861 (точнее до 1870) года, можно условно назвать «крепостным», поскольку в это время главным стимулом, заставлявшим крестьян искать сторонние заработки, было «оброчение» крепостных крестьян помещиками и их управляющими.

В этот период главным центром притяжения крестьян-отходников был Нижний Новгород, а точнее – Нижегородская ярмарка, куда стекались многочисленные подрядчики и крестьяне в поисках заказчиков на свои услуги. Хиринцы явно были здесь не редкими гостями. Нужно учесть и то, что хиринские мужики, наверняка, привлекались для различных поручений, связанных с обеспечением Нижегородской ярмарки продукцией многочисленных балашевских предприятий, прежде всего, южноуральских железоделательных заводов, – ее за один ярмарочный сезон продавалось здесь на несколько десятков, а то и сотен тысяч рублей.

Кстати, уже известный нам лукояновский случай вступления в подряд хиринской артели каменщиков вместе с крестьянами Балахнинского уезда, вполне вероятно, свидетельствует о том, что переговорной площадкой для заключения этого контракта могла быть как раз Нижегородская ярмарка. Именно здесь конкурирующие между собой на внутреннем рынке арзамасские и балахнинские каменщики имели больше всего шансов пересечься и договориться о совместной работе.

Второй этап, начинающийся с 1870 года – времени обретения крестьянами полной и безусловной независимости от помещичьей экономики, характеризуется преимущественно вынужденным исходом хиринских крестьян на сторонние заработки из-за невозможности прокормиться за счет доставшегося им земельного надела.

В этой схеме 1860-е годы – некий *переходный период* экономической неопределенности, когда хиринские крестьяне в статусе «временно обязанных» господам Балашевым, с одной стороны, все еще надеялись на благополучный для них исход земельного вопроса и потому не рвали окончательно связи с землей, а с другой – еще больше нуждались в живых деньгах как для уплаты оброка и уже введенных земских повинностей, так и для обустройства жизни на новых хозяйственных началах.

Об отхожих промыслах крепостного периода можно было бы почерпнуть более подробные сведения в документах хиринского вотчинного правления, если бы таковые в архивах сохранились. Но, увы, их нет. Поэтому мы можем довольствоваться лишь данными земской статистики, характеризующей второй период развития отхожих промыслов хиринских крестьян.

И здесь в нашем распоряжении имеется любопытный доклад, сделанный в 1874 году на заседании Нижегородской губернской ученой архивной комиссии Н. Г. Первухиным «О состоянии отхожих промыслов Арзамасского уезда», где обобщен значительный статистический материал по данной проблематике [197].

Из приложенных к докладу таблиц видно, что, по данным волостных учреждений, до 1850 года крестьяне села Хирина отлучались на сторонние заработки всего лишь 10 раз. Однако эта цифра кажется нам мало правдоподобной. Во-первых, волостные учреждения, на которые в качестве источника ссылается автор доклада, возникли лишь в ходе земской реформы 1860-х годов, следовательно, предоставленные ими данные не подкреплены заслуживающими доверия документами. Во-вторых, учитывая масштаб вовлечения хиринских крестьян в каменщицкий промысел уже

в 1820-е годы, трудно поверить в то, что на протяжении почти трех последующих десятилетий они не использовали свои профессиональные навыки для получения дохода на стороне, наблюдая, как этот чрезвычайно выгодный и стремительно растущий сегмент рынка методично завоёвывают их конкуренты.

Из обзора Первухина также видно, что в 1860–1870-е годы отход каменщиков из Хирина носил нерегулярный характер. Например, по данным за 1860 год докладчику было известно о 24 случаях промыслового отхода. В 1864 году наблюдался пик трудовой миграции хиринских каменщиков за весь обзорный период – на заработки ушло 43 крестьянина. В 1865–1867 годах число хиринских отходников упало до минимума – 3–5 человек, а в 1870 году – снова резко выросло до 30 [198].

Не вдаваясь в анализ причин этих колебаний, подчеркнем лишь, что цифры, представленные докладчиком, взятые им в основном из волостных ведомостей выдачи паспортов, оказались, вероятно, несколько ниже реальных.

Объясняется это довольно просто. Во-первых, в те времена, как и всегда, нарушения паспортного режима в России были явлением отнюдь не исключительным. Многие крестьяне, покидая места приписки ради заработка, иногда вовсе не обзаводились обязательными для отлучки паспортами по самым разным причинам – по собственной безалаберности, из-за неоплаченных налогов, или просто оттого, что «не успели», поскольку решили идти «в последний момент» и т.п.

А во-вторых, немало крестьян, уходя на сезон и оказываясь в отдаленных местностях, зачастую совсем не торопились возвращаться на родину. Часто отходники годами умудрялись жить и работать на стороне с просроченными паспортами, уходя от административной ответственности при помощи либо обосновавшихся в тех краях земляков, либо подрядчиков-работодателей, плативших нелегалам гораздо меньшие деньги. Да и подкуп нижних чинов полиции, готовых за небольшую мзду закрыть глаза на мелкие нарушения законности, был весьма распространенной практикой.

3. Специализация внутри промысла

В кратком статистическом обзоре «О кустарных и отхожих промыслах по сельским обществам Арзамасского уезда» за 1901 год говорится, что в селениях Хирине, Корине, Тоузакове, Ключищах, Выселках, Федоровке, Шатках и Нечаевке *«кустарных промыслов не существует. Отхожие промыслы исключительно по каменно-кладочному и штукатурному мастерству»* [199].

Однако в документах местных учреждений более раннего периода обнаруживается, что в земских и полицейских отчетах 1860–1880-х годов, как правило, никак не фиксировалась более узкая специализация ремесла. Всех крестьян, уходявших на строительные заработки из Хиринской и ряда соседних с ней волостей Арзамасского уезда, обобщенно именовали каменщиками, хотя на самом деле среди них были представители нескольких строительных профессий, каждая из которых имела свои особенности.

Вот, например, сведения, почерпнутые нами из «Материалов для статистики России, собираемых по ведомству Государственных имуществ» (1858), где дана классификация строительных специальностей и краткое их описание.

«Занятия каменщиков заключаются в выводе стен, фундаментов и прочих частей различных зданий, из кирпича и камня, а равно в обделке или обтеске, са-

Русские типы.

Каменик

Штукатур

мого материала. Работа их весьма немногосложна и не требует особого искусства; а потому все, в известной мере опытные работники в артели, получают одинаковую плату. Весь успех дела зависит от подрядчика или, от одного из самых опытных работников артели, называемого десятником, который руководит работами и наблюдает, чтобы кладка кирпичей и камня была выполнена, согласно предложенному плану или чертежу. Обыкновенный период занятия их продолжается с мая месяца до

середины октября, – всего 5 с половиной месяцев.

После них поступают в дело **печники**, которые занимаются кладкою различного рода печей, общеупотребительных в домашнем быту горожан: голландских, кухонных, очагов и прочих, из кирпича, изразцов и глины. Работа их многосложнее, чем простая кладка стен каменичками, и притом производится нередко в одиночку; от чего в этом деле обращается большое внимание на искусство и опытность рабочего, с которым соразмеряется месячное жалование печников. В этом отношении они разделяются:

а) На мальчиков, обучающихся печному делу, которые мнут глину, носят кирпич, изразцы, подают воду мастеру и т.п.

б) На подмастерьев или обыкновенных рабочих, которые выводят голландские и другие, более искусственные печи, под надзором мастера; а сами по себе, т.е. одни, могут класть только простую крестьянскую печь (стряпную).

в) На мастеров, т.е. лучших и опытных в печном деле работников, которые в состоянии выполнить всякую печную работу и заменять в нужном случае самого подрядчика.

Период занятий печников с 23 апреля (с Егорья) до 22 октября (Казанской), т.е. 6 месяцев; но большею частью работают они не более 5 с половиной месяцев.

Штукатуры делят свою работу на простую, или серую, и хорошую, или фигурную. Первая состоит в обыкновенной штукатурке прямых наружных стен зданий и внутренних покоев, а вторая – в выводе шаблонов для карнизов, наличников и т.п. фигурных украшений различных частей зданий. Мастера фигурной работы получают плату дороже и составляют около половины общего числа всех штукатуров» [200].

Среди хиринских крестьян, уходивших на заработки во 2-й половине XIX века, были представители всех названных специальностей, причем нередко повышение их профессиональной квалификации являлось одновременно переходом из одной строительной специальности в другую. Первогодки (обычно мальчики-подростки

*Ремонт дома в Нижнем Новгороде.
Фото А. О. Карелина, начало XX века*

14-15 лет), пообвыкнув в артели на простейших «черных» работах (например, подносчиками), затем нередко привлекались к работам в качестве штукатуров – это был самый простой в строительном промысле и потому наименее оплачиваемый труд. Поэтому штукатуры, как правило, стремились стать каменщиками, и зачастую им это удавалось. Наконец, бывалые каменщики по мере накопления практического опыта могли уже браться за исполнение заказов и по печному делу, где требовался

высокий уровень индивидуального мастерства.

В последней четверти XIX века штукатуры стали отделяться от каменщиков и составлять специализированные артели, занимавшиеся исключительно штукатурными работами на объектах с законченной кирпичной кладкой – это было выгоднее для крестьян-отходников и по эффективности использования рабочего времени, и, соответственно, по оплате труда.

У каменщиков рост квалификации рабочего обычно сопровождался изменением его места в системе артельной организации труда, или, если можно так выразиться, внутри рабоче-строительной иерархии. Среднестатистический представитель профессии, начав свою трудовую жизнь в артели «мальчиком», затем становился рядовым каменщиком (второй руки), работавшим на объектах под руководством старшего и более опытного товарища, потом – каменщиком первой руки. В описываемые времена кирпичная кладка стен, согласно действовавшим тогда строительным стандартам и правилам, производилась каменщиками попарно, где один – «первая рука» – был старшим, ведущим, а другой – «вторая рука» – помощником.

Самые опытные каменщики, умевшие «с листа» читать чертежи, планы и рисунки, назначались в артели десятниками. Наиболее предприимчивые из них, обнаружив в себе деловую жилку и постигнув все тонкости организации строительного дела, нередко потом становились подрядчиками и «выходили в люди»: обретали достаток, обзаводились домами в городах, переходили из крестьянского сословия в мещанское и купеческое, становились «потомственными гражданами» и т.д. У них появлялась возможность дать неплохое образование своим детям.

Наверняка подобных примеров и сюжетов немало и в истории бывших крестьян Хирина. Но искать их следует преимущественно в тех отдаленных губернских и уездных городах и крупных селах, куда законы рынка направляли во 2-й половине XIX века многочисленные потоки крестьянской трудовой миграции.

4. Некоторые обобщения

Собранные материалы дают нам богатый материал для обобщений относительно организации отхожих промыслов хиринских каменщиков в 1-й половине XIX века и самого процесса работы на строительных объектах.

В частности, мы видим, что уже в 1820-е годы в Хирине было несколько крупных подрядчиков, бравших заказы по строительной части. Эти подрядчики ежегодно могли обеспечивать работой по каменно-кладочному мастерству до нескольких десятков своих односельчан и одновотчинных с ними крестьян, «к каменщицкому мастерству навичных». К их числу, помимо Хирина, напомним, относилось также крепостное население Ключищ и Хиринского выселка. После отмены крепостного права хиринские подрядчики часто производили вербовку рабочей силы и в других селениях Арзамасского уезда, не ограничиваясь территорией бывшей балашевской экономии.

Надо полагать, инициатива в поиске заказчиков даже в крепостные времена принадлежала самим подрядчикам, которым вотчинное начальство, заинтересованное в увеличении денежного оброка, предоставляло для этих целей известную свободу передвижения. Являясь на переговоры, подрядчики для удостоверения своего профессионализма и добросовестного отношения к делу предъявляли потенциальным работодателям *аттестаты* – т. е. свидетельства об уже исполненных ими ранее строительных работах, принятых заказчиками.

Для помещичьих крестьян, каковыми и были хиринские подрядчики и их наемники, обязательным условием при заключении контракта всегда было получение согласия и гарантий от вотчинного начальства, которое выступало одной из сторон в случае возникновения каких-либо юридических споров. Однако главные финансовые риски за недобросовестно сделанную или неисправную работу с подрядчиками делило сельское общество в силу действовавшего в обычном праве принципа круговой поруки. И при неблагоприятном решении суда ошибку или недосмотр хиринского подрядчика Василия Кулькова в истории с лукояновским собором его односельчанам пришлось бы отрабатывать.

После отмены крепостного права гарантами добросовестного строительства выступали уже сами хиринские подрядчики, которые в обеспечение своих обязательств по договорам обычно оставляли часть суммы у заказчика до сдачи объекта, а также нередко предоставляли документы на имеющееся у них недвижимое имущество, на которое по ходатайству заказчика стройки могло быть наложено запрещение. Эта недвижимость, таким образом, становилась залогом добросовестности исполнения подрядчиком своих обязательств. Так было, если подрядчик, выйдя из состава сельского общества, действовал как самостоятельный хозяйствующий субъект. Если же он продолжал оставаться членом хиринской общины, то в случае его несостоятельности при покрытии ущерба от некачественно выполненных работ могли быть задействованы правовые основания круговой поруки.

Впрочем, главной гарантией успешной сделки в старой России всегда оставались совесть и добрая репутация как подрядчика, так и заказчика, их крепкое мужское рукопожатие и данное перед Богом честное слово.

Чем крупнее и серьезнее был заказчик строительства, тем детальнее обычно прописывались в контрактах требования, предъявляемые к подрядчикам и поставляемым ими рабочим. Как в вышеописанном случае с Комитетом строения ярма-

рочного гостиного двора, в договоре могли указываться возрастные ограничения и опытность рабочих, детально прописываться материалы и инвентарь (инструменты и приспособления), которые каменщики обязаны были иметь при себе и которые, в свою очередь, должны были получить от заказчика. Вот, к примеру, выдержка из черновика известного нам контракта, где инвентарь каменщиков описан несколько подробнее: *«Каменщики должны иметь принадлежащие к мастерству их все инструменты, как то молоток и лопатки, а ломы, кулаки и прочее получить им из казны; подносчики должны сами себе сделать в праздное время носилки для таскания извести, ящики для творения оной и козлы для толкания кирпича; весь же потребный для поднощичьих (оригинальная орфография. – Л. М.) инструментов материал должен быть казенный»*. Подрядчик, в свою очередь, обязан был позаботиться о приготовлении достаточного количества творил, чтобы *«положенная в творила известь не ранее поступала в работу, как на третий день после своего в творила положения, а для построения творил весь потребный материал, равно и для наливания в творила воды, должны быть от казны»* [201].

Обязательно прописывались в контрактах случаи простоя каменщиков из-за неблагоприятных погодных условий и возможность их использования на других работах, например, по плотничному мастерству, если кто таковым владеет, или земляных работах (копание рвов, котлованов и т.п.), с указанием стоимости оплаты такого труда или порядка ее вычисления. Особо оговаривались условия производства и оплаты специальных работ, связанных с закладкой железных элементов в конструкцию здания (железные связи, скобы, крючья для дверей и ворот), а также декоративных частей строения (рустики, карнизы, своды, лестницы и колонны).

Одним из главных условий качественной работы рядовых каменщиков была организация подрядчиками грамотного руководства за ходом работ, а со стороны заказчика – надлежащего надзора за этим процессом.

Надзорную функцию могли выполнять инженеры-строители, как это было в большинстве случаев, когда в качестве заказчика выступали казенные учреждения, либо, например, приказчики, когда заказчиками строительства являлись частные лица (дворяне, купцы, состоятельные горожане) или коммерческие структуры.

Важную руководящую функцию выполняли так называемые *десятники*. Эти должности в артелях занимали обычно опытные мастера-каменщики с многолетним стажем работы, во всех тонкостях и деталях изучившие каменщицкое ремесло.

В договорах предусматривались случаи возможных конфликтных ситуаций из-за отступления строителей от правильной технологии (некое подобие современных СНиПов в те времена уже имело распространение), недобросовестного исполнения ими работ и возможных ошибок. Были четко прописаны меры, которые следовало предпринять, когда применялись неверные методы работы или обнаруживался брак. Например, если кто-то из рабочих стал *«класть бут насухо и сверх только ряда заливать прыском, а не в нажим, пуская каждый камень в раствор в наплав, и колотушками выжимать раствор из-под одного до тех пор, пока камень съедет на свое место, и не защебенил плотно камнями промежутков, то таковую работу переломать и на счет подрядчика переделать, оставляя сему последнему взыски с тех рабочих, за коими замечено будет таковое самовольство»*. Были предусмотрены в контрактах и штрафы, которые заказчик мог взимать, удерживая часть месячной платы, полагавшейся к выдаче подрядчикам по договору, например: *«если замечено будет, что каменщики по лености своей будут класть необлитой водою кирпич на*

версту и пускать оной в раствор не в наплав, а будут только сверх заливать известковым прыском, то подвергать вышесказанному наказанию».

Особенное внимание при каменном строительстве уделялось качеству раствора. Основой для приготовления раствора на Руси издавна служила известь, которая, как поясняет главный справочник по строительным работам в Российской империи, могла к месту постройки доставляться *«по местным обстоятельствам и обыкновению, как в гашеном (пушовка), так и негашеном состоянии (кипелка). Та и другая прилитием воды и размешиванием может быть приведена в состояние теста такой густоты, что при смешении с ним песку в различной пропорции, зависящей от качества извести, получается раствор, годный для каменных и штукатурных работ»* [202].

Известь могла быть разной степени жирности – это зависело от места ее добычи и, соответственно, поставщика. Чем жирнее известь, тем выгоднее с ней работать, поскольку можно использовать больший объем песка. Однако качество раствора в значительной степени зависело от добросовестности и усердия рабочих на местах. Поэтому в контрактах, которые заключали с хиринскими каменщиками, иногда можно было прочесть: *«По принесении из творил извести в ящики, оную хорошенько вновь перебить и перемешать лопатками таким образом, чтоб раствор был совершенно в том же виде, как оной должен идти в дело, и чтоб в оном не оставалось ни известковых, ни песчаных прослоек; в противном случае употребивший худо приготовленный раствор подвергается денежному наказанию дневной платы»* [203].

Общеизвестно, что в России при строительстве церквей в известковый раствор истари добавлялся для лучшей сцепки яичный белок, который поставляли, как правило, местные крестьяне. Такой раствор быстро и необычайно крепко схватывался. Поэтому, когда большевики, придя к власти, в своем богоборческом порыве принялись по всей стране разбирать храмы на стройматериалы, им зачастую не оставалась ничего иного, как только взрывать или обрушивать церковные здания с помощью тяжелой техники, надеясь, что какая-то часть кирпича уцелеет для повторного использования. Однако процент такого «полезного» кирпича, посаженно-го ранее на яичный раствор, оказывался, как правило, ничтожно мал.

С яичным раствором не раз имели дело и хиринские мастера, поскольку на протяжении более чем вековой истории развития в Хирине каменщицкого отхо-жего промысла им неоднократно приходилось возводить храмы в разных уголках России.

Наконец, особо стоит сказать о географии трудовых миграций крестьян-отходников, отправлявшихся на заработки в поисках лучшей жизни, найдя которую, многие, в основном молодежь, уже не желали возвращаться на свою малую родину.

5. Миграции хиринских строителей-отходников

Наибольший спрос на рабочую силу во 2-й половине XIX века и, соответственно, самые высокие заработки были, конечно, в столицах – в Санкт-Петербурге и Москве, но эти города находились за пределами сферы интересов хиринских каменщиков. Слишком велика и непосильна была там конкуренция с выходцами из центрально-промышленных и западных губерний Российской империи.

*Рабочие-каменищики на железной дороге,
начало XX века*

Хири́нцы за несколько десятилетий, прошедших после отмены крепостного права, были замечены в крупнейших городах Поволжья – Казани, Самаре, Симбирске, Пензе, Саратове – и уездных центрах соответствующих губерний: Чистополе, Бугульме, Бугуруслане, Бузулуке, Новоузенске, Вольске, Аткарске, Балашове, Царицыне. Также хиринские отходники регулярно появлялись в Астраханской и Оренбургской губерниях, откуда, в свою очередь, им

открывались дороги на Кавказ и в Закавказье, в Среднюю Азию, в Сибирь и на Дальний Восток.

Первухин в уже известном нам докладе привел некоторые общие данные по волостям о направлениях движения крестьян-отходников Арзамасского уезда за период с 1850 по 1874 год. По Хиринской волости (без уточнения по селениям и конкретизации по годам) статистика случаев отходничества в эти годы была такова:

- Астрахань – 49
- Казань – 19
- Оренбург – 41
- Пенза – 17
- Самара – 45 (к этому числу можно добавить данные по Бугульме и Сызрани – уездным городам Самарской губернии: 6 и 9, соответственно)
- Сапожок Рязанской губернии – 16
- Симбирск – 19
- Уральск Оренбургской губернии – 22
- Чистополь – 5
- Нижний Новгород – 3

Учитывая, что большинство отходников из Хиринской волости представляли волостной центр, можно считать, что основными направлениями трудовой миграции хиринских крестьян в третьей четверти XIX столетия были Самарская, Оренбургская и Астраханская губернии.

Главным сопутствующим фактором стало, конечно же, бурное развитие в 1860-х годах парового судоходства на Волге – крупнейшей водной артерии России, по которой в сезон навигации (с апреля по ноябрь) на пароходах перевозились огромные массы народа.

Главный волжский перевозчик тех лет – пароходное общество «По Волге», зарегистрированное еще в 1843 году, до конца 1850-х годов вовсе не занималось развитием пассажирского речного транспорта, делая ставку лишь на грузовые перевозки. Но уже в 1863 году, приобретя в Англии несколько палубных пароходов, общество «По Волге» открыло прямое сообщение от Нижнего Новгорода до Астрахани, которое оказалось очень востребованным.

Рядовые крестьяне, уезжавшие на заработки в низовые губернии, приобретали самые дешевые билеты 3-го класса: их обладатели *«размещались на палубе под открытым небом, ничем не защищаемые ни от дождя, ни от летнего зноя. Кроме того, вылетающие из трубы искры и мелкие угли портили и одежду, и багаж пассажиров»* [204]. Временами действительно бывало очень трудно. Немало сочувственных слов написано теми, кто, путешествуя на волжских пароходах в классах повыше, видел, как *«жмутся, мокнут и дрогнут на открытой палубе в наши холодные ночи и под нашим частым ненастьем пассажиры 3-го класса»* [205]. Но к подобным трудностям выносливые и закаленные русские крестьяне были привычны. Хотя случалось, конечно, что заболели, а заболев и умирали.

Вояж с такими «удобствами» от Нижнего Новгорода до Астрахани на пароходах общества «По Волге» в период с 1863 по 1885 год неизменно стоил 10 рублей 50 копеек. У главного конкурента – пароходного общества «Самолет», дотянувшего свое сообщение до Астрахани годом ранее – в 1862 году, билет 3-го класса от Нижнего до Казани изначально стоил 3 рубля, а от Казани до Астрахани – 11 рублей [206]. С годами количество перевозчиков по Волге увеличивалось, что обостряло конкуренцию и вынуждало пароходоладельцев улучшать условия для пассажиров всех классов и делать цены для них более привлекательными.

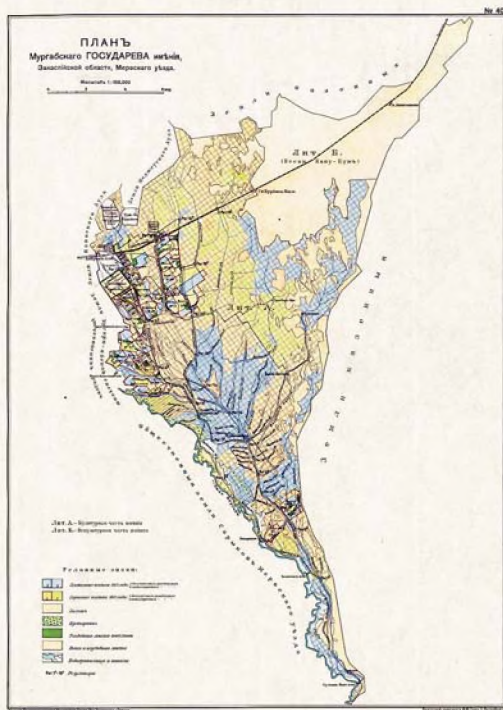
Таким образом, с развитием волжского речного пароходства так называемые низовые губернии сделались гораздо более доступными для трудовых мигрантов из

*Волжские пассажирские пароходы Обществ
«Самолет» и «По Волге»*

южных уездов Нижегородской губернии. Этим воспользовались хиринские мастера-каменщики, которым на нижегородском рынке строительных услуг было довольно трудно соперничать, во-первых, с балахнинцами – те были территориально гораздо ближе к Нижнему Новгороду, а во-вторых, с ярославцами и костромичами, поскольку тамошние подрядчики из-за меньшей рентабельности земледелия могли собирать на нижегородские стройки значительно больше людей, а цены держали ниже. Другое дело – волжское понизовье, открывшее хиринским отходникам множество дорог в самые отдаленные уголки России.

После волжского судоходства следующим по значимости фактором, определявшим в пореформенной России направления потоков трудовых

План Мургабского государственного имения из «Атласа Азиатской России», 1914 год

онеров этого движения.

После 1874 года, которым ограничил свой обзор Первухин, масштабы отходничества хиринских крестьян неуклонно возрастали, а география становилась все обширнее. Самарские, Оренбургские и Астраханские земли и города стали воротами, через которые артели хиринских каменщиков и одиночки уходили все дальше на юг и юго-восток.

После присоединения к России в 1860–1880-х годах обширных среднеазиатских территорий (Бухарского эмирата, Кокандского и Хивинского ханств, а также туркменских земель), эти новые владения, именовавшиеся в те времена Русским Туркестаном, становятся объектом притяжения значительных людских ресурсов из Центральной России и Поволжья. Вплоть до 1917 года хиринские каменщики, часто вместе со своими семьями, тоже бороздили эти огромные пространства к востоку от побережья Каспийского моря в поисках строительных заработков. Бухара, Самарканд, Коканд, Ташкент, Асхабад (Ашхабад), Фергана, Чарджуй (Чарджоу), Ош, Хива – вся эта колоритная география была знакома хиринцам не понаслышке.

Одна из ярких страниц в истории отхожих промыслов хиринских крестьян связана с Мургабским государевым имением Байрам-Али, которое расположилось в южной части Мервского оазиса на площади около 80 000 десятин (примерно 90 000 гектар) – сейчас эта территория находится в составе независимого Туркменистана. Среди мужского населения Хирина в начале XX в. и вплоть до конца 1930-х годов едва ли можно было найти того, кто хотя бы раз не бывал там на заработках.

История этой царской экономии началась в 1887 году, когда казной были приобретены в собственность пустующие земли по течению реки Мургаба, на которых при помощи систем искусственного орошения были разведены виноградники,

миграций рабочих-строителей, стало бурное развитие сети железных дорог в последней четверти XIX – начале XX в. За несколько десятилетий они охватили почти всю территорию России, включая Среднее и Нижнее Поволжье, центрально-черноземные губернии (Тамбовскую, Воронежскую, Курскую), недавно присоединенный Русский Туркестан, промышленный Урал и Приуралье, необъятную Сибирь и Дальний Восток.

Огромные объемы каменного строительства, связанного с развитием инфраструктуры железных дорог (возведением мостов, зданий вокзалов и депо, станционных поселков и т.д.), особенно в малообжитых и малонаселенных низовых и приграничных губерниях, требовали значительного числа квалифицированных каменщиков, львиную долю которых поставляла Нижегородская губерния и особенно Арзамасский уезд. Причем, можно сказать с уверенностью, хиринские мастера стали одними из пи-

хлопковые и миндальные плантации, фруктовые сады, а также древесные питомники и опытные посевы различных сельскохозяйственных культур. В связи со строительством в Байрам-Али большого числа гидротехнических сооружений, административных зданий, железнодорожной станции и крупного завода по переработке хлопка в 1890–1910-е годы туда устремилось множество рабочих строительных специальностей. В их числе было немало хиринских каменщиков.

Одно из лучших описаний Мургабского имения оставил шведский композитор Вильгельм Гартевельд, посетивший Байрам-Али накануне Первой мировой войны. Вот что он писал:

«Всего в полутора верстах от вокзала расположена Государева экономия или, как принято ее называть, Государево Мургабское имение. А совсем около станции находится замечательный, построенный по последнему слову техники, хлопкоочистительный завод, принадлежащий этому имению.

Весь Байрам-Али живет и дышит, конечно, имением и заводом, и 70% жителей состоят из высших и низших служащих этих учреждений.

Прекрасная и многоводная река Мургаб протекает близ самого имения, а в 25 верстах находится знаменитая Султанбентская плотина — одно из замечательнейших ирригационных сооружений края.

[...] По своем приезде, я немедленно отправился осматривать царское имение и, признаться, был поражен его великолепным благоустройством.

Чудесен и роскошен парк редких и ценных деревьев с аллеями, посаженными пышным, темным карагачем (дерево из породы акаций). Дворец небольшой, но очень красивый, построенный в современном стиле и, по крайней мере, наружно, содержится хорошо. В дворцовый сад я не попал, ибо, при первой моей попытке войти туда, был остановлен сторожем.

Система орошения при Мургабском имении представляет собой последнее слово техники. Но поразительнее всего в Байрам-Али, это его арыки (канавки). Арык — уличная или степная канавка, желобок — имеет для всего Туркестана огромное значение. При скудости естественного орошения края, а местами полного отсутствия воды, арыки часто являются единственными источниками влаги. [...] Вода, конечно, в них грязная, как всякая стоячая вода, и буквально смертоносна для питья, если ее хорошенько не прокипятить. Половина ужасных местных болезней рождается в этих арыках.

Но в Мургабском имении арыки нельзя, в сущности, даже назвать арыками. Это очень широкие (около аришина) канальчики, заключенные в гранитные стенки, и вода в них прозрачна и чиста, как в источнике Ипокрена. Эти арыки идут сетью по своему имению, питаюсь водою из р. Мургаба.

Огромному количеству служащих людей живет в экономии больше чем хорошо, а те, которые недавно попали там под суд за злоупотребления, или, как нежно выражаются в Байрам-Али, «за путаницу в отчетах», вероятно, просто с жиру сбесились.

А служащим здесь есть от чего жир нагулять.

Природа очаровательна, климат превосходный, мясо, дичь, молоко, фрукты и вина дешевы, а кроме того, кредит для служащих открыт широкий. Словом, умирать не надо!

[...] Поселок служащих составляет целый маленький городок между вокзалом и имением. В нем есть, конечно, врачи, аптеки, магазины, парикмахеры и клуб (собрание служащих). В клубе можно недурно пообедать и поужинать, и там же нахо-

*Мургабское государево имение
на фотографиях С. М. Прокудина-Горского, 1911 год*

Арык у 4-го регулятора

*Дом помощника
управляющего имением*

*Общий вид Сунтанбентской плотины
на реке Мургаб*

Гиндукушская электростанция

Хлопковый завод

Погрузка хлопка на заводе

дится театральная сцена со зрительным залом, которая сделала бы честь любому губернскому городу Средней России.

Пароконные извозчики недороги и в достаточном количестве.

Я хотел было посетить хлопкоочистительный завод, но, оказывается, посторонним лицам вход туда воспрещен. [...] Но каюсь... На двор завода все-таки ходил и позволил себе (конечно, с должным уважением) осмотреть огромные горы хлопка, лежавшие на нем.

Уже по этим горам можно судить о колоссальном значении завода для окружающего района. Из хлопка здесь ничего даром не пропадает. По очищению его и после выжимания из него масла, жмыхи прессуются и в форме кубиков идут на топливо, которое употребляется во всем Мервском крае. Они горят прекрасно и дают массу тепла.

Имение и завод приносят, как говорят, хороший дивиденд, и содержание их, во всяком случае, окупается с избытком.

Восточного элемента здесь совсем не видать, и все служащие русские.

Зато, пройдя через вокзал на другую сторону железной дороги, т.е. просто через рельсовые пути, вы сразу почувствуете Восток. [...] Насколько по левой стороне рельс (в имени) все опрятно и благоустроено в русском духе, настолько «по ту сторону» все бедно и грязно с чисто восточным оттенком» [207].

Вот в таком свете увидел этот райский уголок среди пустыни шведский путешественник. И к созданию этого великолепия, в основе которого на фотографиях С. М. Прокудина-Горского просматривается образцовая каменная кладка, приложили свою руку многие выходцы из Хирина, чьи потомки, кстати, до сих пор еще живут в этих краях и поддерживают друг с другом связи в социальных сетях.

В годы советской власти на территории Мургабского имения разместилась уникальная всесоюзная здравница для почечных больных – этот климатический курорт действует и сейчас. А стоит только выехать за пределы Байрам-Али, как вы увидите каракумские сыпучие пески, где в 1969 году режиссер Владимир Мотыль снимал свое знаменитое «Белое солнце пустыни», благодаря которому все в нашей стране знают, что «Восток – дело тонкое!».

6. Хиринские печники в Баку

По другую сторону Каспийского моря, на западном его побережье, жизнь хиринских отходников складывалась не менее интересно, а причиной тому была нефть.

О том, что недра Баку и его окрестностей полны черного золота, было известно уже более тысячи лет назад, когда над этими территориями господствовали могущественные Ширваншахи. В течение многих веков караваны верблюдов, нагруженных бурдюками с нефтью, добытой ручным способом, исправно наполняли сокровищами сначала ширванскую, а потом персидскую казну. Короткое существование полунезависимого Бакинского ханства закончилось в 1806 году, когда эти территории были приняты в состав Российской империи. Спустя четыре десятилетия на Апшеронском полуострове впервые в истории освоения недр была пробурена разведочная глубинная скважина. А 14 июля 1848 года в Баку получена первая в мире нефть, добытая ударным способом с помощью деревянных штанг [208]. Это заслуга российских военных геологов – тех самых горных инженеров, штаб Корпуса которых в 1846 году возглавил уже знакомый нам Василий Евграфович Самарский-Быховец.

Начало нефтяной лихорадки в Баку. Из юбилейного альбома братьев Нобель

В 1872 году по решению царского правительства была отменена откупная система, тормозившая развитие нефтедобывающей отрасли. Проданные с торгов участки Бакинского нефтеносного района разошлись по рукам частных инвесторов и предпринимателей, благодаря которым всего за несколько месяцев в Баку и его окрестностях появился лес из нефтяных вышек. С этого времени начинается знаменитый «нефтяной бум», превративший Баку к середине 1870-х годов в крупнейший промышленный центр добычи и переработки нефти, каковым он остается до сих пор.

В списке владельцев многочисленных нефтедобывающих и нефтеперерабатывающих фирм дореволюционного Баку два имени стояли особняком – это шведские братья Нобели и еврейские бароны Ротшильды [209]. И те и дру-

гие пришли на запах бакинской нефти не в числе первых, но именно они к началу XX века оказались хозяевами положения на этом рынке, либо перекупив активы у более слабых конкурентов, либо поглотив их через акционирование и кредитование (или субсидирование) «на особых условиях». Причем если практичные и напористые Нобели больше преуспели на первом поприще, то хитроумные Ротшильды, разумеется, на втором.

Кстати, в числе тех, кто передал в концессию часть своего высокодоходного бизнеса в этот период, был и прапрадед Игоря Рауфовича Ашурбейли по отцовской линии – Хаджи Мехти Кули бек Ашурбеков, потомственный дворянин и землевладелец Бакинской губернии, уступивший Нобелям часть своих нефтеносных родовых земель в селениях Забрат и Сабунчи близ Баку [206]. Кроме того, Ашурбековы предоставляли братьям Нобелям в дружеское пользование свою загородную резиденцию.

А вот с Ротшильдами у Ашурбековых отношения не сложились.

Впрочем, амбиции нефтяных королей – это лишь огромная сцена с богатыми декорациями, на которой разыгрывались большие и маленькие личные и семейные драмы простых людей с их повседневными заботами о хлебе насущном.

Действительно, так случилось, что судьбы многих хиринских крестьян-отходников и их семей оказались тесно вплетены в историю бакинской нефти. Многие из них трудились и на заводах Нобелей. Н-ков писал: *«Большинство хиринских каменщиков направляются в Черный городок около г. Баку. Работы хиринцев продолжаются до поздней осени, когда они возвращаются на родину. Где выгоднее промысел в Баку или в других городах – трудно решить. Все дело зависит от степени труда, поведения работающих. Усердный и трезвый, крестьянин может заработать чистого дохода в течение шести рабочих месяцев не менее 160 руб. Правда, в Баку хиринцев легко можно занять в известной артели каменщиков, где и получают довольно солидное жалование, но вместе с тем подобное положение хиринца невыгодно в экономическом отношении. Самостоятельное, сравнительно видное положение в общей артели, требующее и соответствующих расходов на экипировку, городская жизнь, способствующая развитию роскоши, – все это, так или иначе, приучает хиринца к излишним расходам на удовлетворение таких потребностей, какие в обыкновенном крестьянском быту считаются роскошью. Возвратившись на родину, хиринцы-бакинцы стараются «блеснуть» своим немецким костюмом, который еще не вошел во всеобщее употребление среди хиринских жителей. Чем роскошнее наряд известного «бакинца», тем, по мнению хиринцев, он больше заработал средств на каменной работе. Но, несомненно, в таких случаях бывает нередко обман и злоупотребление добытыми деньгами. Часто привольная и довольно выгодная жизнь в Баку привлекает сюда многих хиринцев на постоянное проживание. Поэтому в Хирине нередко можно встретить дома с забитыми окнами, – признак того, что хозяева его поселились в Баку»* [185].

«Товарищество нефтяного производства братьев Нобель» было образовано в 1879 году, и почти сразу появились в числе его рабочих первые выходцы из Хирина. Например, с 1880 года у Нобелей начали работать печниками Матвей Беляков и Василий Евдокимов [211], с 1883-го – Андрей Желудков, проработавший здесь долгие 25 лет и за это удостоившийся от Товарищества пенсии по выслуге лет, которую он регулярно получал по возвращении в родное Хирино [212].

Вообще за четыре десятилетия, предшествовавшие установлению советской власти в Азербайджане и национализации всей нефтяной отрасли, в списках рабочих одного только Товарищества братьев Нобель (ГИА АР, ф.798) можно отыскать около сотни хиринцев, работавших здесь в разные годы: Беляковы, Безсоновы, Бочкаревы, Галкины, Горины, Евдокимовы, Желудковы, Жияевы, Завьяловы, Карповы, Кирсановы, Кисляковы, Корниловы, Курмышевы, Лебедевы, Лобачевы, Минеевы, Миридоновы, Мироновы, Мореновы, Мурышевы, Пивоваровы, Привозновы, Пуриковы, Резановы, Сазановы, Самоделовы, Сосковы, Субботины, Суриковы, Якунины и др. Наверняка это далеко не полный список хиринских фамилий, представители которых побывали в Баку на заработках. Не будем забывать, что были и другие фирмы, где спрос на каменщиков-печников тоже был стабильно высоким, и те, кто не нашел места у Нобелей, пристраивались у других работодателей.

Хиринцы в Баку были почти монополистами в своей профессии, занимая большую часть вакансий печников на крупнейших предприятиях. Например, в Товариществе братьев Нобелей из 21 печника, числившегося в штате механической мастерской на 1907 год, 17 представляли именно Хирино [213]. Конкуренцию им могли составить, пожалуй, только их же земляки из соседних Ключищ, которых в Баку в 1906–1913 годах тоже было немало, но преимущественно на бывших заводах С. М. Шибеева в Белом городе, входивших в группу компаний, подконтрольных Ротшильдам.

Хиринцы трудоустраивались на бакинские предприятия нередко семьями, отцы обучали сыновей мастерству, а заодно приглядывали за молодежью, легко пускавшей на вольных хлебах «во все тяжкие».

Об этом наш старый знакомый Н-ков писал так: *«среди хиринских каменщиков нередко встречается довольно печальное явление. Приискав себе выгодное местечко для промысла, хиринец – иногда кормилец целой семьи – настолько увлекается новым житьем, что совершенно забывает о своих домашних родственниках и продолжает проживать на работе до тех пор, пока его не потребуют на родину законным путем. Такие поступки чаще всего допускают сыновья холостяки в отношении к своим родителям»* [185]. О том же из года в год повторяли в своих отчетах полицейские становые приставы Арзамасского уезда: *«Нравственность [местных крестьян] постепенно падает от свободной жизни по отхожим посторонним промыслам»* [214].

Кстати, весьма примечательно, что хиринские «бакинцы», в отличие от каменщиков, работавших в других городах, именовались исключительно «печниками». Но связано это было отнюдь не с какой-то особенной техникой огнеупорной кладки, применявшейся, как можно было бы подумать, для установки котлов, горнов, вагранок и т.п. на высоко пожароопасных предприятиях нефтяной промышленности. Как следует из «Бакинского дневника» Р. Э. Классона [215], «печниками» в Баку называли тех каменщиков (в основном русских), которые занимались кладкой из формованного глиняного обожженного («печеного») кирпича. Так их отличали от каменщиков-дагестанцев, местных «татар» (так называли азербайджанцев) и персов (иранцев), специализировавшихся на работе с природным камнем. Если городские дома местной знати строились преимущественно каменщиками-мусульманами из обтесанного природного камня, в изобилии добывавшегося в окрестностях Баку, то все инфраструктурные здания и сооружения, все производственные и технические постройки возводились, конечно, из кирпича и в основном руками русских печников. Поэтому работы у хиринцев было хоть отбавляй.

В старом Хирине немного нашлось бы семей, где хотя бы кто-то из мужчин не прошел бакинскую трудовую закалку. Но «город огней» стал для многих хиринцев не только местом заработка. Сделавшись одним из крупнейших центров революционного брожения, Баку многих тогда зажег классовой ненавистью к капиталистам и эксплуататорам трудового народа, научил бороться за права рабочих, бросать камни и стрелять в полицейских, презирать правительство и местную власть. Немало вчерашних хиринских крестьян, пополнив ряды пролетариата,

позже принимали участие в рабочих забастовках и стачках, посещали подпольные кружки, читали запрещенную литературу, а потом выходили на улицы с булыжниками и револьверами.

*Андрей Илларионович
Лобачев*

Эту «огненную» бакинскую школу прошел, например, учредитель советской власти в Хирине старый большевик-подпольщик Андрей Илларионович Лобачев (1883–1951), потомственный печник-строитель, работавший на разных предприятиях в Баку с 16 лет и оттуда отправившийся на фронт осенью 1914 года. Вернувшись в родное село после октябрьского переворота, он организовывал здесь первые советские выборы, потом был товарищем (заместителем) председателя Арзамасского уездного исполкома, председателем Хиринского волисполкома. В феврале 1923 года

Промышленный Баку в начале XX века

На нефтепромыслах

Бакинский порт

Панорамы заводов Нобелей

Пожар на нефтепромыслах

После пожара

*Григорий Степанович Резанов
с женой Марией Ивановной.
Баку, 1915 год*

Лобачева назначили начальником уездного места заключения – исправительно-трудового дома в Арзамасе, где под его руководством несколько месяцев проработал его земляк старший надзиратель Сергей Михайлович Лазарев, будущий председатель Хиринского сельсовета, – тот самый, который зимой 1938 года войдет в историю осквернителем Предтеченской церкви.

Говорят, в конце 30-х или начале 40-х годов Лобачев писал историю родного села, но его рукопись бесследно исчезла в годы Великой Отечественной войны, а ослабевшее под старость зрение не позволило проделать эту работу заново [216].

Те же бакинские «университеты» прошел и Григорий Степанович Резанов (1891–1959) – прадед Игоря Рауфовича Ашурбеи, тоже потомственный хиринский каменщик. Свою жизнь незадолго до кончины он описал в «Воспоминаниях», которые каким-то чудом сохранились до нашего време-

ни в одной старой бакинской квартире, чтобы вернуться к его правнуку в 2012 году.

Трудовая биография Григория Резанова, как и многих хиринских мальчишек, началась с 10 лет, когда он пошел работать подпаском к местному пастуху. Потом батрачил у зажиточного односельчанина, а в 1907-1908 годах в составе артели каменщиков возводил храм в селе Толкише Чистопольского уезда Казанской губернии.

В 1910 году он переселился в Баку, а уже в 1911-м строил знаменитый санаторий «Гульрипш» в Сухуми, где, по его признанию, сошелся с революционерами, проникся идеями социального переустройства и включился в подпольную борьбу. Скрываясь от полиции, он вернулся в Баку и устроился на сталелитейный завод Штоппера в Черном городе, где, оказавшись в числе активных участников забастовки, снова едва не был арестован полицией. В 1913 году он скрывался в Байрам-Али, потом были Чарджоу, Оренбург, Андижан, и везде, по его словам, он встречал своих земляков, которые либо работали там, либо, подобно ему, бежали от преследований полиции за участие в рабочем движении.

С 1915 года он снова в Баку, где удалось наняться печником на толуоловый завод Товарищества братьев Нобель. Здесь Григорий, замеченный инженером Леонидом Леонидовичем Пятаковым (1888–1917), одним из координаторов бакинской подпольной организации РСДРП, был приглашен однажды на конспиративную встречу, проходившую в лаборатории завода.

И начались трудовые будни обычного печника, неотъемлемой частью которых стали подпольная работа, чтение запрещенной литературы, забастовки и стачки. Потом были арест, допрос в кабинете бакинского градоначальника П. И. Мартынова и принудительная отправка на турецкий фронт, где Григория застала февральская революция. Вместе с другими бакинскими рабочими, мобилизованными в армию по политическим мотивам, в апреле 1917 года он покинул фронт и возвратился в Баку. Здесь его, принятого опять печником в механическую мастерскую Нобелей, товарищи избрали председателем рабочего месткома. Год прошел в профсоюзной работе.

В марте 1918 года в столице Закавказья была установлена советская власть в лице Бакинской коммуны.

Рабочие механической мастерской Товарищества братьев Нобелей, 1910-е годы

Затем, после года службы на командных должностях в Азербайджанской Красной армии, Григорий Степанович Резанов по заданию партии занимается снабжением рабочих нефтяной промышленности. Отныне с рабочей кооперацией будет тесно связана вся его последующая трудовая деятельность [217].

Но была в его биографии еще одна сюжетная линия.

С 1919 года, когда его приняли в АКП/б/, он, судя по партийным анкетам, считал себя уже «неверующим», хотя в молодости, обладая хорошим голосом, частенько оказывался на клиросе, где исполнял церковные песнопения во время богослужений. Но это было не в Хирине, а в Баку – в Ильинской черномородской церкви, построенной в 1906 году на средства Нобелей «для удовлетворения религиозных потребностей православного населения Черного города». Здесь счастливый отец Григорий Резанов крестил сына Федора, родившегося прямо на Пасху 1918 года и погибшего молодым офицером на границе в первые дни Великой Отечественной войны, а также двух своих дочерей – Евгению и Таисию.

И хотя Григорий Степанович так и остался убежденным большевиком, впоследствии он сильно разочаровался в компартии, перестал считать ее «честью и совестью нашей эпохи» и многим из своих прежних «товарищей» уже не готов был пожать руку. Отказываясь закрывать глаза на многочисленные случаи крупного воровства в рабочей торговле и кооперации, он нажил себе немало влиятельных врагов среди бакинской партийной номенклатуры.

На закате своей жизни, наполненной яркими и драматичными событиями, он часто твердил своим детям и внучке Елизавете – матери Игоря Ашурбейли, чтобы они никогда не делали три вещи: не вступали в компартию, не работали в системе советской торговли и не ходили в черномородский клуб имени Степана Шаумяна. Не потому, что он так не любил покойного коммунара. Просто клуб был построен на месте взорванной большевиками Ильинской церкви, где он, хиринский крестьянин Григорий Резанов, во времена своей молодости пел за богослужением на клиросе и крестил своих детей.

Впоследствии на его глазах стремительно развивались события, связанные с провозглашением диктатуры Центрокаспия, приходом жадных до нефти англичан, бегством коммунаров, вскоре расстрелянных в Красноводске, турецкой оккупацией Баку и, наконец, возвращением советской власти в апреле 1920 года, которую Григорий встретил уже опытным подпольщиком и членом партии большевиков.

Григорий Резанов, 1930-е годы

Постскриптум

РЕЗАНОВЫ

Авраам
Андреевич
(р. 1660)

Павел
Авраамович
(р. 1714)

Егор
Павлович
(р. 1750)

Антон
Егорович
(р. 1788)

Павел
Антонович
(р. 1816)

Андрей
Павлович
(р. 1836)

Степан
Андреевич
(р. 1864)

Григорий
Степанович
(р. 1891)

Евгения
Григорьевна
(р. 1920)

Фамилия РЕЗАНОВ (с ударением на второй слог), известная в Хирине по меньшей мере с конца XVII века, в документах дореволюционной поры писалась через букву Ѣ (ять), читавшуюся как е. Случаи написания через я хотя и встречались с конца 1890-х годов, но были единичными.

После проведенной большевиками реформы русского языка, уничтожившей «еры», «яти» и прочее, фамилию стали писать, кому как слышится: кто через е, кто через я.

В самом Хирине в годы массовой коллективизации укоренилась практика написания с я, но у многих из тех, кто покинул родное село во 2-й половине XIX – 1-й четверти XX века фамилия, внесенная в паспорта и из них перешедшая в другие учетные документы, сохранила свое написание через е.

Бакинская ветвь Резановых – один из таких примеров. Последним носителем фамилии был единственный сын Григория Степановича Резанова Федор (1918–1941). Уроженец Баку, он мог бы стать талантливым пианистом, поскольку в годы учебы в музыкальной школе подавал большие надежды. Но, как и многие его сверстники, предпочел искусству настоящую мужскую профессию и стал военным. По окончании Бакинского пехотного училища его, молодого лейтенанта, распределили в один из стрелковых полков Западного военного округа, где в июне 1941 года он со своими товарищами в числе первых принял на себя удар гитлеровской машины смерти и погиб.

Имена многих его родственников Рязановых-Резановых, отдавших жизнь в боях за Родину с немецко-фашистскими захватчиками, увековечены в многочисленных Книгах Памяти, а также в их родовом селе Хирине на мемориальных плитах воинского обелиска, стоящего прямо напротив возрожденного храма в честь Усекновения честной главы Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна и иконы Божией Матери, именуемой Живоносным Источником.

АШУРБЕЙЛИ

Елизавета
Аркадьевна
(р. 1940)

Игорь
Рауфович
(р. 1963)

Руслан
Игоревич
(р. 1984)

О памяти и связи поколений (вместо заключения)

Игорь Рауфович Ашурбейли не застал прадеда в живых – Григорий Степанович Резанов умер за 4 года до рождения своего правнука. Когда мальчик подрос, он многое узнал об этом незаурядном человеке благодаря ярким рассказам бабушки и матери. На характер и мировоззрение Игоря в годы его юношеского становления эти семейные беседы наложили заметный отпечаток. Именно интерес к личности и судьбе своего прадеда из рода Резановых – свидетеля и участника эпохальных исторических событий, перевернувших мир в 1-й половине XX столетия, в конце концов, и привел его в «захиревшее» село Хирино с его разрушенной церковью и обмелевшим, почти заросшим прудом. Случилось это в тяжелый момент его собственной жизни, когда он коварно и несправедливо был лишен своего поприща в российской оборонной промышленности и подвергнут сильным гонениям и преследованиям.

С этого таинственного прикосновения к земле предков, ее прошлому и настоящему, не только в судьбе И. Р. Ашурбейли, но и в истории села Хирина начался новый этап, итоги которого смогут подвести, вероятно, грядущие поколения наших соотечественников. А первые плоды видны уже сегодня: люди идут в обновленный храм, возвращаются к вере, согреваются надеждой и потихоньку начинают менять себя и свою жизнь.

Мы тоже искренне верим, что это большое дело, начатое возрождением хиринского храма и возвращением исторической памяти, будет с Божией помощью поддержано местными жителями и всеми неравнодушными гражданами, которые этот созидательный импульс просто обязаны суметь передать своим потомкам.

История села Хирина и тех людей, с именами которых она неразрывно связана, достойна того, чтобы ее знали и помнили не только жители Шатковского района и местные любители старины. Ведь если внимательно присмотреться к героям нашей летописи и тем событиям, о которых в ней идет речь, то можно увидеть, что география хиринской истории полностью совпадает с тем уникальным социокультурным феноменом, который принято называть *Русским миром*. Этот мир существует поверх любых государственных и национальных границ, поверх любых религиозных и культурных барьеров, поскольку его главной объединяющей силой являются всепроникающее русское слово и живущая в сердцах десятков миллионов людей память об исторической России.

Действительно, давайте еще раз вспомним о первых хиринских помещиках – служилых землевладельцах, участвовавших в присоединении огромных территорий к Московскому царству, в освоении Сибири и отражении опустошительных набегов ногайцев и крымчаков, в преодолении Смуты, противостоянии иностранной интервенции начала XVII века и т.д. Эти служилые люди кормились и получали все необходимое для жизни и службы от хиринской земли и работавших на ней крестьян, а полем их деятельности – военной, административной и дипломатической – были обширные пространства, которые в XIX-XX столетиях уже были в составе Российской империи, а потом и СССР.

В XVIII веке московские аристократы и рачительные помещики князя Путятины, сами того не ведая, периодически вывозя с собой в Москву дворовых людей, познакомили хиринцев со столичной жизнью. Эти люди, возвращаясь в

родное село, передавали свои впечатления своим собратьям-крестьянам. Знания хиринцев о России пополнялись и с каждой поездкой в уездный город Арзамас, а также во времена строительства Предтеченского храма, в возведении которого, по нашему предположению, должны были принимать участие приезжие мастера-каменщики. Они, много повидавшие на своем веку, делились с хиринцами не только собственными наблюдениями о русской жизни, но и секретами своего ремесла.

Был период, когда судьба местных сельских тружеников – тогда еще крепостных – решалась в основном за границей: барская воля приходила из-за рубежа и объявлялась крестьянам, от которых требовалось только повиновение и послушание. Эта эпоха в истории Хирина связана с именами чудаковатого дрезденского обывателя Николая Авраамовича Путятина и баснословно богатых горнозаводчиков Балашевых, облюбовавших для комфортной жизни солнечную Италию, так и не принесшую им счастья. При этом все текущие вопросы, связанные с устройством вотчинных дел в Хирине, оказались в руках управляющих, большей частью практичных и расчетливых немцев, всяких доверенных и поверенных слугителей, которые умели выдавить из землепашца лишний оброчный рубль или мешок зерна, причем как для заграничных русских хозяев, так и для себя.

Долгое время были скрыты от нас удивительные похождения хиринских строителей-каменщиков, трудами которых возводились многие здания, промышленные объекты и транспортные узлы в городах и весях России и нынешнего ближнего зарубежья. Их же руками было построено немало церквей, где, быть может, и в наше время регулярно совершается молитва «о создателях святого храма сего». Эти хиринские труженики и их потомки за многие годы миграций обошли и объехали все Среднее и Нижнее Поволжье, Сибирь и Дальний Восток, города Средней Азии (Туркестана), Кавказа и Закавказья. Потом они участвовали в социалистических «стройках века», зачастую, кстати, не по доброй воле: многим пришлось пройти через фильтры ГУЛАГа и испытания на прочность тюремно-лагерной системой ОГПУ-НКВД, суровыми зимами русского севера и изнуряющей жарой среднеазиатского юга. Выдержали, конечно, далеко не все. Но их труд внес огромную лепту в создание индустриальной и военной мощи СССР, которая в годы Великой Отечественной войны помогла и выстоять, и победить.

Вся история Хирина – это бесконечные вереницы людских судеб, причудливо переплетающихся между собой и рвущихся под тяжестью времени...

Впрочем, именно так складываются истории всех наших сел и деревень, составляющих душу российской глубинки, – мы привыкли называть их «малой родиной». Человеческие судьбы подобны лесным родникам, берущим начало в глубоких недрах земли и выносящим на поверхность ее сокровенные воды. Соединяясь, эти воды образуют ручьи и речушки – истории сел и деревень, которые, упрямо прокладывая себе русло, питают этими водами огромную великую реку, называемую историей Отечества.

Философский вопрос о том, кто в действительности движет историей – народные массы или отдельные сильные личности, – представляется в значительной степени надуманным. Согласитесь, все великие идеи, изменившие мир, прежде чем стать великими, прошли через сердца и умы десятков и сотен тысяч, а то и миллионов людей, овладев их сознанием и подчинив волю каждого. По мысли Ф. М. Достоевского, так «дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей». Какой бы веры, каких бы мировоззренческих принципов ни придерживался каждый из нас, мы не можем

не признать, что современный мир – это арена как никогда ожесточенной борьбы именно за сердца и умы людей.

Сегодня древнее русское село Хирино оказалось на острие этой борьбы, где вечные человеческие ценности противостоят господствующей в современном обществе тенденции духовно-нравственной деградации, которая под маской своеобразно трактуемой свободы, стабильности, благополучия и прогресса несет нам вырождение, разрушение и смерть.

Время делает то же самое: своим стремительным течением оно уносит, стирает, обезличивает и уничтожает все, что вот-вот было, но чего уже нет. Лишь человеческая память способна противостоять этой силе, удерживая в настоящем то, что было прежде. Без нее нет и не может быть ни отдельной человеческой личности, ни народа в целом. И если память человека или общества достойно сопротивляется разрушительной стихии времени, то последнее, превращаясь в историю, становится нашим союзником в борьбе со смертью и приближает нас к Вечности. Конкретные имена и события (со-бытия) и осознание связей между ними делают историю живой, продолжающейся в нас самих. Об этом сказаны замечательные слова уральским историком-краеведом Александром Зотовичем Курлаповым: *«Людей объединяют в народ Память и Надежда. Память о прошлом и надежда на будущее. Важно помнить, что в целом весь народ – это те, кто был вчера, кто есть сегодня и кто будет завтра. Мы сегодня и здесь – его живая, действенная часть; его глаза и руки.*

Незримые связи, нити памяти протянуты к нам из прошлого, и через нас уходят в будущее. Именно они связывают нас в народ. Оборвутся эти нити – и народ станет кучкой отдельных бисеринок.

Предки трудились, боролись и верили. Верили, что и мы в свой черед будем сохранять, продолжать их дело. Каждое поколение строит свое настоящее из материала, наработанного Прошлым, и готовит его для Будущего, для потомков. И производит на свет этих самых потомков. Если нарушится эта простая и очевидная связь, обесмыслится жизнь и деяния многих поколений. Будущего не может не быть. Но вот каким оно будет, зависит сегодня от личного мужества, искренности и преданности каждого из нас» (орфография автора. – Л. М.) [218].

Хиринский храм, который еще недавно был мертв, ныне ожил и становится одним из значимых духовных центров русского возрождения. Теперь, как и прежде, в нем «паки и паки» звучат слова молитв, достигающие как небес, так и человеческих сердец, соединяя их в благословленный Богом священный союз.

Удивительно, насколько глубок, красив и многозначен своим символизмом этот уникальный памятник церковного зодчества 2-й половины XVIII столетия. Хиринский храм – это и архитектурная икона Живоносного Источника Божией Матери, и миниатюрный образ прославленной Саровской пустыни. Здесь запечатлелись чаяния и судьба одной семьи, одного княжеского рода, но в то же время этот глубоко личный церковно-архитектурный проект выражает христианское понимание всеобщей истории человечества, разделенной Благой Вестью на две эпохи – Ветхого и Нового завета. Наконец, как и любой другой православный храм, созданный руками человека, он возник и существует во времени, но все входящие в него соприкасаются с Вечностью.

Этот храм был обязательным участником всех значимых личных и семейных событий в жизни хиринецов. Не зря в старину говорили, что «трижды человек дивен бывает: когда рождается, женится и умирает». Эти моменты у наших предков всегда были связаны с храмом: здесь новорожденных младенцев крестили и нарекали им

имена, женившихся сочетали таинством брака и благословляли на чадородие, а умерших отпевали, провожая в последний путь. Теперь эти добрые традиции возвращаются.

И, конечно, мы верим и надеемся, что с возрождением храма и возобновлением церковной жизни Хирино не только не захиреет, но наоборот – своему имени вопреки – явит нам яркий, достойный подражания пример того, каким может и должно быть российское село в XXI веке. А грядущая судьба этого красивого русского села в нижегородской глубинке с говорящим названием и непропорциональной храму «хирой» колокольной, которую когда-то не осилили строители, пусть станет еще одним свидетельством истинности апостольских слов о том, что сила Божия в немощи совершается (2 Кор. 12:9).

Хиринская церковь. Фото начала XX века

*Фотолетопись
хиринаского возрождения*

Так было прежде...

*Храм в честь Усекновения
честной главы Пророка,
Предтечи и Крестителя Господня
Иоанна в селе Хирине
Арзамасского уезда.
Фото конца XIX века*

*После закрытия храма в 1937 году здание пустовало
и разрушалось. Фото 1976 г.*

Колокольня.
Фото 2001 г.

Остов храма.
Фото 2001 г.

Храм после
27 мая 2004 года,
когда обрушился
восьмерик с куполом

*Осенью 2010 года И. Р. Ашурбейли впервые
увидел эти фотографии*

Весной 2011 года бакинский потомок хиринских крестьян Резановых впервые посетил родину своих предков и осмотрел развалины храма

В мае 2011 года И. Р. Ашурбейли получил благословение Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла на восстановление храма в честь Усекновения честной главы Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна в селе Хирино Шатковского района Нижегородской области.

2 ноября 2011 года зарегистрирован целевой благотворительный фонд, созданный для финансирования ремонтно-восстановительных работ

**УЧРЕЖДЕН
БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ФОНД**
ДЛЯ ВОССТАНОВЛЕНИЯ В СЕЛЕ ХИРИНО
**ХРАМА В ЧЕСТЬ УСЕКНОВЕНИЯ ГЛАВЫ
ИОАННА ПРЕДТЕЧИ**

МЫ БУДЕМ БЛАГОДАРНЫ ВСЕМ, КТО ПОМОЖЕТ ВОССТАНОВЛЕНИЮ
ХРАМА ОСТАВИВ О СЕБЕ ДОБРУЮ ПАМЯТЬ НА НИЖЕГОРОДСКОЙ ЗЕМЛЕ

РЕКВИЗИТЫ ФОНДА ДЛЯ ПОЖЕРТВОВАНИЙ:
ФОНД "ИОАННА ПРЕДТЕЧИ"
Юридический адрес: Россия, 607220, Нижегородская область,
г. Арзамас, ул. 50 лет ВЛКСМ, д. 28, оф. 6.
Тел.: (83147) 7-93-68, e-mail: MalayaTikhonov@yandex.ru
r/s: 407038101000000000193
в ЗАО Кошбанк «Арзамас» г. Арзамас
БИК 042204757
кор/с: 301018103000000000757
ИНН 5243995043, КПП 524301001
ОГРН 1115200004501

1758-1777гг. СТРОИТЕЛЬСТВО
ХРАМА
**РЕКОНСТРУКЦИЯ
ХРАМА 2012-2017гг.**

СПАСИБО, ЧТО ВАМ НЕ ВСЕ РАВНО

**27 мая 2012 года в Хирине в здании разрушенной Предтеченской церкви
прошел молебен на благословение доброго дела, ознаменовавший
начало восстановительных работ**

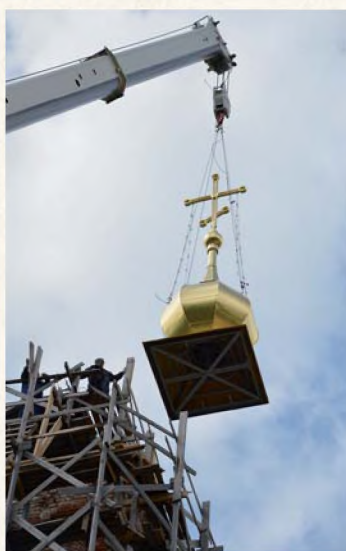

16 сентября 2012 года в хиринском храме впервые за 75 лет с момента его закрытия состоялась Божественная литургия, совершенная митрополитом Нижегородским и Арзамаским Георгием в сослужении представителей нижегородского духовенства. На общую молитву собралось свыше двухсот прихожан из самого Хирина и окрестных селений

29 мая 2013 года торжественно освящены золоченые крест и возглавие, которые сразу после молебна подняты и установлены на церковной колокольне

*9 сентября 2013 года совершен чин освящения креста,
купола и колоколов для восстанавливающегося Предтеченского храма*

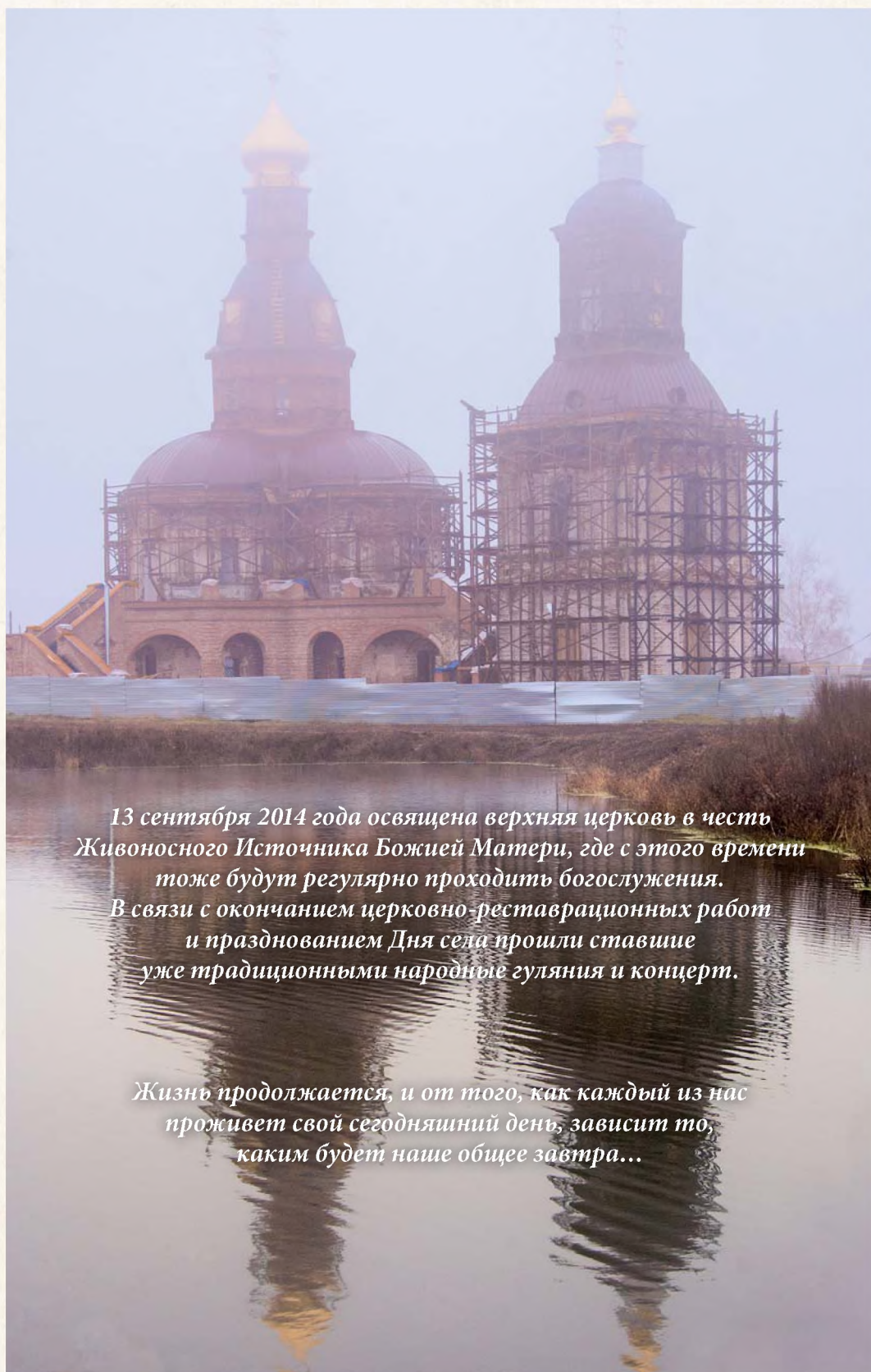
15 сентября 2013 года по завершении первого этапа восстановительных работ митрополитом Нижегородским и Арзамасским Георгием освящена отреставрированная нижняя церковь и главный престол в честь Усекновения главы честного славного Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна. В Хирино по этому случаю и в связи с 430-летием села И. Р. Ашурбейли организованы праздничные мероприятия, которые решено сделать традиционными

13 сентября 2014 года освящена верхняя церковь в честь Животворящего Источника Божией Матери, где с этого времени тоже будут регулярно проходить богослужения. В связи с окончанием церковно-реставрационных работ и празднованием Дня села прошли ставшие уже традиционными народные гуляния и концерт.

Жизнь продолжается, и от того, как каждый из нас проживет свой сегодняшний день, зависит то, каким будет наше общее завтра...

Список использованных источников и литературы

Глава 1

1. Мельников П.И. Очерки мордвы // Русский вестник. 1867. Т. 69. С. 504–509.
2. Нижегородские губернские ведомости (далее – НГВ). 1897. № 23.
3. Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 350.
4. Веселовский С.Б. Арзамасские поместные акты (далее – АПА). М., 1915. С. 5.
5. РГАДА, ф. 1209, ДМЛ, кн. 7194, л. 154-154 об.
6. Савичева Татьяна Николаевна [Электронный ресурс] // Википедия: свободная электронная энциклопедия: на русском языке. URL: <http://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 15.05.2014).
7. Инжутов А.А. Шатковский край в XVI-XVII вв.: страницы истории и географии. Арзамас, 2010.
8. Короленко В.Г. Избранные письма в трех томах. Т. 1. Путешествия (1887–1903 гг.). М., 1932. С. 199.
9. Н-ков. Село Хирино Арзамасского уезда // НГВ. 1901. № 31.
10. Веселовский С.Б. Ономастикон. М., 1974.
11. Перкинс Дж. Исповедь экономического убийцы. М., 2005.
12. Кузнецов В. Хирино захирело // Нижегородские новости. 1999. 21 января. С. 3.
13. Мельников А.П. Раскопки близ с. Хирина Арзамасского у. Нижегородской губ. // Действия НГУАК. Сборник. Т. XVII. Вып. IV. Н. Новгород, 1914. Паг. 8. С. 1–4.
14. Мельников П.И. Памятники похода Иоанна IV на Казань по Нижегородской губернии // НГВ. Часть неофициальная. 1845. № 3.
15. Мельников А.П. Раскопки близ с. Хирина Арзамасского у. Нижегородской губ.
16. Горюнова Е.И. Коринский могильник (по коллекциям, хранящимся в Государственном историческом музее) // Археологический сборник. Саранск, 1948. Т. 1. С. 56–87.
17. Мартыанов В.Н. Древняя история Арзамасского края. Арзамас, 2004. С. 366.
18. Хайдеггер М. Проселок (в перев. А.В. Михайлова) // Михайлов А.В. Избранное: историческая поэтика и герменевтика. СПб. 2006. С. 422.

Глава 2

19. Иванов П. Опыт исторического исследования о межевании земель в России. М., 1846. С. 19.
20. Цепков А.И. Рязанские землевладельцы XIV–XVI веков. Рязань, 2004. С. 161.
21. Писцовая книга Арзамасского уезда 1621–1623 гг. Ч. 1. Станы Тешский, Ичаловский, Иржинский и Подлесный // Действия НГУАК. Том XV. Вып. XVIII. Н. Новгород, 1915. С. 64.
22. Кротов М.Г. Десятни XVI - начала XVII в. как исторический источник. URL: http://krotov.info/yakov/rus/17_ru_moi/desyatni/dipl1.html.

23. АПА. С. 509.
24. АПА. С. 530.
25. Писцовая книга Арзамасского уезда 1621–1623 гг. С. 64.
26. АПА. С. 59-60.
27. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией императорской Академии наук (далее – ААЭ). Т. II. 1598-1613. СПб., 1856. С. 248.
28. Акты, относящиеся к избранию царем Михаила Романова // Морозова Л.Е. Россия на пути из Смуты. М., 2005. С. 334.
29. Конрад Буссов. Московская хроника. 1584–1613. М.-Л., 1961. Глава XII.
30. Карамзинский хронограф // Попов А. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869. С. 333.
31. Там же. С. 334.
32. Там же.
33. Книга сеунчей 1613–1619 гг. // Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. Т. 1. М.-Варшава, 1995.
34. Карамзинский хронограф. С. 334.
35. Смутное время Московского государства. 1604–1613 гг. Вып. 2. Акты времени правления царя Василия Шуйского (1606 г. 19 мая – 17 июля 1610 г.). М., 1918. С. 359.
36. Карамзинский хронограф. С. 345.
37. Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова. М., 1906. С. 44-45.
38. Любомиров П.Г. Очерки истории Нижегородского ополчения. М., 1939. С. 183, 291.
39. Грамоты и отписные 1611-1612 гг. курмышскому воеводе Елагину // Летопись занятий Археографической комиссии за 1861 год. Вып. 1. – СПб. 1862. С. 23.
40. АПА. С. 417.
41. Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI-XVII вв. (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время). Изд. 3-е. СПб. 1910. С. 506.
42. Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова. С. 44-45.
43. Веселовский С.Б. Документы Печатного приказа (1613–1615). М., 1994. С. 117, 135.
44. Барсуков А.П. Списки городских воевод и других лиц воеводского управления. М., 1902. С. 299; Буганов В.И. Кузьмина Л.Ф. Разрядные книги 1598–1638 гг. М., 1976. С. 297.
45. Книги разрядные, по официальным оных спискам изданные. Т. 1. СПб., 1853. Стлб. 117-118.
46. Акты Московского государства. Т. 1. Разрядный приказ. Московский стол. 1571-1634. СПб., 1890. С. 146.

47. Книги разрядные, по официальным оных спискам изданные. Т. 1. СПб., 1853. Стлб. 519.
48. Акты Московского государства. Т. 1. С. 204.
49. Писцовая книга Арзамасского уезда 1621–1623 гг. С. 114.
50. Половцов А.А. Русский биографический словарь. 1894. Т. 21. С. 165.
51. Писцовая книга Арзамасского уезда 1621–1623 гг. С. 116.
52. Половцов А.А. Русский биографический словарь. 1894. Т. 21. С. 164.
53. Миллер Р.Б. Очерки по истории Карелии XVI–XVIII вв. Петрозаводск, 1947. С. 8.
54. Узяков Р.Р. Балабаново (краеведческие зарисовки) // Боровский краевед. Вып. 5. Боровск, 1996. С. 123.
55. Замахина Н. 400-летие первого письменного упоминания Балабанова // Балабаново: Еженедельная муниципальная газета. № 2 (598). 16 января 2013 г.
56. Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. // Тысячная книга 1550 г. и Дворцовая тетрадь 50-х годов XVI в. М.-Л.: АН СССР, -1950. С. 176.
57. Там же. С. 144.
58. Правая грамота от 30 ноября 1618 г. Троице-Сергиеву монастырю (Из истории монастырского землевладения XIV–XVI вв.) // Записки отдела рукописей. Вып. 21. М.: Государственная библиотека СССР им. В.И. Ленина, – 1959.
59. Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 307.
60. Лисейцев Д.В. Посольский приказ в эпоху Смуты. М., 2003. С. 352-353.
61. Лукичев М.П. Несостоявшийся земский собор середины XVII в. // Отечественные архивы. 1992. №3. С. 48-49.
62. Дворянские роды, внесенные в Общий гербовник Всероссийской империи, начатый в 1797 году. Ч. 5. СПб., 1800. С. 1.
63. Ермолаев С.С., Лыкова Е.Е., Шилов В.В. Вкладная книга Серпуховского Высоцкого монастыря. М., 1993. С. 23.
64. Акты Московского государства. Т. 1. С. 42.
65. Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII вв. и роспись русского войска 1604 г. М., 1979. Ч. 1. С. 137.
66. Буганов А.И., Тихомиров М.Н. Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 378.
67. Писцовая книга пермских татар // Эхо веков. 2008. № 2.
68. Буганов А.И., Тихомиров М.Н. Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 407.
69. Там же. С. 417.
70. Солодкин Я.Г. Воеводы и письменные головы Пелыма первых лет его существования // Западная Сибирь: история и современность. Краеведческие записки. Вып. 5. Тюмень, 2003. С. 5.
71. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. М.-Л., 1937. С. 348-349.
72. Разрядная книга 1550–1636 гг. Т. II. Вып. 1. М., 1976. С. 124.
73. Шашков А.Т. К истории основания Березова и Пелыма // Культурное наследие российской провинции: история и современность: К 400-летию г. Верхотурья. Екатеринбург, 1998. С. 253, прим. 7; Его же. Березовское восстание 1595 года и основание Обдорского острога // Югра. 1999. № 1. С. 21.

74. Солодкин Я.Г. Воеводы и письменные головы Пелыма первых лет его существования // Западная Сибирь: история и современность. Краеведческие записки. Вып. 5. Тюмень, 2003. С. 5.
75. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. II. СПб., 1841. С. 317.
76. Жолкевский С. Записки гетмана Жолкевского о Московской войне, изданные Павлом Александровичем Мухановым. СПб., 1871. С. 111.
77. Конрад Буссов. Московская хроника. С. 178; Дневник событий, относящихся к Смутному времени (1603–1613 гг.), известный под именем «Истории ложного Димитрия» (Historya Dmitra falszywego). // Русская историческая библиотека (далее – РИБ). Т. 1. СПб. 1872. С. 223.
78. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. С. 277.
79. Небольсин П.И. Покорение Сибири. СПб., 1849. С. 106.
80. Новый список Сибирской летописи Абрамовского вида // Новые материалы по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1986. С. 79–81.
81. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 2. Тт. VI–X. СПб., 1886. С. 506.
82. Каргалов В.В. Московские воеводы XVI–XVII вв. М., 2002. С. 239.
83. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Том V. 1609–1615 гг. // Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 142. М., 1913. С. 409, 419–420.
84. Веселовский С.Б. Документы Печатного приказа (1613–1615 гг.). М., 1994. С. 384–385.
85. Отписки тобольских воевод царю Михаилу Федоровичу о путях сообщения из Мангазеи на Русь // РИБ. Т. 2. Стлб. 1068.
86. Молочников А.М. Соратник воеводы Михаила Борисовича Шеина, второй воевода Смоленска, князь Петр Иванович Горчаков [электронный ресурс] // URL: <http://primirenie-sml.ru> (дата публикации: 13.01.2014).
87. Писцовая книга Арзамасского уезда 1621–1623 гг. С. 20.
88. АПА. С. 200.
89. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 4. 1588–1632. СПб., 1851. С. 351.
90. Челобитные польскому королю Сигизмунду и королевичу Владиславу, 1611 г. // РИБ. Т. 2. Стлб. 699–700.
91. Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. Т. 2. Вып. 1. М., 1855. С. 132.
92. Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II-м отделением собственной Его Императорского Величества канцелярии. Т. 1. 1612–1628. СПб., 1850. Стлб. 145, 287.
93. Любомиров П.Г. Очерки истории Нижегородского ополчения. М., 1939. С. 41.
94. Акты Московского государства. Т. I. С. 142.
95. Писцовая книга Арзамасского уезда 1621–1623 гг. С. 21.

96. АПА. С. 581.
97. Антонов А.В. Нижегородские поместные акты конца XVI – начала XVII века // Русский дипломатарий. Вып. 5. М., 1999. С. 214; Анпилов Г.Н. Нижегородские документы XVII в. М., 1977. С. 89-90.
98. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. М.-Л., 1937. С. 342-343.
99. Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом. Вып. 1. 1578–1613. М., 1889. С. 80.
100. Лихачев Н.С. Разрядные дьяки XVI века. Опыт исторического исследования. СПб., 1888. С. 533.

Глава 3

101. Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций в 2-х книгах. Кн. 1. М., 2004. С. 249.
102. Полное собрание законов Российской империи. Т. V. № 2789.
103. Писцовая книга Арзамасского уезда 1621–1623 гг. С. 20.
104. РГАДА, ф. 1209, ДМЛ, кн. 7123, лл. 46-56; кн. 7184, лл. 416-423.
105. Сухотин Л.М. Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе, 1610-1611. М., 1911.
106. Платонов С.Ф. Книга о чудесах преподобного Сергия Радонежского. Творение Симона Азарьина. 1888. С. 120.
107. Русский дипломатарий. Вып. 10. М., 2004. С. 325.
108. Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого. Т. II. 1712 год. № 743. С. 193.
109. Новосельский А.А. Дело земского собора 1639 г. // Исторические записки. Том 24. 1947. С. 18.
110. Там же. С. 17.
111. Там же. С. 27.
112. ЦАНО, ф. 2013, оп. 602, д. 260.
113. Забелин И.Е. Троицкие походы русских царей. М., 1847. С. 5.
114. Бранденбург Н.Е. Материалы для истории Артиллерийского управления в России: Приказ Артиллерии (1701–1720). СПб., 1876. С. 181.
115. Исторические рассказы и анекдоты, записанные со слов именитых людей П. Ф. Карабаныным // Русская старина. 1871. Т. 4. № 12. С. 685.
116. Казанский П. Родословная Головиных, владельцев села Новоспасского. М., 1847. С. 60.
117. Головин В.В. О бедной и суетной жизни человеческой // Родословная Головиных, владельцев села Новоспасского. М., 1847. С. 55.
118. Пушкин А.С. История Петра // Полное собрание сочинений. В 17 тт. Т. 10. М., 1995. С. 245-246.
119. Походный журнал 1725 года. СПб., 1855. С. 3.

120. Власть в Сибири XVI – начале XX вв. 2-е изд., перераб. и доп. / Сост. Акишин М.О., Ремнев А.В. Новосибирск, 2005. С. 468-469; Мордовия: Энциклопедия в 2 томах / Сост. Сухарев А.И. Т. 1 (А-М). Саранск, 2004. С. 211.
121. Блинов И. Губернаторы: историко-юридический сборник. М., 1905. С. 66.
122. Буланин Д.М. Петр Великий: борьба за власть (1671–1725). М., 2008. С. 381-382.
123. Материалы для истории церквей Нижегородской епархии. Арзамасской десятины жилые данные церкви и пустовые церковные земли. М., 1902. С. 66.
124. РГАДА, ф. 1209, ДМЛ, кн. 7123, л. 55 об.
125. Подурец А.М. Саров: памятник истории, культуры, православия. Саранск, 1999. С. 131.
126. Чистович И.А. Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868. С. 534.
127. Там же. С. 547.
128. Зварыкин: Эпизод из истории Феофана Прокоповича. СПб., 1862. С. 56, 64-65.
129. Там же. С. 10.
130. Чистович И.А. Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868. С. 535.
131. Там же. С. 561.
132. Переписная книга города Москвы 1737–1745 гг. Т. 3. М., 1888. С. 14.
133. Купцов И.В. Материалы к некрополю Высоко-Петровского монастыря в Москве // Уральский родосвед. 2005. Вып. 5. С. 86.
134. Сенатские ведомости. 14 мая 1764 г.
135. Семейство Разумовских. Т. 2. 1880. С. 548.
136. Антиминс церкви Живоначального Источника Божией Матери села Хирина Арзамасского уезда // ЦАМНЕ. Коллекция антиминсов.
137. Смирнова Л.М. Крест: Будь то здание, человек или страна. Кн. 1. Н. Новгород, 2001. С. 161–163.
138. Памятники истории и культуры Горьковской области. Справочник. Горький, 1987. С. 289.
139. Поселянин Е.Н. Богоматерь. Описание Ее земной жизни и чудотворных икон: в 2 т. М., 2002. Т. 2.
140. Погребняк Николай, *протоиерей*. Живоносный Источник [Электронный источник] // Московские епархиальные ведомости. 2011. № 3-4.
URL: <http://www.mepar.ru/library/vedomosti/54/930> (дата обращения: 01.06.2014).
141. Щегольков Н.М. Исторические сведения о городе Арзамасе. Арзамас, 1911. С. 58–60.
142. Хитров Г.К. Историко-статистическое описание Тамбовской епархии. Тамбов, 1861. С. 301-302.
143. Холмогоровы В. и Г. Материалы для истории, статистики и археологии города Темникова и его уезда XVII и XVIII ст. (Темниковская десятина). Тамбов, 1890. С. 128-129.
144. Муравьев А.Н. Мысли о православии при посещении святыни русской. СПб., 1850. С. 308.
145. ЦАНО, ф. 570, оп. 559, д. 44 (1876), л. 107.

146. Щегольков Н.М. Исторические сведения о городе Арзамасе. Арзамас, 1911. С. 86.
147. РГАДА, ф. 483, оп. 1, д. 88 (1789), лл. 1–4.
148. ЦАНО, ф. 153, оп. 97, д. 374, л. 2.
149. Nikolai Abramowitsch Putjatin [электронный ресурс] // Википедия: свободная электронная энциклопедия: на немецком языке. URL: <http://de.wikipedia.org> (дата обращения: 15.05.2014).
150. РГИА, ф. 686, оп. 1, д. 21.
151. Петров П.Н. История родов русского дворянства. Книга 1. СПб., 1886. С. 47.
152. ЦАНО, ф. 153, оп. 97, д. 1575, л. 3.
153. Мацкевич Д.И. О жизни и государственных заслугах А.Д. Балашева. СПб., 1847. С. 14.
154. Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. Сборник документов. Уфа, 1975. С. 314, 382.
155. Гудков Г.Ф., Гудкова З.И. Из истории южноуральских горных заводов XVIII–XIX веков: историко-краеведческие очерки, Том 1. Уфа, 1985. С. 163; Мукомолов А.Ф. На южноуральских заводах: к 250-летию основания Твердышевских заводов на Урале. В 5 книгах. Кн. 1-2. М., 2001; Кн. 3. М., 2004.
156. Мацкевич Д.И. О жизни и государственных заслугах А.Д. Балашева. С. 17-18.
157. РГИА, ф. 892, оп. 1, д. 1, л. 13.
158. Там же, лл. 19-20.
159. Там же, л. 21 об.
160. Там же, л. 136 и далее.
161. Тестаччо. Некатолическое кладбище для иностранцев в Риме. Алфавитный список русских захоронений. СПб., 2000; [Шереметевский В.В.]. Великий Князь Николай Михайлович. Русский провинциальный некрополь. Т. 1. М., 1914. С. 64.
162. РГИА, ф. 892, оп. 1, д. 1, л. 55 и далее.
163. РГИА, ф. 892, оп. 1, д. 1597.
164. ЦАНО, ф. 177, оп. 766, д. 5258.

Глава 4

165. Меньшиков М.О. Письма к русской нации. М., 2002. С. 131.
166. Веселовский С.Б. АПА. [Предисловие составителя]. С. XIV-XV.
167. Солоневич И.Л. Народная монархия. М., 1991. С. 218.
168. Меньшиков М.О. Письма к русской нации. С. 130.
169. РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 801, л. 34.
170. ЦАНО, ф. 570, оп. 558, д. 125 (1799).
171. РГИА, ф. 592, оп. 1, д. 1, л. 39.
172. ГКУ ГАНО, г. Арзамас, ф. 19, оп. 1, д. 2, лл. 1–2.
173. ГКУ ГАНО, г. Арзамас, ф. 2, оп. 1, д. 15, л. 39.
174. РГИА, ф. 892, оп. 1, д. 1, л. 4.

175. РГИА, ф. 577, оп. 21, д. 189.
176. Там же, лл. 56-65.
177. Там же, л. 49 с об.
178. Крестьянское движение в России в 1881-1889 гг.: сборник документов. М., 1960. С. 426-428.
179. ЦАНО, ф. 178, оп. 95а, д. 491.
180. Там же, л. 5 об.
181. Там же, л. 7 об.- 8.
182. ГКУ ГАНО, г. Арзамас, ф. 2, оп. 1, д. 1477, л. 10.
183. ГКУ ГАНО, г. Арзамас, ф. 2, оп. 1, д. 1477, л. 8 об.
184. ЦАНО, ф. 1636, оп. 947, д. 73, л. 4, 6-6 об., 11.
185. Н-ков. Село Хирино Арзамасского уезда // НГВ. 1901. № 35.

Глава 5

186. ЦАНО, ф. 489, оп. 286, д. 357, л. 1.
187. ЦАНО, ф. 489, оп. 286, д. 357, л. 2.
188. Там же, л. 3.
189. Там же, л. 10.
190. Там же, лл. 11-12 об.
191. Там же, л. 10 об.
192. Там же, л. 13 об.
193. Боголюбов А.Н., Павлов В.Е., Филатов Н.Ф. Августин Бетанкур (1758-1824). Ученый, инженер, архитектор, градостроитель. Н. Новгород, 2002. С. 190.
194. Тихон (Затекин), архимандрит, Дегтева О.В., Букова О.В. Патриарх Кирилл и его исторические корни на Нижегородской земле. Н. Новгород, 2012. С. 5-59.
195. ЦАНО, ф. 178, оп. 766, д. 8476, л. 8.
196. Там же, л. 18-18 об.
197. ЦАНО, ф. 61, оп. 213, д. 231.
198. Там же, лл. 11 об.-12.
199. ГКУ ГАНО, г. Арзамас, ф. 2, оп. 1, д. 304, л. 7.
200. Материалы для статистики России, собираемые по ведомству Государственных имуществ. Вып. I. СПб., 1858. С. 115.
201. ЦАНО, ф. 489, оп. 286, д. 357, лл. 4-4 об.
202. Иллюстрированное урочное положение. Пособие при составлении и проверке смет, проектировании и исполнении работ / Сост. Н.И. де Рошефор. Петербург, 1916. С. 22.
203. ЦАНО, ф. 489, оп. 286, д. 357, л. 5.
204. Шубин И.А. Волга и волжское судоходство. М., 1927. С. 428.
205. Чернышевский Н.Г. Собрание сочинений в 15 томах. М., 1949. Т. IX: 1860-1861 гг. С. 630.

206. Шубин И.А. Волга и волжское судоходство. С. 423.
207. Гартевельд В.Н. Среди сыпучих песков и отрубленных голов. Путевые очерки Туркестана. М., 1913. С. 81–86.
208. Нефтяная промышленность Азербайджана [Электронный ресурс] // Википедия: свободная электронная энциклопедия: на русском языке. URL: <http://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 01.06.2014).
209. Ахундов Ф. Рожденные быть гигантами: Ротшильды и «Роял Датч Шелл» в Баку // Capital. № 3. Май, 1997.
210. Просветительская, меценатская и благотворительная деятельность Ашурбековых // Сара ханым Ашурбейли: мемориальный сайт. URL: http://www.sara-ashurbeyli.info/article.php?num_a=23
211. ГИА АР, ф. 798, оп. 2, д. 4812, лл. 40–41, 83.
212. ГИА АР, ф. 798, оп. 1, д. 1566, лл. 65–66.
213. ГИА АР, ф. 798, оп. 1, д. 751, л. 115–об. 116.
214. ЦАНО, ф. 1838, оп. 1, д. 86, л. 102 об.
215. Классон Р.Э. Бакинский дневник (1900–1902) [Электронный ресурс] // Семейные истории на фоне эпохи. URL: <http://www.famhist.ru/famhist.ru/famhist/klasson/baku-dnevnik.pdf> (дата обращения: 10.05.2014).
216. Карпенко В.Ф. Земля Шатковская: прошлое и настоящее. Арзамас, 2004. С. 137.
217. Резанов Г.С. Воспоминания [Рукопись] // Личный архив И. Р. Ашурбейли.

Вместо заключения

218. Григоркина В., Курлапов А. Людей объединяют Память и Надежда // Казачьи ведомости. Уральск. 2011. №3. Цит. по: Горынычъ: краеведческий сборник [Электронный ресурс]. URL: <http://gorynych.gixx.ru/Gorynych/out/Grigorkina-Kurlapov.htm> (дата обращения: 15.07.2014).

*Список сокращений,
использованных в подписях к иллюстрациям
и в библиографии*

АПД УДП АР – Архив политической документации при Управлении делами Президента Азербайджанской Республики (г. Баку)

ГКУ ГАНО, г. Арзамас – Государственное казенное учреждение «Государственный архив Нижегородской области», г. Арзамас

ГИА АР – Государственный исторический архив Азербайджанской Республики (г. Баку)

ГОПАНО – Государственное казенное учреждение «Государственный общественно-политический архив Нижегородской области» (г. Нижний Новгород)

РГАДА – Российский государственный архив древних актов (г. Москва)

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории (г. Москва)

РГБ – Российская государственная библиотека (г. Москва)

РГИА – Российский государственный исторический архив (г. Санкт-Петербург)

ЦАМНЕ – Церковно-археологический музей Нижегородской епархии (г. Нижний Новгород)

ЦАНО – Государственное казенное учреждение «Центральный архив Нижегородской области» (г. Нижний Новгород)

Ляпин Михаил Александрович
Хиринский хронограф. Очерки истории села Хирина,
что под Арзамасом, XVI–XXI веков

Автор идеи и издатель:	Игорь Ашурбейли
Руководитель проекта:	Елена Щербакова
Макет, верстка:	Сергей Максимов
Редактор:	Ирина Григорян
Фотографии:	Александр Барыкин Михаил Ляпин Борис Поваров Алексей Козориз

При оформлении книги использованы фотоматериалы
с сайта Нижегородской митрополии Русской
Православной Церкви (Московский Патриархат)
<http://www.nne.ru>.

Подписано в печать 22.08.2014.
Формат 60/90/8. Объем 12 п. л.
Печать офсетная. Бумага мелованная 150 г/м².
Тираж 500 экз.
Заказ № _____

ООО «Издательский дом «Кодекс»
129626, Москва, Графский пер., д. 9, стр. 2

Издание подготовлено
рекламно-издательской фирмой
ООО «Рекламный проспект»
Москва, 129010, Астраханский пер., дом 17